

Лесная ведунья

Книга вторая

ЕЛЕНА
ЗВЕЗДНАЯ

Annotation

Раньше юная ведьма Весяна уверенно справлялась с ежедневными проблемами Заповедного леса. Но что делать, если лесу грозит нежить? Кого звать в помощники, если на всё королевство осталась лишь одна лесная ведунья? Самой Весяне справиться в этот раз не по силам, а кто на этой войне друг и кто враг, ещё предстоит разобраться.

- [Елена Звездная](#)
 -
 - [«Лесоведчество. Часть 1. Магическая составляющая»](#)
-

Елена Звездная

Лесная ведунья. Книга 2

Поутру меня разбудил стук, словно топором по брёвнам. И почему-то от этого улыбка появилась сама собой, а в голове промелькнуло радостное: «Охранябушка!». Даже собиралась было вскочить с постели, подбежать к окну да и поглядеть на него... а потом вспомнила — нет больше охранябушки. Нет его... Есть архимаг, да такой рядом с коим и стоять то страшно, а охранябушки больше нет... И так тоскливо от этого, что хоть вой.

Надо же, только сейчас поняла, как привязалась к нему. И от чего так случилось, мне не ведомо. Да только, ощущение на душе гадкое, и чувство такое, что охранябушка, вот он был реальным, настоящим, живым... а архимаг Агнехран его убил и личность его своей заменил. Такое вот ощущение. Глупое, разумом понимаю, а сердцем и душой понять сложно.

Сердцем и душой вообще всё происходящее понять сложно.

Жила себе привольно почти три года, да тяжело было по началу, но справилась ведь, и жила себе. По субботним дням на ярмарки ходила, лес свой в порядок приводила... на могилку Кевина старалась не заходить...И оживала, оживала ведь, понемногу, по чуть-чуть, но оживала...

А теперь рухнуло всё.

Мы на грани войны, которую я же и развязала. Понимаю, что верно поступила, всё понимаю... а страшно мне. Я ж почитай с детства малого всегда как на войне жила. Да даже с рождения... Тяжело, но свыклась, научилась так жить, от того в учении у Славастены и сумела себя отстоять, выжить... вопреки всему выжить. А теперь вот снова.

Ну да кому война, а кому мать родна. Так значит так. Будем выживать дальше.

И я встала с постели.

Потянулась, умылась, причесалась, поблагодарила домового, за чай с бутербродом, присела к окну, завтракать, да и... чуть не подавилась.

Топором орудовал аспид!

Чёрный, в шёлковой ярко-синей рубашке, чёрных штанах замшевых, с чёрными сапогами до колена, он, закатав рукава, мастерил дверь в мой вчерась построенный погреб. И хорошо у него получалось, славно даже. Всё было славно до того, как аспид отошёл от свежесколоченной дверцы, протянул руку — и дерево охватило пламенем. Секунд на пять! Опосля пламя погасло, но на этом испытание для двери не закончилось.

Прозвучало заклинание — и железо, ржавое, неведомо откуда взявшееся и валяющееся грудой, потянулось расплавленным алым ручейком к дереву, вмиг плёнкой железа охватило древесину и остыло тут же.

Леший, пара вампиров, несколько оборотней да мой кот с вороном сидели-стояли с отвисшими челюстями-клювами. Аспиду повышенное внимание не мешало ничуть. Закончив с одной дверцей, он за вторую взялся.

Надо же, какой хозяйственный.

Интересно, они, аспиды, все такие хозяйственные? Хотя вопрос глупый, были бы все, так не вымерли бы...

Я взяла чашку, сделала глоток, посмотрела в окно.

Аспид брался за вторую дверь. Неспешно, уверенно, по-деловому, без лишних движений... И так сердце заныло вдруг. Невыносимо заныло, нестерпимо просто. Очнулась когда уже брала серебряное блюдце, когда яблочко наливное по кругу пустила, когда без ответа ждала минуту, вторую, третью... тогда и очнулась. Агнехран не отвечал. Занят видимо.

Маги они такие — всегда заняты.

Убрала яблоко, вернула блюдце на место, без аппетита совсем, без желания начала есть хлеб с сыром, а взгляд нет-нет, да и опять за окно метнётся. И вот аспид же, страшный, даже с такого расстояния, даже из избы и из окна страшный, а смотришь на него и нет-нет, да проглядывает что-то до боли родное. Вот только что?

Из пола высунулся леший, на меня поглядел да и спросил:

— Поела?

Кивнула, хлеб дожевывая.

— Чего хмурая такая? — верного друга не проведёшь, всё видит.

— А чему радоваться? — спросила устало.

— Так у нас аспид есть, — с уверенностью в том, что раз аспид есть, то проблем нет, сообщил леший.

— Аспид есть, — согласилась я. — А о том, какой он злой будет, когда без оплаты останется, мы пока думать не будем.

— Не будем, — согласился леший.

Вылез из пола, к окну прошел, хмыкнул и сказал:

— Во, смотри, сейчас будет. Четвёртое испытание проводим.

— Четвёртое испытание чего? — спросила недоумевающее.

Леший молча крючковатым пальцем в окно указал.

И я увидела.

Поглядеть было на что. Аспид с делом завершив, руки мокрой тряпкой протёр, отошёл на пару шагов и сделал приглашающий жест вампирам. И я вдруг только сейчас заметила — что-то не так с вампирами было. Что-то явно не так. Что-то с причёсками. Точно с причёсками. Так-то одеты франтовато, как и всегда, но бледные зело, да волосы всклокочены.

— Лешинька, — я привстала даже, старательнее вглядываясь. — А с вампирами что? От кикимор моду переняли или как?

— Или как, — хмыкнул друг верный. — Это их опосля второго эксперименту закоротило. Не рассчитал аспид силушку с раза первого то.

Повернула голову, посмотрела на лешего да и переспросила:

— Ты сказал опосля второго эксперименту?!

— Сказал, да, — леший кряхтя забрался за стол, но стул под ним пугающе заскрипел. — С первого разу не повезло Гыркуле. Такое тут было, Веся, хорошо аспид полог тишины поставил на избёнку, сказал тебя будить нельзя, тебе отоспаться надобно.

Глаза мои стали аки блюдца.

— Да не изумляйся, аспид мужик свойский оказался, хороший такой мужик, качественный. Но Гыркуле не повезло.

— Что с Гыркулой, леший?! — я с места вскочила.

— Да особливого ничего, — пожал плечами друг верный. — Далак первый шёл, ему хоть бы хны, дверь открыл. А Гыркула... коротнуло там чего-сь, так орал... когда летел. Далеко улетел, к слову, меня аспид послал замеры сделать — четыреста шагов насчитал!

И гордо так сказал, прямо таки сияя.

— Леший, — я чуть не взревела. — С Гыркулой что?

— А шо ему будет-то? Вампир же, — леший повёл плечом. — Домой сыновья забрали, но ничё, дней через двадцать в себя придёт уже. Весь, да ты чего?

Я уже из избушки выбегала, на ходу плащ на себя накидывая и про обувь позабыв. Промчалась через двор, лишь мельком заметив, что дверь на открытие испытывают уже волкодлаки, а вампиры, с облегчением отошли от погребя, но не волновало то меня. Забыв про свой страх перед аспидом, я налетела на следившего за каждым моим движением, схватила его за шиворот, и втокнула на тропу, что открыла без клюки — рывком перекинув нас в сосновый бор. В сосновый, потому что сил на такой перенос слишком много уходит, и, боюсь, из любой другой части леса выползть бы пришлось.

Разгневанная, испуганная, злая как тысяча анчутков, я прижала мужика к дереву, наплевав на нашу разницу в росте, габаритах и даже силе, и прошипела, сжимая ворот его рубашки:

— Ты что себе удумал, ирод?!

Ирод стоял, прижатый к голому стволу сосны и со странным выражением в змеиных глазах, взирал на меня сверху вниз. И судя по взгляду, отвечать мне аспид не собирался вовсе.

Меня же от негодования трясло, да нехило. Отпустив одежду аспиды, что трещала уже в моих руках, я отшатнулась к ближайшей сосне, прижалась спиной к стволу, руки на груди сложила, да и посмотрела на аспиды пристально.

Аспид профессионально делал вид, что абсолютно не в курсе причин моего гнева.

— Речь о Гыркуле, — пояснила холодно.

По лицу аспиды, образно выражаясь, скользнула тень понимания, но едва ли я могла различить выражение его угольно-чёрного лица, показателем эмоций оставались лишь глаза — чуть сузившиеся опосля пояснения моего.

Затем, ровно и серьёзно аспид произнёс:

— Речь о последствиях испытания состава противонежицкой стали, не так ли?

— Противо... чего? — не сразу сообразила я.

Аспид не ответил, лишь усмехнулся... причем, ухмылку можно было заметить лишь благодаря мелькнувшим зубам. Вполне

человеческим, к слову. Оттолкнулся от дерева, медленно подошёл ко мне... здоровенный то какой, я уж и подзабыла об этом. Подойдя, остановился в полушаге, постоял, сложив руки на груди, и казался островком беспечного уверенного спокойствия, даже среди более чем уверенных в себе сосен. А выглядеть спокойнее сосен в двухвековом сосновом бору это ещё постараться надо. Невольно почему-то заужала аспид, даже не знаю почему. Но потом вспомнила про Гыркул, и праведный гнев вернулся в полном объёме!

— Послушай... те, — прошипела, искренне желая наградить аспид парой сотен комариных отрядов. Не то, чтобы они меня всегда слушались, но в исключительных случаях — бывало. — Мне плевать, чем вы попытаетесь оправдаться! Мне совершенно плевать — какие были у вас мотивы! И мне не важно, есть у меня доказательства или нет! Я абсолютно точно знаю, что вред графу вы причинили намеренно!

Глаза аспид сузились ещё сильнее, казалось, он желал возразить, но отбросив небрежно эту идею, вдруг абсолютно спокойно сказал:

— Что ж, раз отрицать очевидное не имеет смысла, я вынужден признать — вы правы. Впрочем, об этом вам, госпожа ведьма, известно.

У меня появилось безумное желание ему врезать пощечину. Неимоверно сильное желание... одна маленькая проблема — я понятия не имела, какой аспид на ощупь. Не всем же можно без оглядки лещей раздавать, вот лещему, к примеру, нельзя, он деревянный с сучками и прочими древесными прелестями, так что если что и пострадает, то это рука и гордость посягнувшего. Поэтому посягать на лицо аспид без проверки я не рискнула.

Решено было проверить.

Молча протянула руку — аспид даже не шевельнулся, коснулась пальцами его щеки — на ощупь матовая угольно-чёрная чешуя казалась вполне мягкой, а вот глаза исследуемого индивида заметно округлились, недоуменно взирая на неадекватную реакцию разъярённой ведьмы.

— Это что? — спросил он, когда я уже прижала всю ладонь к его щеке.

— Это? — спросила, прикидывая, будет мне больно от удара или не будет. — Исследование.

— И как? — поинтересовался испытуемый.

— Удовлетворительно, — завершила, прекратив лапать его лицо. —
Перейдём к удовлетворению!

Пощечина вышла звонкой, такой, что на весь бор звук разнёсся, да вот только следом почти на весь лес уже мой вой.

Не знаю как аспид, он стоял всё так же непоколебимой скалой, правда уже вновь с угрожающе сузившимися глазами, а я подвывала, держа свою руку. Вроде же мягкий был!

— Удовлетворилась? — наблюдая за моими мучениями, спросил ирод.

Я бы ответила, но больно было очень.

— Знал бы что так ударишься, перехватил бы ладонь, — сокрушённо произнёс гад чешуйчатый, и схватил мою руку, несмотря на попытку спрятать её за спину.

А затем, пользуясь тем, что я в попытке не орать, отчаянно кусаю губы, прикоснулся к стиснутой пальцами ладони второй рукой — боль исчезла мгновенно.

Так же быстро, аспид отпустил меня. И даже учтиво отошёл на шаг, оставляя оторопевшую ведьму мучительно переживать свой позор. Переживала я недолго. Хотя и было стыдно.

Снова руки на груди сложила непримиримо, вперила взглядом недобрым в аспид и серьёзно сказала:

— Так у нас с тобой ничего не выйдет, аспид.

Аспид промолчал.

Я же продолжила мрачно и решительно:

— Все, кто на пиру по-ночи был, под моей защитой находятся. Все. Война-то война, всякое случиться может, но на территории моего Заповедного леса за порядок отвечаю я. Ты не Гыркуле вред причинил считай, а мне!

Аспид слушал, но никоим образом не выражал желания высказаться по поводу своего поведения. А лучше бы сказал хоть что-нибудь. Досадливо поджав искусанные губы, молча смотрела на аспид. Аспид молчал. Я смотрела. Он молчал. Комары прилетели сами, три сотни, не меньше, зависли над аспидом и по сторонам от него и... жужжали. Мы молчим, комары звенят, сосны колышутся, а аспид это всё вообще не колышет.

Что ж, мне говорить пришлось.

— Я тебя в лес пустила, потому что не было в тебе ни злобы, ни стремления вред чинить. Но дня не прошло, а ты едва Гыркулу не убил. Как доверять тебе теперь, аспид?

Ответом мне была тишина. Только теперь другая — напряжённая и мрачная. До того мрачная, что комары, явившиеся чуть ли не по собственному желанию, подумали да и свалили, не желая поддержать меня в моей печальной участи.

Остались аспид, сосны и я.

Сосны, я и аспид.

Аспид, я и сосны.

— Аедан, — вдруг нарушил тишину мрачно молчавший.

Смутное узнавание древнего языка промелькнуло где-то там, на задворках моей памяти. На задворках было много чего, и вспоминаться всё это не слишком любило, а потому споро вытолкнуло явно сопротивляющееся знание, и я с сомнением произнесла перевод слова:

— Огонь что ли?!

— Моё имя, — пояснил аспид.

Мы помолчали.

Я несколько в смущении и даже чуть-чуть в приступе стыда, аспид явно в размышлениях. Итогом его раздумий стало неожиданное:

— Если я дам клятву, что не причиню более вреда никому из твоей нечисти, дело с Гыркулой мы забудем?

Я смотрела на аспид молча и враждебно. «Дам клятву и дело забудем»? Звучит складно, очень складно, да только веры нет. Передо мной стоял главный козырь в битве с нежитью, наводнившей Гиблый яр. И битва предстояла суровая, это я уже поняла, по той страшной ночи я многое поняла, но вот аспид... Много жизней он спасти может, а сколько отнять? Спасти ведь и я смогу, осторожностью, хитростью, смекалкой своей. Я смогу, я знаю. Так нужен ли мне аспид?

— Пощечину зачем дала? — спросил вдруг аспид.

Я отвернулась, вдаль поглядела.

— Не отвечай, сам знаю, — усмехнулся он. — Испытывала ты меня, да, ведьма?

Взглянула на него недобро. Испытывала, да. И если бы вспылел, проявив характер, в ту же секунду бы из лесу вышвырнула, но он сдержался. Даже меня умудрился пожалеть и исцелить. Стало быть испытание прошёл, вот только... Гыркула два месяца встать не сумеет,

а это для вампира означает тяжкие, весьма тяжкие телесные повреждения.

— Испытывала. И испытание ты прошёл, — сказала честно, увиливать не стала, и посмотрела на аспида прямо, взгляда не пряча. — Да только в том проблема, аспидушка, что зла я в тебе и вчера не увидела, а уже сегодня ты мне вампира покалечил. Но вот я гляжу, а зла в тебе нет всё так же. Вот только у меня уже нет доверия! Что делать будем, господин Аедан?

Аспид стоял, молча, угрюмо глядя на меня. Размышлял видимо.

Сделаем так, — не дожидаясь пока доразмышляет, сказала я. — Ты назовёшь мне причину, по которой Гыркулу покалечил. Настоящую причину. И учти — я ведьма, коли солжешь я увижу.

Судя по взгляду вновь суженных глаз, аспид об этом знал. От того и говорить не спешил, то ли слова подыскивал, чтобы обойти камень правды ручейками лжи.

— Аедан, — я смотрела прямо. — Я не буду тонуть в болоте лжи и недомолвок. Назови причину или уходи из моего леса.

Он усмехнулся, сверкнули зубы кипенно-белые, плавный шаг ко мне сделал аспид, и нависнув надо мной громадой своей, тихо произнёс:

— Исполнее.

Что?!

Выражение моего лица видимо отразило весь испытываемый шок, потому как нависать аспид перестал, скривился досадливо, на мою недогадливость сетуя, головой покачал укоризненно и пояснил:

— Договор с Гыркулой на исполнее. Твоё, я так понимаю?

М-да.

Я стояла, молча взирая на аспида, и не ведая — правду ему сказать или ещё раз затрешиной наградить, теперь уже не в испытательных целях, а исключительно в морально-удовлетворительных для меня. Да только тут не о себе думать надобно было — о деле, что начала, о лесе, что в спасении нуждался, о мире среди моих бравых воинов. И в таком контексте, после мрачных раздумий, решено было правду сказать.

Тяжело вздохнув, пожала плечами, да и уведомила:

— Своё исполнее мне в карты проиграли сыновья графа. Два сына. Естественно ушли они в нём, я на нагие тела упырины

смотреть не нанималась, так что за вампирами остался долг. Священный карточный долг. А вампиры терпеть не могут быть кому-то должными. Вот и всё.

Выражение лица аспида стало непередаваемым. Оно в принципе было непередаваемым, сейчас же глаза более не зауживались, они скорее слегка округлились, ну и в позе аспида появилась некоторая растерянность, и в целом...

— Я... я... ты... — ничего более аспид произнести не смог.

Зато меня словно леший за язык дёрнул.

— Подводим итог — аспиды практически исчезли с континента по причине своей атипичной агрессии при любом упоминании ведьминских труселей. Жаль, я больше не ведьма, а то знаешь ли, господин Аедан, хорошее научное исследование вышло бы. А впрочем...

Тут я вспомнила про договор с Лесной Силушкой. Она меня пожалела, узрев в виде полуживом, но как оклемаюсь... Может Гиблым яром откупиться получится?

— Впрочем? — подтолкнул меня к продолжению аспид.

М-да, мне он больше нравился пребывающим в шоке. Поспокойнее как-то было на душе. А теперь вот опять — в глаза в упор глядит пристально, вид опасный, взгляд пронизательный.

— Впрочем, это неважно, — я обессилено прижалась к стволу сосны, с каждым вдохом втягивая в себя силу соснового бора. — Дай мне клятву.

Хмыкнув, аспид спросил:

— Что не буду впредь твоих воинов калечить?

Хм.

— Тогда две клятвы, — улыбнулась я.

— Дважды поклясться, что не буду твоих воинов калечить? — уже несколько издевательски поинтересовался Аедан.

Одарив его скептическим взглядом, уточнила:

— Один раз поклянешься в том, что разговор про исподнее останется между нами. Это дело чести. Не сказала бы тебе ни слова, но ты раз уж пришлось, клятву дашь о неразглашении. Второй — что излечишь Гыркулу. Если уж меня сумел, да так споро, значит и с вампиром справишься. А клясться в том, что никому из воинов моих

вред не причинишь — не стоит. Потому как если причинишь... — договаривать я не стала.

Аспид не стал спрашивать.

Несколько секунд он смотрел на меня неуловимо потемневшим взглядом, затем поклонился, развернулся и ушёл. Сам. Ногами. Я вслед смотрела, пока не скрылся за стройными соснами, после сползла наземь. И сидя под деревом, просто дышала, успокаиваясь и восстанавливаясь.

А потом началось!

Сначала прибежали зайцы — и долго, во всех выражениях и жестах ругали злыдней, ауков и анчуток. Призрачная нечисть, как оказалось, прямо вот с утра по раньше, как только пир закончился, принялась отрабатывать навыки запугивания... на волках.

Волчьи стаи в известность леший поставил, стало быть, тренировку разрешил, но не только волки в лесу обитают, имелись и непредупреждённые о тренировочно-боевых действиях. Так с перепугу зайцы ломанулись прочь, а птицы вообще улетели гнезда побросав.

Когда умчались с трудом успокоенные зайцы, заявили волки. Серые были очень довольны происходящим, а ко мне явились исключительно с одной целью — спросить, где аспид, потому как им требовалось доложить об успешном проведении операции.

Молча указала направление, куда сей деятель ушёл.

Потом заявили кабаны. Спросили где аспид...

Молча указала направление, по которому уже умчались волки.

Потом пришли олени... Спросили где аспид!

Потом прилетели злыдни...

После ауки...

Анчутки...

Бадзулы...

Менялась нечисть, но не менялся вопрос!

Потом прибежали русалки, поинтересовались, а чего господин аспидушка на обед изволит?

Когда пришел леший, я потрясённо спросила:

— Что происходит?

Леший пожал могучими плечами и спросил:

— Весь, а где аспид?

Молча и выразительно подняла с земли шишку, взвесила будущий метательный снаряд на ладони... леший сходу всё понял. Отступил, руки подняв в жесте защитном, и оправдаться попытался:

— Так он же главнокомандующий, к нему с отчётом о проделанном идти и следует и...

Шишка в лешего не полетела, шишка осталась в моих руках, вместе с одним единственным вопросом: «Где эта тварь, которая аспид?!».

— Тропу заповедную к избушке открой, — попросила я лешего.

— Тебя водяной видеть хотел, — с каким-то странным сомнением на меня взирая, сообщил верный друг.

* * *

Водя ждал у заводи.

Ничуть не удивился, когда вместо того, чтобы сесть рядом с ним у берега, я сбросила плащ и отправилась в студёную воду. Самое то было для меня сейчас. Подуспокоившись, вышла на берег, закуталась в плащ, пряча мокрую облепившую меня ткань сорочки, плюхнулась на траву рядом с водяным и выдохнула:

— Ну и... дела.

— Да уж, — поддержал моё потрясённое негодование водяной.

Мы помолчали, глядя на умиротворяюще спокойную воду. Посидели. Помолчали.

— Весь, — вдруг произнёс водяной. — Я, что сказать хотел, если ради меня это всё, то... не стоит, Весь, правда не стоит.

Глянула на него хмуро и даже отвечать не стала.

— Весь, мои русалки вчера по ночи двух лесных хозяек видели. Двух, Весь. Ни в одной жизни не было, а всё ж стояли да переговаривались. Как понимать это? Как принять? Как...

— Да просто всё, Водя, — я рукой воды коснулась, от пальцев круги во все стороны побежали. — Началось с безразличия. При безразличии всеобщем продолжилось. Сам посуди — тебе за столько-то лет, до Гиблого яра дело было?

— Нет, — тихо признался водяной.

— Вот и мне дела никакого не было, Водя. Я своим горем упивалась, по сторонам смотреть было некогда. Потом с лесом кое-как справляться начала, потом раба вот... спасти пыталась. А то, что в Гиблом яру дела тёмные творятся, я же только тогда, в ту ночь, когда за магом ринулась, и осознала. До того — не было мне дела, понимаешь? Никому дела не было, вот и... расхлёбываем.

Промолчал водяной.

Ладонь к воде протянул, и поднялся из заводи цветов кристально-прозрачный, расцвёл, лепестки ронять начал... красиво.

— Дальше что будет? — спросил Водя.

— Что-то точно будет, — я плечами пожала. — Вопрос лишь в том — что именно. А больше всего-то тревожит, Водя, что мне теперь из лесу моего шагу не ступить, потому что... на мне всё держится, и свою жизнь мне беречь придётся всеми силами.

Усмехнулся водяной и тихо заметил:

— Вот и я в той же шкуре.

То мне было ведомо.

Посидели ещё на берегу, затем Водя спросил:

— Аспид не шибко деятельный-то?

— Напекаешь, что не так прост, как кажется? — прямо спросила.

Водяной кивнул.

— Знаю я, — водой плеснула раздражённо. — Вижу, что непрост. Зла в нём не ощущаю, злобы тоже нет, да душа всё равно сомнениями полна сверх меры.

И тут подала знак Ярина.

Я глаза закрыла, глазами чащи посмотрела да и увидела — стоит у кромки леса моего заповедного Ингеборг, в королевстве последний архимаг. Кончики пальцев его правой руки светятся, словно металл раскалённый в печи у кузнеца, в глазах ярость, лицо бешенством искажено, но стоит, идти дальше не рискует. А и мало кто рискнул бы — Ярина в состоянии охраны то ещё зрелище, терновые кусты под землей, словно змеи ползут, перекатываются, чёрные шипастые змеи, опасное зрелище. А вот Леся не скрывалась — на поляну вышла, девой частично прикрытой только, издевательски Ингеборгу оскалилась.

— Ты значит, — хрипло произнёс архимаг. — Ты сына моего потомства лишила!

Чаща моя лишь плечами повела, да и улыбнулась коварнее раз в пять. И нарывается же, зараза, а главное хоть бы правду сказала — не лишала она никого и ничего, впрочем и архимаг должен был бы знать, что чаща без дозволения моего калечить права не имеет.

«Ярина», — позвала я.

И чёрные змеи, перекатывающиеся под землей и лишь слегка виднеющиеся на поверхности скользкими телами, вырвались на свободу ядовитыми кустами, словно пасть огромного хищника нависнув над архимагом.

— То есть, вас тут две, — усмехнулся Ингеборг. — Две чащи... Ведуньи тоже две.

Из глубины леса донесся глухой рык — архимагу пора было проваливать.

— Я вернусь, — угрожающе произнёс он. — Я обязательно вернусь.

Я могла бы его убить. Прямо сейчас, и на месте. Могла бы. И любая нормальная лесная ведунья поступила бы именно так — заразу нужно уничтожать сразу, но я не совсем ведунья, я ещё и ведьма... Надеюсь, пожалуй не придётся, но надеждам явно не суждено будет сбыться, и я об этом знала.

Открыла глаза, возвернувшись к заводу, посмотрела на водяного, тот спросил:

— Случилось чего?

— Да чаща моя... неугомонная, — вздохнула я.

— С этим спорить не буду, — хмыкнул Водя. — Так что дальше делаем?

Я уж собралась начать соловьём заливать про план мой продуманный, про действия выверенные, но тут вспомнила зайцев, волков, нечисть, оленей... и ляпнула:

— К аспиду схожу, узнаю.

Странно посмотрел на меня Водя, угрюмо глянула в ответ я. А что ещё сказать? Тут уже аспид такую деятельность бурную развёл, что с ним, похоже, придётся не просто считаться, а советоваться! Да деваться некуда.

Заветную тропу к избушке леший открыл, клюку-то я забыла, а самой открывать сил много уйдёт.

А вот когда я к избе шагнула, то и осталась стоять, где стояла.

Во дворе у меня два действия проходило одновременно — нечисть стояла в очереди на открытие дверей в погреб, прямо по видам и стояла, по одному представителю от каждого. А за большим столом, где накануне пировали, сидели главы вампирские, волкодлакские, моровики, кикиморы и даже волки стояли, поднявшись на задние лапы и с интересом взирая на происходящее. А происходил совет. Натуральный военный совет.

Аспид стоял, чёрный, пугающий, сосредоточенный — настоящий генерал, не меньше, двигал на карте какие-то фигурки и что-то объяснял. Остальные внимали, поглядывая на аспида как на бога, не меньше.

Прямо глазам своим не верю!

Ладно волкодлаки да остальная нечисть, но чтобы вампиры, надменные высокомерные вампиры, слушали кого-то чуть ли не рты раскрыв, за каждым движением подобострастно следя — это уже что-то запредельное.

Подошла ближе, в плащ кутаясь.

Остановилась возле аспида, за правым плечом его, в карту вглядываясь. Меня заприметили, и Гыркула (откуда только взялся так быстро, неужто аспид уже вылечить его успел?!), спросил:

— А госпожа лесная хозяйка в операции участвует?

Участвует, конечно! Это вообще-то моя война, между прочим.

Но и не взглянув на меня, аспид холодно ответил:

— Ей нельзя, — и оглядев всех присутствующих за столом, кроме меня только, добавил: — Госпожа лесная ведунья главный приоритет в защите. Граф Гыркула, вождь Далак, моровой Морут, выделите охрану для ведуньи. Охранять денно и нощно, одну ни на миг не оставлять. Если с её головы волосок упадёт — своей головой мне ответите. Ещё вопросы?

Были таковые! Много! У меня! И я даже жаждала их задать, и даже рот открыла и уж шажок решительный сделала, как аспид вдруг соблаговолил меня заметить, глянул неласково искоса, да и произнёс:

— Ступай, лесная хозяйка, выпишись, поешь как следует, а к ночи накидай мне списком, чего супротив нас могут сделать ведуньи

лесные. По пунктам накидай.

И так захотелось мне, приласкать этого гада клюкой подскочившей как раз. Аж рука зачесалась! Аж...

— Пойду, — сказала клюку сжав. — И поем, и выплюсь, отчего ж не отдохнуть, коли такие помощники резвые выискались. Всем помощникам на зависть! Да только будь добр, аспидушшшшка, посторонись на мгновение.

И потеснив гада черно-матового, встала во главе стола, на карту посмотрела.

Хорошая карта была, живая, магическая. И откуда только приволок-то? Ну да не в этом суть — на карте мостки были проложены. Да не простые — а из железа зачарованного... Медленно я на погреб оглянулась, да и начала догадываться.

Аспид же мою догадку подтвердил:

— Мосты что водяной выстроит, металлом заговорённым покрою. Да состав не простой — нечисть пропустит любую, а вот нежити не поздоровится... граф Гыркула тому примером послужит наглядным.

Вот как значит?

Но на аспида поглядела мрачно, холодно... может, что угодно говорить, но Гыркуле вред причинил намеренно, хоть и осталось это для остальных лишь испытанием.

— Мосты ставим здесь, — аспид передвинул мост к устью реки. — Здесь, — середина моего леса. — И здесь, — место аккурат там, где ранее башни чародейские стояли.

Я постояла, рассуждая неторопливо, опосля клюка в руке моей стала прутиком, и не касаясь карты магической, я сдвинула с неё третий мост.

— Здесь берега крутые, да река глубока, и мощи в течение столько, что водяной легко не удержит, силу истратит понапрасну, а сила та может и пригодиться.

Постояла еще, на два других моста взираючи.

— И вот этот, срединный, сдвинуть надобно вниз по течению, там подлесок растёт, бор сосновый, спасительный, под удар его ставить нельзя.

Аспид выслушал молча, затем произнёс:

— Повторюсь, любезная леса хозяйка, нежить на эти мосты вступить не сможет, нету угрозы лесу твоему.

Скорбно вздохнув, я клюке вид исходный вернула, от стола к погребу направилась — нечисть тут же пододвинулась место мне освобождая. Так что подошла я, руку над дверью металлом поблескивающую протянула, на аспидушку взглянула скептически, да и выпустила силу свою! И побежали, зазмеились, заструились корни лесные, сильные, быстрые, могучие. Вмиг единый, в один лишь миг — а стала железная дверь кореньями покрыта, да густым слоем, внушительным, так что нежить теперь любая могла касаться её без страха и опасений.

— Видишь ли, аспидушка, — начала я, возвращаясь к столу совещательному походкой неторопливой. — У лесной ведуньи, будь живой она, али стань нежитью, сила есть великая. И пока стоит лес её — она его призвать может в миг любой, особливо, если не жаждет об его сохранности позаботиться.

Подошла, голову запрокинув на аспиду поглядела с вызовом, вздохнула, да и продолжила:

— Мне, чтобы металл твой покрыть, сила двух дубов потребовалась. Да не вся, лишь часть позаимствовала, так что и вреда деревьям моим не будет никакого. А пожелай я, мостов бы настроила по всей леса протяженности, не сложно это, мне не сложно, а значит и тем хозяйкам лесным, что в Гиблом яре обосновались сложности не составит тоже. Да только не простая это река — водяной есть в ней, и не простой — одарённый магический. Вот и выходит — каждый мост, что поставишь ты, именно Воде неусыпно контролировать придётся.

Аспид каждому моему слову внимал вдумчиво, как замолчала, кивнул, демонстрируя, что принял к сведению, а вот после взял и выставил меня дурехой полною.

— Вот от того-то и просьба к тебе была сразу озвучена, госпожа ведунья, поешь, отдохни да крепко поразмысли, чего ждать нам от противника. И списком выдай, с пунктами.

Вот же ж!

— Аспид-д-душка, — прошипела я, клюку сжимая, да желание в ход её пустить испытывая. — Ты уж прости меня, ведьму неразумную, да только видишь ли, ретивый ты сверх меры, а уж инициативный то какой, вот только... уж будь любезен, друг военный, во все свои военные планы, меня посвящать в первую очередь. Список-то я

составлю, то не беда, а вот не вмешайся я сейчас, и чем бы завершилось всё, догадываешься?

И пододвинулись понятливо волкодлаки, место для меня освобождая, поскрипел зубами аспид, да руку выбросил в движении быстром — в одночасье вспыхнули пламенем все корни, коими дверь металлическую покрыла, опосля наградил меня взглядом мрачным гад угольно-матовый, да вновь к карте волшебной вернулся.

Исключительно из вредности, провела пальцем по клюке, импульс направляя, и в ту же секунду покрылась дверь металлическая мхом отборным, изумрудно-зелёным, толстым, свеженьким.

Наградил меня аспид взглядом недобрым, улыбнулась ласково в ответ ему, да и приготовилась внимать — совещание у нас военное, как-никак.

— Что ж, — с яростью, которую удержать в руках сумел, проговорил аспид. — Значит мы сдвинем мост.

И дверь в погреб вспыхнула огнём синим, сжигая зашипевший влажный мох.

— Расположить надобно близехонько, — сказала я, поглаживая клюку. — Воденьке-то держать под контролем придётся.

И тут же по раскалённой железом покрытой двери побежали споры грибницы. И пары минут не прошло, как густо заросла дверь опятами, да свеженькими, ароматными, многочисленными.

Нехорошим стал взгляд у аспиды, сидела, поправляя волосы я, делая вид, что это вообще не я, это кто-то другой.

— О, грибочки! — обрадовался выглянувший из избы домовый.

И вскоре русалки с домовым радостно урожай собирали. Я сидела с видом невозмутимым. У аспиды вид был тоже невозмутимее некуда. Красота, идиллия... правда это вообще-то поганки, ну да то домовый раскусил сразу, а кроме него их ещё очень кикиморы уважают, так что не пропадет продукт лесной.

— Хорошо, — уж не знаю, как аспид-то ещё не вспылит-то. — Два моста расположенные рядом, а третий в болотах на севере. Да только, ведаю я, что потерпела ты поражение там, госпожа хозяйка лесная. Так стоит ли вновь соваться туда, где враг с азартом поджидает?

Хороший вопрос.

— Твоя правда, — согласилась я угрюмо. — Да только тут дело такое, аспидушка, в устье реки мои владения с владениями водяного перемежаются. Места болотистые, а значит сила Воденьки велика там, но островки на болоте деревьями да кустами покрыты, следовательно и моя сила велика. От того и мост ставить там будем, разумнее это.

И снова выслушал меня аспид уважительно, обдумал сказанное, да вдруг выводы сделал странные:

— Ты уж прости, хозяйка лесная, да только в битве этой не только тебе с водяным оборону держать. Оглянись, ты войско созвала. А войско созывают не для того, чтобы лишь пировать. На войну созвала, вот воевать и будем. Ты своё дело сделала, ведунья, накормила, напоила, да плату предложила. А далее, уж не обессудь, дело наше, и как воевать, и как оборону держать.

И вспыхнули поганки на двери, заставив отскочить от них домового с русалками, скукожились, и покрылось дерево слоем металла. Да не простым — толстым, с шипами острыми да гибкими, что шевелились пошустрее корней магически растущих.

Вот как значит.

Села я поудобнее, щёку рукой подпёрла, да и сижу, на аспиде взираю многозначительно. Аспид мне не менее многозначительным взглядом отвечал, и вернулся к совету военному.

— Водяного помощь не потребуется, на неё и не рассчитывали, сами сдюжим.

И вернулись на место прежнее все три моста, а мне выразительно на избу указали.

Уже бегу, спотыкаюсь и падаю от расторопности. И не смотря на взгляд выразительный, осталась сидеть с готовностью созерцать дальнейшее безмятежно. А и действительно, было бы чего переживать — одним аспидом больше, одним аспидом меньше... а остальных от любой беды уберегу, коли потребуется.

Но аспид считал иначе и на меня смотрел всё более выразительно.

В смысле глаза его синие всё более явственно выражали желание узреть моё исчезновение, желательно в направлении избы. Я ответила взглядом спокойственным, выражая желание остаться, посидеть, и вообще здесь неплохо развлекают.

Аспидушка шумно воздух втянул, медленно выдохнул, да и смирился... Что ж ему ещё оставалось-то? Тут я хозяйка.

И пришлось ему к плану военному возврататься, скрипя зубами.

А да и вернулся он, да так решительно, уверенно, с энтузиазмом непритворственным, что и не заметила, как заслушалась!

Сама я желала войны длительной, осторожной, чтобы наши не пострадали, а враг подустал, но в нежити аспид разбирался гораздо лучше меня, и на порядок лучше нечисти.

— Заражённый лес опасен для всех, в ком течёт кровь. Яд может проникать через глаза, дыхание, кожу — это медленное распространение. Для обычного человека опасность представляет нахождение в тумане Гиблого яра свыше одного часа. Для магов — сутки. Для нечисти — сорок восемь часов. Ни один из вас не должен пробывать в тени поражённых деревьев более этого времени.

Аспид обвёл всех пристальным взглядом, и взгляд его действовал посильнее слов — даже волкодлаки теперь дышали через раз, вампиры и вовсе сидели задумчиво, и думали явно об одном — это куда ж они вляпаться умудрились.

А аспидушка продолжил:

— Любое ранение, повреждение кожи до простой царапины — и вы отступаете.

— Дык как, с поля боя-то? — возмутился Далак.

— Молча, — ледяным тоном оборвал возмущение аспид. — Если яд проникнет под кожу, счёт вашей жизни пойдёт на минуты.

Все окончательно притихли.

Я так вообще с самого начала притихла, и смотрела на аспида с нехорошим ощущением — такой за услугу явно и плату возьмет ту, что назвал... и что-то кажется мне уже, что и Лесная Силушка не спасёт. Да только я о том опосля подумаю, потому как сейчас посерьёзнее вопросы появились — что делать-то? Если правду аспидушка говорит, то...

То план моих действий не меняется.

Раненые через реку пройдут, водяной с них яд смоем, а в своем лесу уже я вылечу.

Только очень мне про ограничение времени слова аспида не понравились. Смотрю на него, всей своей ведьминской сутью ощущаю — не врёт, говорит по делу, чётко, не усугубляет ничего, да только... Откуда ему всё то ведомо?

Откуда сам пришёл я не спрашивала, да и права на то не имела — мне с ним войну воевать, а не генеалогическим древом интересоваться, но время...

Время и цифры были тем, на чем акцентировали внимание ведьмы и... маги.

И возможно я не знала бы об этом, если бы не была ученицей Славастены. Но первое, что я услышала, оказавшись перед наставницей, было: «Триста шестьдесят единиц силы. Превосходно, Валкирин, превосходно».

360...

Для того, чтобы ведьмой стать, требовалось четыре всего. Для того, чтобы в ученицы пойти — единомоментно десять выдать.

Так что, когда привели меня к Славастене — обходили меня ученицы стороной, береглись, опасались... да напрасно. Восемь мне было, когда в поместье Славастены вошла, а второй раз сила проявилась лишь в пятнадцать — когда деревеньку Горичи прокляла. И сила единовременного выброса магии составила уже 500 единиц. И когда я вернулась из проклятого места, в глазах тех, кто вчера ещё обижал да деревенщиной звал, поселился страх. Ведь если я одних прокляла, сохранив обиду на столько лет, значит и их проклясть могу, да так, что никто не спасёт.

Про то, что не спасёт никто, правда, не сразу поняли. Когда о событиях в Горичах дошёл слух до самого короля, король к Славастене Ингеборга отправил, своего лучшего архимага, чтобы разобрался, ученицу ведьмы к порядку призвал, да и деревеньку спас. Ингеборг был хорошим человеком, именно человеком, а не магом, от того, первым делом он отправился не ко мне, а сразу в Горичи. Думал, разберётся сразу с проблемой, а уж после и с бедовой ведьмой.

Да не вышло.

Ингеборг поражения не принял, учеников лучших призвал, да двух иных архимагов. Всю ноченьку маги формулы составляли, рассчитывали удар, взвешивали каждое слово заклинания, по утру разом и ударили в тучи серые, да и проглянуло солнышко. Пробился сквозь мрачный небосвод луч яркий солнечный, и обрадовались маги...

Недолго радовались.

Луч-то был всего один, и осветил он три могилки. Только три могилки. Посияло солнышко лишь для них до полудня, и снова за пеленой серых туч скрылось.

Так что, к вечеру по мою душу не только Ингеборг заявился, но и ученики его лучшие и соратники верные.

Ох и страшно мне было идти к Славастене на ковёр в тот вечер, ох и боязно, а всё равно не жалела ни о чём. Умылась, косу переплела, платье заклинанием разгладила, да и пошла, деваться было некуда.

В тёмном кабинете наставницы тускло горели светильники по стенам, да ярко свечи на столе, и свет их был на вход направлен, так что когда вошла я, никого разглядеть не сумела, взгляд опустить пришлось.

«Ближе, Валкирин, подойди ближе!» — властным, непререкаемым тоном приказала Славастена.

И тогда я вскинула подбородок, сквозь свет, пусть и резал глаза, решительно посмотрела на Ингеборга, что за столом ведьмы-наставницы сидел, и уверенно прошла прямо, в двух шагах от стола лишь остановившись. Не понравилась архимагу моя дерзость. Маги в принципе ведьм за дерзость недолюбливают, а тут ученица-недоросток супротив архимага, чье имя по всему континенту славилось. И потому, зла Ингеборг не скрывал, когда произнёс сурово: «Вижу, о содеянном ты не жалеешь».

Не жалела. И скрывать этого не собиралась.

И тогда архимаг спросил:

«Как снять ведаешь?»

«Нет» — и это было приговором.

Молча подошла Славастена — я молча сняла с пальца кольцо ученицы, и отдала ей.

«К ведьмам отправь, на гору», — решил мою судьбу прославленный Ингеборг.

К ведьмам на гору — это значит не видеть мне больше столицы, и подруг, пусть и малочисленных, тоже не видеть. Не пройтись по вечерним улочкам витрины яркие рассматривая, не забежать в театр, восторженно на талант актёрский взирая, и про книги можно было тоже забыть...

Но всё сложилось не так.

Едва вышла я, растерянная, расстроенная в коридор тёмный, догнал меня не абы-кто, а сам Тиромир, восторженная мечта каждой из учениц, остановил, обошёл, в глаза заглянул и сказал тихо: «Не грусти, поговорю с отцом и матерью. Твоё дело правое, они это знают. Не печалься, теперь я с тобою буду, Веся».

Вот там и тогда своё сердце я ему и отдала. За то, что правой считал, за то, что утешил, что помочь решил, и что... по имени назвал. Да и он полюбил он меня. Я ведь ведьма, я видела любовь. Красивая она, искрится волшебными огоньками, сиянием зачаровывает, весной расцветает.

Так весна вступила в жизнь мою, осушила болото в душе, серое, мутное, беспросветное, расцвела всеми цветами мироздания, и стала моей отрадою.

Как же я любила...

Я с того дня для него жила. Каждый удар сердца — для него. Каждый вздох — с мыслью о нём. И полетела, душа моя полетела. Она порхала над ссорами и дразгами среди учениц, взмывала под самые облака, когда Славастена жестоко наказывала, и по ночам, возвращалась ко мне, согревая теплом и нежностью.

Всё было у нас. Он от своего отца терпел, я от его матери. Но когда удавалось вырваться, пусть и ночью глубокой, а то и под самый рассвет, во время, когда темень беспросветная на земле царит, мы встречались в саду, под огромной вишней, он обнимал меня, я прижималась к нему — и не было никого на свете счастливее нас.

Первая любовь, любовь чистая, невинная. Лишь полтора года спустя, под той вишней, что цвела непрерывно, едва весна поселилась в сердце моём, Тиромир поцеловал меня впервые. Нежный, робкий поцелуй, для меня — первый, для него... он сказал, что для него тоже как первый. Я смеялась и не верила, я всё знала о нём — и про романы его с актрисами, и про то, что в среди магов нет никого красивее Тиромира, от того принцессы и те на него засматриваются, не говоря о придворных дамах, но я ведала и о том, что со дня, как Весей меня назвал, безнадежно бьются-стучатся к нему послания тех, с кем молодой маг время ранее проводил, да меня узнав — позабыл их вовсе. Я всё знала, но я любила, и я знала, что он тоже любит. Когда мы полюбили друг друга, мне было пятнадцать, едва двадцать минуло ему, и как бы не было нам тяжело — счастье струилось по нашим

венам, нежность жила во взглядах несмотря ни на что. Юность — пора надежд. Мы так надеялись, что всё получится. Мы столько вынесли. Мы сколько сделали, чтобы быть вместе. Но лишь спустя полтора года, мы смогли позволить себе первый поцелуй... В тот вечер, добившись от матери и отца разрешения на наши отношения, Тиромир встал на одно колено предо мной, достал из кармана обруч обручальный, и тихо спросил, никого вокруг не замечая: «Ты станешь мне женой, весна моя?».

Один раз в год сады цветут... один раз в жизни, весна цветет в сердце ведьмы...

Свою весну я отдала другому.

И свой первый поцелуй ведьмы, вложив в него всю свою силу, я тоже отдала другому. Так уж распорядилась жизнь... Так решила я.

— Ударим на закате, — ворвался в мои воспоминания голос аспиды. — Два отвлекающих удара здесь и здесь, и основной на болотах.

Я вздрогнула, огляделась, осознала, что как бы война на носу, не до воспоминаний мне, да и на карту поглядела. Оказалось, что в воспоминаниях я провела не мало — на карте уже имелся готовый план боя.

— На закате ещё ничего, — произнёс задумчиво Гыркула. — Только учтите, господин Аедан, к полуночи нежить в силу входит.

Аспид кивнул, и пояснил:

— Именно поэтому, к полуночи ваши отряды должны отступить. Гиблый яр лес внушительный, быстро передвигаться способны по нему лишь умертвия лесных ведуний, да, возможно, леший, коли есть таков, от того так важно, рассредоточить врага.

— Твоя правда, — согласился вождь Далак. — Да только сподручнее было бы нас в бой взять, мои парни в бою равных не имеют.

Усмехнулся аспид, да и ответил:

— Твои парни кровь имеют алую да быструю, от того с собой лишь ту нечисть возьму, что никогда нежитью не обернётся.

Моровой Морут, кивнув туманной головой, сказал:

— Господин Аедан дело говорит. Нам, моровым, яд не страшен, под власть свою возьму бадзулов и злыдней.

— Анчутки со мной, — решил граф Гыркула.

— Мне остаются ауки, — оскалился Далак.

И все почему-то посмотрели на меня. Так неуютно себя ощутила то, так непривычно. Как ученица нерадивая, что всю лекцию в облаках витала, а тут от меня все ответа ждут. Откашлялась, на карту поглядела, на аспида, что на меня взирал насмешливо, да и решила:

— Пойду список писать.

К чести присутствующих, когда я уходила никто даже не возражал, хотя по правде признаться — были бы правы.

* * *

«Ступай, лесная хозяйка, выпишь, поешь как следует, а к ночи кидай мне список, чего супротив нас могут сделать ведуньи лесные».

Почему-то первыми я в списке слова аспида написала. Потом долго на них глядела, пока домовый мне еду собирал, да и опосля, всё к ним же возвращалась, пытаюсь сосредоточиться на деле.

А не выходило у меня, сосредоточиться-то.

Бравые воины мои уж разошлись — я клюку лешему отдала, тот их и разводил по местам для боя отведённым. С ними исчезли со двора три груды руды металлической — от своей идеи поставить мосты, по которым нежить не пройдёт аспид не отказался, вот только после демонстрации сил моих, он свою формулу-то ещё усовершенствовал. Теперь резал мост шипами острыми, самодвижущимися всё, что на него нарасти пыталось... Хороший из аспида военачальник выходил, в общем.

С меня вот воительница была так себе.

Список я кидала, потом всё стерла. Потом переписала. Потом стёрла. Потом явился Кот, долго смотрел на мои потуги, сказал извечное «А потому что учиться надобно лучше!». Хорошо леший тоже пришёл, так что большего себе кот не позволил, да только и друг мой верный смотрел на меня осудительно, и сопел, но и слова не сказал... он же не Ворон. Мудрый наш прилетел, в окно влетел, как только ему леший открыл, на меня посмотрел, на листок пустой, на меня, на листок, на меня...

— Даже не начинай, — взмолилась я.

— А ты это, поспишь, может? — невинно поинтересовался Кот. — Господин аспид, он же дело говорит, это уж все признали.

— Пошли вон! — нервы у меня сдали окончательно.

Друзья верные, да не особенно послушные, меня покинули без охоты особой, домовой с поганками, которые заправил лучком и маслом подсолнечным, в глубине печи скрылся, осталась я одна...

Посидела, перо гусиное грызя от нервов, а опосля, сама как не ведаю, потянулась рука за блюдцем серебряным, да и пустила я по нему яблочко наливное, и хотела же сказать Агнехран, да от чего-то позвала вдруг:

— Охранябушка.

И замерла, пальцы к губам приложив. Не ожидала я от себя такого, совсем не ожидала.

Ну охранябушка, ну был и был, моё дело спасти и отпустить — я своё дело сделала, от чего же так тоскливо на душе?

А тут как назло Агнехран взял да и ответил!

Засияло блюдце серебряное, и взглянули на меня глаза синие, как летнее небо перед грозой, глаза родные... Архимаг только этот родным мне не был, он мне враг, только враг и мне нельзя забывать об этом. Отвела я взгляд, в окно поглядела... а не хватало мне за окном охранябушки. Так не хватало. Того, настоящего и простого, с волосами обычными, в рубахе льняной просторной, с топором в руке, с лицом не мага, но воина...

Агнехран таковым не был. Волосы в хвост собраны идеально, волосок к волоску, глаза тёмным подведены — чтобы взгляд был пугающим, кожа смуглая, рубашка чёрная шелковая, на пальцах перстни магические, в позе надменность нечеловеческая. Не мой это охранябушка, вообще не мой.

— Веся, — мягко позвал архимаг.

А вот по голосу — мой. И хочется глаза закрыть, тогда можно на миг, на секундочку, да притвориться, что всё в жизни по-прежнему, и за моим окном трудится охранябушка, а я точно знаю, что его печать сниму и с бедой его справлюсь. С любой бедой справлюсь. А вот сейчас нет у меня такой уверенности... вообще нет.

— Твои волосы всё так же чёрные, — тихо произнёс маг.

— Угу, — согласилась я, всё так же глядя в окно и пытаюсь продлить этот миг, когда кажется, что всё по-прежнему. — Да ты не печалься, это от проклятия тьма. Вот будь я только ведьмою, и кожа позеленела бы, а так... сойдёт, месяц-другой и сойдёт чернота...

Тут вспомнила, с кем говорю, на архимага заставила себя посмотреть и извинилась:

— В смысле, не печальтесь ВЫ. Вы... Хотя какая вам-то печаль, из вежливости же вопрос задали, а я тут уже и разлилась соловьем.

Укоризненным взгляд архимага стал, да не выдержала я его — сызнова в окно уставилась.

— Весь, почему? — и такая в голосе его обида прозвучала. — Вот он я. Каков был, таков и остался. И спасла меня ты, ты ведь, Весья, от чего сторонись теперь? Что я сделал не так?!

— Ничего, — взгляд опустила да и поняла — слёзы стоят в глазах, вот-вот прольются росинками моей слабости. — То моя печаль, отпустить нужно... просто отпустить.

Шумно выдохнул Агнехран да и прошипел вдруг сквозь зубы:

— А если я отпускать не хочу, Весья? Как тогда быть?

Слёзы смахнула, на архимага посмотрела устало.

Усмехнулась грустно, да и ответила:

— Агнехран, вы — маг. Маг. Нет у вас, магов, чувств. Нет привязанностей. Ничего нет. Другие вы. Вы и любовь, искреннюю сильную, на алтарь жажды власти швырнёте не глядя, что уж об иных чувствах говорить. Нет их у вас. Просто нет.

А маг смотрел на меня глазами синими, такими честными, и взгляд открытый, хоть и злой, и боль во взгляде том. Да только... тут я права, я это знаю. На собственной шкуре сполна испытала уже, больше не хочется.

Вздыхнула, успокаиваясь, да и к делу перешла, с него бы вообще-то начать следовало, без страданий и слёз, ну да уж как вышло.

— Узнать хотела, если не сложно ответить вам, сколько сейчас мёртвых ведуний в Гиблом яру?

Несколько секунд Агнехран смотрел на меня взглядом охранябушки, затем ожесточилось его лицо, взгляд заледенел и ответил архимаг холодно:

— Четыре. Но нежить стягивает силы. И... мы перехватили лешака в степи.

— Лешака? — я термина не поняла.

Маг кивнул и пояснил:

— Лешего, ставшего нежитью. Ты говорила такого быть не может, да уж вышло так, что прав я оказался.

Да так сказал, что сразу стало ясно — своей правоте он не рад. Потому как нечему тут радоваться.

— А как нашли? — спросила тихохонько.

— По внешним признакам, — выдохнув тяжело, медленно, словно пытаюсь удержаться от эмоций, поведал Агнехран. — Как я и говорил, это твой леший неполноценный, видать совсем искалеченным попал к тебе. А этого в степи магический патруль засёк — тот зверем бежал, но при опасности под землю ушёл — так и отследили. После твоих слов про лешего, догадаться, что умертвиям ведуний свой леший понадобится, было не сложно. Мы просчитали вероятности, расставили патрули, все были проинструктированы верно. Захватили ночью, изолировали в... я бы сказал «каменном мешке», да только после тебя, я многое о лесе понял — камень лес может изломать, а леший — это сила леса. Так что железо. Заговоренное, без доступа воздуха, максимально изолированное. Вторая степень защиты — охранительный контур. Третья — лешак заперт на территории крепости, там шесть магов — а это, сама понимаешь, сила не малая.

О... ого.

Архимаг же, вдруг как-то странно улыбнулся, глядя на меня, и продолжил уже не так напряжённо:

— Держим патрули. По границе Гиблого яра устанавливаются укрепления. Нежить, что стягивалась в яр Гиблый, уничтожается на подходе. А я... у меня подарок для тебя есть, Веся. Возьмёшь?

Зачем спрашивать, если ответ и так знает? Я отрицательно головой мотнула, но не остановило это мага. Движением руки притянул к себе ларец плоский, крышку откинул, ко мне развернул.

Знатный подарок был. На бархате чёрном лежали россыпью кольца-артефакты, перстни-накопители, браслеты-охранители. Знатный подарок, ничего не скажешь, ну вот вообще ничего не скажешь, окромя:

— Нет.

На миг прикрыв глаза, архимаг словно пытался подавить растущий гнев, затем вновь на меня взглянул, да и спросил

разъярённо:

— Веся, кто я, по-твоему? Слепец? Дурак? Али идиот последний?! Ты за мной кинулась, все свои амулеты захватив, и всю их силу на меня истратила! Ничего у тебя больше нет, Веся. Я маг, в одном ты права — мы другие, да только лишь тем, что чувствуем вещи магические. Я знал, сколько у тебя амулетов. Я знаю — что ничего не осталось. О многом мог бы сказать, Веся, да только в едином признаюсь — ничего страшнее нет в жизни, чем стоять, не имея возможности приблизиться, видеть воду ручья алую, от твоей крови всю алую, и чувствовать, как гаснут твои амулеты, один за другим, силу свою теряя. Я же их чувствовал, Веся. Каждый из них. Ты могла умереть. Ты...

И маг отвернулся. Уж не знаю, куда он смотрел, только желваки дергались, крайнюю степень ярости выдавая. Да только в том не моя вина — его.

— Гордость бы свою урезонил вовремя — не пришлось бы мне на жертвы идти! — высказалась от всего сердца.

Резко голову повернув, Агнехран на меня посмотрел. Да столько тоски в его взгляде было.

— Я тебя уберечь хотел, — произнёс сдавленно.

И на миг, всего на миг, я словно снова охранябушку увидела. На один краткий миг, от того и ответила:

— Я знаю.

Да только ни ему ни мне не легче от того знания.

— Есть еще новости? — спросила безрадостно.

Не ответил маг. На меня смотрел, да и спросил ожесточённо:

— От чего я врагом для тебя стал, Веся? Что я сделал? Ведь иначе всё было, совсем иначе. Ты помнишь, как шла со мной? Я за руку тебя держал, а ты шла, и не было в тебе ни холода, ни опасения, ни настороженности. Ты доверяла мне, словно точно знала — не обижу. А сейчас что? На меня и не смотришь. Нет в твоём взгляде больше ни участия, ни доверия. Ничего нет. Могла бы — стену между нами выстроила... а, впрочем, о чём я — ты и выстроила. Да не одну — две стены. Только я все понять не могу, Веся, за что?

Понять не можешь? Вот как?

— Али может, — маг замаялся, но не надолго, слова злые всё равно как с цепи сорвались: — Ты лишь увечных да калеченных

привечаешь?

А вот это уже как ножом по сердцу.

Я руки на груди сложила, отгораживаясь... хотя прав, архимаг, могла бы — стену возвела, чтобы не видеть его. И не слышать.

Но коли ответа жаждешь, что ж, скажу:

— Ты доверие моё предал, Агнехран, — напомнила холодно. — Но это тебе объективная причина. А необъективная тоже есть — да ты о ней никогда не узнаешь.

Маг смотрел на меня прямо, но видела я — вину за собой ощущает, искупить хочет. Гордый. Тогда, как попал в избу мою, долг свой трудом искупить пытался, сейчас вот — подарками. И может, стоило принять, знаю ведь — ему легче стало бы, да только... он маг. Маг. А маги, они ничего, никогда просто так не делают, и я это доподлинно знаю.

Агнехран усмехнулся странно, да и сказал не скрывая:

— Вот ты уже как на врага на меня глядишь. Что вспомнила, Веся? О чём подумала?

— Правду вспомнила, — тихо ответила я. — О неизбежном подумала. Уж простите меня, великий архимаг, а только брать я из ваших рук ничего не стану. И чувствовать себя должником тоже не стоит — я Заповедного леса хозяйка, а в Заповедном лесу всем помогают, ничего взамен не требуя. Да и лешего... лешака вот остановить удалось, а это уже помощь мне, да не малая. Нет вашего долга передо мной, нету. И хватит об этом.

А маг так не считал. Взгляд его прожигал будто, лицо каменным стало, и вдруг сказал Агнехран:

— А коли полюбил я тебя, Веся, как тогда мне быть?

Я улыбнулась.

Улыбка стала шире.

Улыбка перешла в смех.

Смех в истерический хохот.

Насилу успокоилась, слезы то ли от смеха, то ли от горечи выступившие рукавом утерла, на архимага потрясённого поглядела, да и ответила, как есть:

— А что толку с той любви?! Я уже любила, архимаг, я так любила, что весна в груди цвела. И он любил меня, больше жизни любил... Но не больше власти. И сгорела моя весна, в пожарище

тщеславия сгорела, а перед тем — от осознания предательства замёрзла как ранняя яблонька, что расцвела раньше времени, да мороз прибрал. Такие как вы не умеют любить, Агнехран. Такие как вы, умеют только приносить в жертву. Убивать. Растаптывать. Но любить — нет. Прощай, маг.

И я забрала наливное яблочко.

Убрала блюдце серебряное.

Слёзы вытерла.

Раз, ещё раз, в третий раз. А они всё текли и текли, неуёмные да неугомонные, а мне больно так.

Дверь отворилась без стука. Вошел аспид, да так, словно поспешал-торопился ко мне прийти, и от вида его страшного я вздрогнула — всё никак не привыкну к чудищу легендарному. Но хоть и явился без спросу, всё равно ему обрадовалась — лучше уж с ним о деле поговорить, чем рыдать понапрасну. Слёзы быстро вытерла, на стул свободный указала, да и...

Вдруг подумала: а чего это я ему обрадовалась-то? Он же за списком пришёл, а список не готов ещё.

— Госпожа хозяйка лесная, — аспид сел на место предложенное, в глаза мои вглядывается напряжённо, и словно бы виновато. — Случилось чего, али как?

— А, ничего не случилось, — я новый листок взяла, перо гусиное в чернила обмакнула. — Так, о прошлом вспомнилось, да и взгрустнулось невзначай. А ты прости меня, аспидушка, за дверь погребную, сама не ведаю, что нашло на меня.

Ну вот, извинилась, а то чувствовала себя поганкой вреднучею, да и неудобно было, совестно.

— Ничего, то тренировка была, а тренировка завсегда вещь полезная, — мирно отозвался аспид.

— И за Гыркулу благодарствую, — не поднимая взгляда от листка, добавила я.

— Дело прошлое, — уклончиво ответил аспид, словно и принял благодарность, и... не совсем.

А я слёзы вытерла. Откель взялись не ведаю, но с чего-то прекращаться отказывались.

— А сдаётся мне, что-то да случилось, — медленно проговорил аспид.

— Аспидушка, — я голову подняла от стола, на аспиде поглядела, — я в твои дела не лезу, откуда ты пришёл не спрашиваю, вот и ты, будь добр, в душу мою не лезь.

Ответом мне был спокойный взгляд холодных глаз на чёрном матовом лице, и ещё более холодное:

— Аедан.

Ну так, значит так.

— Будь, по-твоему, господин Аеданушка, да только от обращения, суть сказанного не меняется.

И я начала писать.

Первым пунктом шло — «Ловушки наземные».

Аспид слегка подался ко мне, поглядел на написанное и спросил:

— Это как?

Ох ты ж... да, как-то объяснить то надо.

Вздыхнула, и попросила:

— Садись близехонько.

И указала на место, рядом с собой.

Да только аспид взял, и вместо того, чтобы со стулом передвинуться, сам поднялся, подошел, на колено опустился, и вдруг как-то неуютно мне стало, от близости такой. Моя б воля, я бы отодвинулась, да некуда — стул и так в стену упирается. А тут аспид ещё и руку одну на спинке моего стула разместил — и вообще неуютно стало ведьме непутевой. Уж так неуютно, что хоть выводи его на двор, да и показывай всё на натуре, так сказать. Но тут проблема одна имелась — в смысле проблема имелась, а силенки кончились. Прав был аспид — поспать бы мне. Ну да ладно, стенать поздно уже, будем работать с чем есть.

Осторожно я руку протянула, осторожно щеки аспиде коснулась... страшно было мне, боязно, неуютно, а ещё этот-то, совсем близко.

Да делать нечего — ладонью я к щеке аспиде прикоснулась, да и в глаза ему глядя, передала образ: Лес — ночной, дневной, полуденный, полуночный, да тропинка, что цельной казалась, а вдруг возьми да и разверзлись под ногами.

— Это ловушка стандартная, — отнимая ладонь и берясь за перо, сообщила я. — От того умные люди по краю леса Заповедного ступают лишь одной ногой, покуда разрешение не получают.

— А смысл в чём? — спросил вдруг Аедан-чудище.

— Ну как, в чём? — замялась я. — Любой организм, это ж пища лесу. И коли не зверям, так червям пиршество, деревьям — угощение.

Хмыкнул аспидушка, да произнёс задумчиво:

— Ох, и страшна ты, хозяйка лесная.

— Да я то что, — отмахнулась с улыбкою. — На себя в зеркало погляди.

Аспид глядеть не стал, аспид улыбнулся. Да так, что вроде и страшным до крику быть перестал. Грустной улыбкой ему ответила, да и дальше двинулись.

— Ловушки древесные, — написала в листке.

Воткнула перо в чернильницу, повернулась, ладонь к щеке аспиды приложила, наклонилась, в глаза заглядывая, и новый образ передала: вот идёт войско осторожное, вот вступают в рощу дубовую, с виду мирную, а вот уже и исчезают один за другим безмолвно, потому как бесшумно вспарывают прошлогоднюю опавшую листву лианы, да раскрывается кора древесная, и в дерево заточается воин, скованный по рукам и ногам. И при этом не раздаётся ни звука.

— Остерегаться нужно старых деревьев, — высвободив руку и взявшись снова за перо, начала наставлять я. — Да следить за последними воинами — с них обычно начинают, чтобы паники не поднимать до тех самых пор, пока... поздно уж не станет.

Задумчиво кивнул аспид, а потом возьми да и спроси:

— Ведунья, по опыту своему рассказываешь?

Я перестала выводить циферку «три» на листке, удивлённо на аспидышку посмотрела, и солгать хотелось, ох и хотелось бы, да...

— Я — нет, — пришлось признаться к своему стыду. — Понимаешь, аспидушка, я как в лес попала, ничего о ведунском промысле вообще не ведала. Незванных гостей пугала пылью чесоточной, так что сами сбегали доспехи да оружие побросав, али видом ведьмы страшенной да зело презренной. Иной раз топь особенно ретивым охотничкам устраивала — ну ведьма я, ведьма и есть, так что не по учебнику действовала, а на авось да на вредности природной основываясь.

Аспид прищурился, на меня поглядел, да и спросил:

— Значит, говоришь, учебник есть?

— А то, — хмыкнула я. — Цельный год изучала.

И вдруг подумала — точно, учебник! Я ж могу просто дать ему учебник, и тогда не буду чувствовать себя так, словно аспид тут везде, и отступать некуда, потому что слева стена, а с остальных то сторон он, аспид.

— Аспидушка, — воскликнула воодушевленно. — А давай я тебе учебник дам, там все средства и методы защиты описаны!

Но даже с места не сдвинулся гад, скорее даже придвинулся... али может меня глаза испуганные обманули, и произнёс вкрадчиво:

— Учебник возьму, ведунья, отказываться не стану, да только ночь скоро, а ты хорошо объясняешь, складно да наглядно. Продолжай, хозяйка лесная, чем больше расскажешь, тем больше жизней спасёшь.

И то верно.

И хоть неудобно мне было в положении таком, да и боязно, если честно совсем, да деваться... а куда ж тут денешься.

Вздохнув, вывела на листке «Кусты терновые», отложила перо, повернулась к аспиду, ладонь к его щеке приложила... кожа, хоть и матовая, страшная, угольно-черная, на ощупь как человеческая был, хоть бери закрывай глаза, да и представь себе на месте аспиды человека какого, но глаза не закроешь.

— Смотри, — и я ближе к лицу аспиды подалась, передавая ему видение. — Заповедной чащи у них нет, но у любой ведуньи сил хватит вырастить даже не куст — терновые заросли, а опосля обратить каждый лист в шип, и не простой — острию стрелы подобный. И ежели если процесс магией ускорить — каждый шип, от куста оторвавшись, как стрела и полетит.

И я передала образ, как из терновых зарослей вылетают словно чёрные стрелы тысячи черных треугольных острий, и вовсе не безвредных — такие кожу прорывают яд в неё впрыскивая, глазам вредят, руки ранят.

— Видишь, — сказала, всё так же находясь близехонько. — И доспехи не спасут.

— А что спасёт? — теплое дыхание аспиды, губ моих коснулось.

Чуть не отпрянула, пугал меня аспид, до крику истощного пугал. Да не ко времени бояться, нам с господином Аеданом ещё войну воевать.

— Нужно время угадать, — сказала я, и передала новый образ — как поднимаются из земли терновые ветви, как темнеют до тёмно-

коричневого цвета, как становятся острыми колючки. — Вот, этот момент. Чтобы колючки созрели да опасными стали, на пару минут, лесная ведунья лишает влаги кусты терновые, в такой момент они уязвимы, и огня будет достаточно. Главное — время.

Аедан кивнул, но почему-то после получения образа, не в глаза мне глядел — взгляд его на губы переместился.

— Не туда глядишь, губами образ я тебе не передам, ты же не водяной, — сообщила аспиду. И едва синие глаза вновь в мои уставились, продолжила: — Ещё землю слушай, важно это. Время от времени опускайся на колено, ладонь к земле прижимай. Лесная ведунья, как поймёт, что дело не чисто, она один из двух путей выберет — первый, живность лесную на тебя погонит. Стадом опасным, от него одно спасение — деревья. Второй путь — повернёт русла всех родников леса, под землей прогонит, и тогда спасение — бежать, только бежать.

Я ровнее села, и сказала:

— Теперь руку дай.

Дал безропотно.

Я ладонь аспида на свою положила, второй накрыла, глаза закрыла и передала оба ощущения — первый, это когда земля дрожит, да дрожь иная, такая что по венам кровь быстрее бежать начинает.

— Это если животных призовёт, — пояснила, всё так же глаза не открывая. — А вот так будет, коли решит уничтожить водой.

Тут уже другая дрожь земли была, такая, от которой кровь в венах стынет, да так, что в ступор впадаешь, шевельнуться страшно.

Глаза открыла, на аспида посмотрела и спросила участливо:

— Всё понял?

Аедан промолчал. Его ладонь всё так же в плену моих была, вторая рука мой стул обвивала, стоял передо мной аспидушка на колене, взгляд в мои глаза, я тоже на него смотрю, ответа ожидаючи...

И тут откуда не возьмись дверь распаивается и появляется Водя.

— Весь, — начал гигант золотоволосый, порог переступая. — Я тут...

И осёкся на полуслове.

— Чего ты тут? — мгновенно заинтересовалась я.

Водяной почему-то промолчал, пристально глядя на аспида. Аспид тоже на него глянул, да так, что мне вдруг нехорошо стало.

Холодком таким знакомым повеяло, а мне уже Гыркулы с головой после вот такого вот холода хватило.

— Аспидушка, друг любезный, водяного не трогать! — потребовала немедленно. — Мне без него жизни нет, так что и не думай даже!

Изменился водяного взгляд, на меня он поглядел странно, изменился взгляд и у аспиды — студеным стал. Ледяным даже.

— Ещё что-то? — спросил аспид, только странно вопрос прозвучал, как-то вконец холодно, аж озноб по коже.

— Да, — согласилась я. — Учебник дам. Только ещё об одном предупредить должна. Водя, я быстренько, ты садись пока где удобственно.

Водяной огляделся и сел. На кровать мою сел. Да на аспиды от чего-то поглядел вызывающе. А у Аедана чуть ли не скрежет зубной, и ярость такая непонятная.

— Не отвлекайся, — попросила я аспиды.

Руку его отпустила, ладонь правую опять к щеке приложила, подалась к чудищу и передала последний образ — древопад. Так, на случай всякий. Вообще то ни одна лесная ведунья в своём уме на такое не решилась бы — лес сильно страдает, деревья гибнут невосстановимо, да только в Гиблом яру чёрт его разберёт, решаться али нет.

— Треск, — прошептала я, передавая видением звук жуткий, да следом деревья падающие. — Страшный оглушительный треск. Верить мне хочется, что не услышишь его, да только... кто их, умертвий, ведаёт. Что мертво, то живое беречь не станет. Так вот, аспидушка, коли услышишь треск такой — беги. Назад беги, страшно это, да и пламя не поможет.

И тут я вот о чём подумала — аспид на бой ведь сам пойдёт. Моровым, бадзулам да злыдням ничего не страшно, бестелесные они, а вот аспид...

Села я ровно на стуле, на Аедана глядя в задумчивости...

Правду Агнехран сказал, не осталось у меня ни амулетов, ни артефактов, а самой мне из леса выходить уж никак нельзя, от того... Короче — суровые времена требуют суровых решений.

«Леший» — позвала мысленно.

И едва друг верный ответил, попросила:

«Браслет на ноченьку одну отдай».

Браслет обручальный появился на столе моём тот час же. Второй всё так же на руке моей оставался. Взяла я серебряный венчания символ, да и попросила у аспиды:

— Руку дай.

Странно поглядел на меня Аедан, но просьбу исполнил мгновенно.

И защелкнула я серебро на чёрном запястье, попутно объясняя:

— Зов твой до меня не дойдёт — иной лес, от того дерева не донесут. Но коли случится недоброе — злыдня шли, они быстрее всех будут. А я тебе так скажу — времени тебе даю до часу ночи, опосля...

— До трёх, — вдруг воспротивился аспид.

Ну что ж с ним делать-то.

Глядя на угольно-чёрного аспиды, что в сумраке избушки терялся в очертаниях, вздохнула и попыталась объяснить как дитю несмышлёному:

— Аспидушка, родненький, ты пойми, пожалуйста, я в этот Гиблый яр за тобой прийти не смогу, и лешего не отправлю, опасно нам, понимаешь? Мне от того, что уж сунулась не так давно, теперь вот силы восстанавливаю, да выходит с трудом. А лешему в Гиблый яр путь заказан — там хозяйка его бывшая умертвием бродит, а между ведуньей и лешим связь особая, и коли призовет... тут и я ему не указ, понимаешь?

— Понимаю, — холодно произнёс аспид. — Только до трёх часов, хозяйка лесная, доверься мне.

Легко сказать «доверься». А как довериться, если и сама там поражение потерпела, да какое! Как вспомню, до сих пор слёзы в глазах.

— Два с половиною? — попросила почти.

Усмехнулся аспид, да и сказал:

— Учись доверять, ведунья. Что-то ещё сказать имеешь?

А что уж тут сказать?

— Учебник дам, отодвинься, пожалуйста, дай встать.

Аспид встал сам, но не сдвинулся ни на пядь.

Осторожно поднялась я, проскользнула мимо, пошла в учебниках нужный искать, а дело то не лёгкое. Долго искала, между тем у аспиды с водяным разговор завязался.

Первым водяной начал:

— Два моста под контроль возьму, это не обсуждается.

— Твоё право, — холодно ему аспид ответил.

— А с полуночи, как возвратятся волкодлаки с вампирами, уберу оба и твой прикрою.

Ох, Водя, ответственный совсем... совсем как я.

— Я бы не стал... — начал было Аедан.

— Ну раз не стал бы, то и не начинай, аспидушка, — попросила я, выудив, наконец, нужный учебник из-под самой нижней стопки. Далеко ж закинула.

На четвереньках выбралась из-за книжных нагромождений, встала, отряхнула плащ свой, под ним всё та же сорочка ночная обреталась, волосы поправила, книгу от повреждений зачаровала да и передала могучему аспиду. Тот молча взял и деликатно промолчал, ничего не высказывая по поводу паутины на книге.

— А... это защита такая, — решительно соврала я.

Аспид покивал, тактично сделав вид, что поверил.

В избенке повисла неловкая тишина.

— Ну, так ты пошёл? — невинно вставил водяной.

Я была полностью с водяным согласна, даже на дверь поглядела.

А аспид почему-то нет.

— Да времечко ещё есть, я бы чаю выпил, — произнёс он, и совершенно нагло, демонстративно и как-то даже по-хамски уселся на стул.

Мы с водяным переглянулись.

Неловкая тишина приобрела оттенок нервозности.

— Эмм, — проговорила я.

— Чаю?! — грубо спросил водяной.

— Да, — невозмутимо отозвался аспид. — Чай — напиток, получаемый посредством заваривания или настаивания листьев, веток, цветов, иногда ягод. Ты не знал?

По идее знал, но от чего Водя вдруг начал подниматься с кровати моей, да с видом устрашающей глыбы, я вот не знала.

— Чай так чай, — согласилась поспешненько. — Воденька, чай будешь?

Водя глянул на меня коротко, затем уставился на аспиды и произнёс:

— Чай, Весенька, наш гость возжелал, ему и нальёшь. А для тебя, краса моя, я вино принесу. Хорошее. С выдержкой.

И тут в избе вспыхнула ярость. Да такая, что я на ногах едва удержалась — вот только источник определить не сумела, как ни пыталась. И на аспиде уж глядела и так и этак, да только сидел он невозмутимой скалой, книгу листал, читал внимательно, словно и не слышал вообще ничего, в процесс изучения погружённый.

И вот его отрешенностью пользуясь, я и сказала тихохонька:

— Воденька, ты прости, пожалуйста, да только не дружу я с вином. Больше скажу — последний раз как медовухи выпила... так с одними портками и осталась.

Стыдно было признаваться, но Водя это Водя, он свой, а вот от аспиде внимания к словам моим не ожидала вовсе, от того покраснела вся, едва Аедан на меня потрясённый взгляд поднял. И такой этот взгляд был...

— А ты не переживай, Весенька, я тебя и с портками, и без портков, всё одно люблю и уважаю. Ты чай заваривай, с остальным сам разберусь, — и улыбка у Води была странная, и смотрел он отчего-то на аспиде.

И аспид тоже на него смотрел, да таким взглядом пристальным, нехорошим.

Мне же... токмо признаться окончательно и оставалось.

— Воденька, не про мои портки речь, — стыдоба-то такая.

Но коли первое слово сказала, за вторым очередь.

— Понимаешь, Водь, — я чайник взяла, поглядела на него, подумала, что помыть бы его пора. — Алкоголь не моё это. Хмельная ведьма с меня та ещё... Говорю ж тебе, когда последний раз медовухи выпила, с одними портками-то и осталась. Я как выпью, азарт такой просыпается — и главное везти начинает во всём вообще. И в карты, и в камушки, и даже на пари всякие. Неестественное везение. Вот в прошлый раз я всю таверну без портков и оставила. Кто был, тот стыдливо веничками прикрываясь и ретировался. А на таверну долговая расписка до сих пор где-то валяется. Так что, чай, Воденька, чай он вещь полезная, а главное — не азартная.

Когда из избы за водой выходила, там тишина царила такая... потрясённая...

— Весь, — повысив голос, позвал водяной. — Но я-то не азартный.

— Ох, Воденька, ты и портков-то не носишь, — отозвалась я поглупости.

И тишина снова стала такая... опасная.

От того я и напряглась и со ступеней не сошла.

Движением руки воду из бочки призвала, заклинанием чайник вскипятила, да опрометью в избу вернулась. А там водяной стоял, а аспид на него смотрел. И нехороший это был взгляд, ох и нехороший такой... Аспид на Гыркулу и то любезнее поглядывал.

— Так-так-так, — я быстренько заступила между водяным и Аеданом, на последнего посмотрела строго, да и сказала: — Водяной на моей территории под моей защитой. Вот только тронь, понял?!

Аспид что-то точно понял, но, кажется, что-то не то.

Встал, громко книгу захлопнув, коротко кивнул на прощание и произнёс:

— Благодарствую, хозяйка лесная, за знания, за откровенность, да за книгу твою. А вот чая уж не требуется... аппетит пропал.

— Так, а чай есть и не надо, его пьют, — как-то очень ехидно вставил водяной.

— Я в курсе, — пристально глядя на него, отозвался аспид.

Развернулся и вышел из избы, не оглядываясь.

Только вот дверью грохнул на прощание.

Когда отгремел грохот дверный, я сообщила водяному тихонечко:

— У аспида тема портков какая-то... очень личная, зря вообще сказала-то.

— Да нет, Веся, всё ты сказала правильно, — поправив прядь моих волос и пристально глядя на дверь, произнёс водяной. — Так что, чай?

— Да, — кивнула я.

Водяной за стол сел, я по избе побегала, собирая снедь, да заваривая чай травяной, бодрящий — этой ночью ни мне, ни Воде не спать.

Опосля на двор сбегала, отдала золото приехавшему с провизией Саврану, да наказала, что ещё до заката привезти надобно успеть. И с золотистыми пирожками, что мне Уля, жена савранова, передала, вернулась к водяному.

Тот сидел, неторопливо помешивая чай, и пристально глядя на поверхность паром исходящую — работал. Мы с водяным всегда при деле, жизнь у нас такая.

— Проблема какая? — перекладывая горячие пирожки с корзинки в тарелку, спросила у Води.

— Да странность какая-то, — отозвался он. — По верху реки, у истоков, плот строят. Не нравится он мне.

— Где? — позабыв о корзинке, мгновенно заинтересовалась я.

Водяной поманил к себе, я, вместе с корзинкою, на колени к нему присела, в чашку заглянула, да и замерла потрясённо.

Строили не то чтобы плот — целый плотище.

Да не простой плот, а нежити оплот! Гнилью морённое дерево огнём обожжённое устилала, а на берегу, среди скал — там исток реки водяного был, толпилась в клетке да рычала нежить обозлённая.

— Ох, ты ж Господня сила! — только и вымолвила я.

— И не говори, — задумчиво произнёс Воденька.

— А я погляжу вам и вина не надобно, — раздалось вдруг от двери.

Водяной на голос аспид резко голову повернул, по лицу моему золотые кудри скользнули. Я волосы отвела, да и попросила:

— Не отвлекайся, а? Вот не сейчас только!

— Даже так! — и снова гнев такой, ярость душительная, губительная, уничтожительная...

Я аж вздрогнула!

Уж думала вскочить да ответа потребовать, но тут на плот тот, нечисть гнать стали.

— Воденька... — у меня голос сиплый стал, до шепота упал. — Воденька, что делать будем?

Делать то что-нибудь надобно было. Позарез надо было. Да только враг там действовал, куда моя власть не распространялась, а Водина ещё силы не набрала. Самый исток реки, исток горный, там водяному силы не собрать.

— Ведьма! — вдруг ледяным голосом аспид произнёс.

— Не сейчас, Аеданушка! — взмолилась, в чашку вглядываясь. — Ты проходи, на моё место садись, чай мой можешь взять, не пила ещё. Пирожки вот есть. А меня не трогай, не отвлекай, пожалуйста, беда у нас, а как сдюжить не ведаю.

А тут и Води нервы сдали.

— То не твоя тревога, Веся, разберусь, — зло водяной произнёс.

— Как?! — я вскинулась, в глаза его поглядела нервно. — Как справишься? Сам видишь, плот магией подпитан, а потому поплывёт быстрее обыкновенного. И сдаётся мне — до полуночи тут будет. Как сдержишь ты его? В воду оборонить — скверна по воде твоей расползётся, кто знает, чем то обернётся, как бы кракены нежитью на поверхность не всплыли!

Водя зубами скрипнул, да и произнёс:

— Я разберусь, Веся. Сам разберусь.

И от чего-то важно это для него так было, прямо как портки для аспиды.

— Разберёшься, — согласилась я. — Только к полуночи не вернёшься, так ведь?

И спрыгнув с колена его, заметалась в тревоге по избе.

Молча аспид в избу мою вошёл, молча на место моё сел, и глядел внимательно то на меня, то на водяного.

— И на помощь звать некого, — я остановилась, сжимая ладони. — Ведьмы на горе закрылись, никто на помощь не явится. У меня метла есть, успела бы, туда и обратно успела бы обернуться до заката, вот только силы ведьминской во мне мало сейчас, восстановится не скоро, на пламя магическое не хватит, не сдюжу я.

И тут вдруг аспид речь молвил:

— По моей части огонь. Что случилось-то?

И посмотрел на не меня, на водяного.

А Воденька странно себя повёл, усмехнулся и произнёс елеинно:

— А садись, аспидушка, на коленку ко мне, я и покажу, — и улыбнулся так... я и не знала, что водяной так улыбаться издевательски умеет-то.

Да что ж это деется?!

— Водя! — воскликнула гневно. — Охлонись, будь добр! Одно дело делаем, одна задача у нас, и враг один, а других на ровном месте выискивать не надобно, и так хлопот полон рот!

И подойдя к аспиду, лицо его обняла ладонями, подавив дрожь неприятственную — боялась я его, несмотря ни на что, боялась. Но к глазам синим змеиным нагнулась, да и выдохнула видение — и исток горный, и плот, и нежить, что гнали на него магическим путём. И кто

там дело затеял поганое — оно не ведомо. Скрывался маг. Я там ничего увидеть не смогла бы, не моя территория, а от воды маг держался далече, от того и водяному не увидеть его было.

— Хм, — произнёс аспид, едва я выпрямилась и ладони от лица его убрала. — Всего-то?

И тут Водя как скажет:

— Вся, сам разберусь, помощники не требуются! Особливо такие...

Но и Аедан в долгу не остался:

— Да, вижу я, что не тот с меня помощничек. Водяной-то у нас явно особенный, только тех привечает, кто на коленку к нему запрыгнуть готов...

И задрожала изба моя, всё вокруг задрожало...

— Воденька, будь любезен, охлонись, — попросила сдержанно.

Дрожь прекратилась.

Усмехнулся победно аспид, но затем посерьёзnel и так сказал:

— Предатель у нас. В нашем стане. Среди своих. Ты, хозяйка лесная, правду сказала — плот тут к полночи будет, а первыми по реке два отряда идут — волкодлаки да вампиры. Анчутки и ауки за столом совещания не сидели, второстепенная роль у них, от того и решали сами мы всё. Остаются те, кто знал — моровики, вампиры и волкодлаки. Предателя среди них искать надобно.

И на меня посмотрел вопросительно.

Но я тут не согласная была, вообще не согласная.

— Аспидушка, — сложив руки на груди, сказала тихо: — Для любой нечисти — нежить прямой враг. Тут говорить не о чем — я за каждого кто на пиру был, ручаться готова. Но даже если предположить, на секунду единую, что прав ты, и среди нас предатель есть, то в чём мотив, вот главный вопрос.

Не сразу ответил аспид.

Сначала встал, на моё место мне указал, а сам сходил да и принёс со двора табурет для себя, и чашку из шкафа достал, да и сел между мной и водяным уверенно. Я ему чай налила, блюдце с медом пододвинула, тарелку с пирожками.

Сидим, чай пьём задумчиво.

Тут Воденька слово своё сказал:

— Права лесная ведунья — мотива ни у кого из нечисти нет. Заповедный лес их последний оплот. Так-то лесов много, но нечисть любая природный баланс рушит невольно, и коли нет ведуньи-хранительницы, рано или поздно мертвеет лес с нечистью, то ли болотом станет, то ли замшелой топью. Нет, среди нечисти предателей не будет. Волкодлаки — тем Заповедный лес нужен пуще воздуха. Вампиры хоть и сторонятся, все ближе к людям селятся, а и они знают — случись что, только Заповедный лес и спасет.

Аспид на меня посмотрел вопросительно, но сказать я могла только:

— Воденька прав полностью. Да и закон у нас таков — кто на пиру побывал, да условия принял — тот в спину не ударит. Среди своих искать ворога смысла нет.

Помолчал аспид, помешал чай ложкой серебряной, да опосля и сказал водяному.

— Покажи.

И уж без ехидства, пододвинул Водя чашку свою, ладонью её обняв, аспид склонился, вглядываясь. Я, не удержалась, поднялась, через плечо водяного заглянула и увидели мы.

Вот все разом и увидели, как вдруг вспыхнул плот с отравленной скверной нежитью ярким пламенем. Да так запылал, словно не просто занялся огнём — а стал им. Со всех сторон пламя вспыхнуло! Шипением оглашая те места, где плот с водой соприкасался. Яростно полыхало! Дико! Неистово! А затем метнулось огненной плетью пламя, и охватило валун тёмный, внушительный, уничтожая его, разбивая на осколки...

И когда опали те, мы все и увидели — пентаграмму алую, архимага, вскинувшего ладонь в защитном движении щит призывая, и... лицо мага того мне знакомо было сверх меры.

— Ингеборг! — воскликнула, глазам своим не веря.

— Что, знакомы хорошо? — с насмешкой спросил аспид.

— Лучше, чем хотелось бы, — прошептала я, пошатнувшись.

Аспид неведомо как, но поддержать успел. Провёл, усадил на стул, затем своё место занял. А я как села, так и сидела, на водяного глаза поднять стыдилась.

— Что, Весь? — тихо спросил Воденька.

Сглотнула ком в горле, и ответила тихо:

— То не на тебя, а на меня ловушка была...

— Уже легче, — утешил Водя. — Если враг известен — справимся.

Кивнула, да только... веры особой не было. Ингеборг сильный противник. Умный, хитрый, вдумчивый, да опытный.

«Леший» — позвала беззвучно.

Друг верный явился посередь избушки и пола, как обычно. Да приметив, что гостей у меня изрядно, вылез весь, подошёл, рядом со мной присел, посмотрел вопросительно. Я и рассказала всем троим, внимательно слушающим:

— Дело такое. Чаща моя — затейница, узрев что и ведьмак и магистр Тиромир в деле размножательном бесполезны, улучив момент, когда оба меня атаковать хотели, обоих разом и лишила...

Тут покраснела я даже, да коли начала говорить, то продолжила.

— И лишила их на некоторое время, требующееся для восстановления, функций размножательных.

На миг порадовалась, что охранябушка оказался архимагом, да не простым, а самым Агнехраном — тот так не подставился бы. Вот, при желании большим, во всем что-то хорошее да найдётся.

— Ингеборг того не простил мне, — продолжила, в чай глядя. — И этого не простил, и того, что по моему слову Славастену на горе ведъм заперли. Ну да то не беда, на моей стороне правда, ни Изяславу, ни Славастену добрым словом не помяну. А вот то, что чаща сотворила... Ингеборг не простит. И он умен — он две чащи ощутил, мою, да Гиблого яра на встрече нашей последней, вот и сопоставил... О мостах узнать так же мог — ведьмак, принц Анарион, под его приглядом сейчас, а ведьмаки как и мы, глазом птичьим поглядеть могут. И пусть к лесу моему близко не подобраться, да только мосты на реке и с высоты большой разглядеть можно, коли орла или сокола использовать. А ещё...

И о том мне говорить совсем сложно было.

— А ещё Ярина у меня слаба сейчас, от того скверна ей пуще всех грозит. А я в стороне не стала бы, и не останусь, коли пострадает она. Умён Ингеборг, всё просчитал.

И тут спросил водяной.

— Ингеборга сжечь сможешь?

— Он архимаг, — напомнил аспид.

Помолчали.

— К воде заманить могу, — задумчиво предложил аспид.

— Он архимаг, — вздохнул водяной.

Ещё помолчали.

— Проклясть могу, — сказала я неуверенно.

— Притопить, — тоже не слишком уверенно сказал Водя.

— Поджечь, — усмехнулся аспид.

А я точно знала того, кто смог бы не просто поджечь — а сжечь безжалостно, вот только... просить Агнехрана не стану, вовек не стану. И от серебряного блюдца, на которое смотрела, взгляд отвела. Да тут и заметила — аспид на меня глядит. Да так глядит, словно понял он и о чём мысли мои, и что о помощи следовало бы, да я просить не стану.

— На том и порешим, — решил Водя. — И отравлю, для порядку.

— Он архимаг, — ровным тоном вновь напомнил аспид.

— А я водяной, — очень недобро улыбнулся Водя.

Увы, но:

— Ты не первый водяной в его жизни, — тихо сказала я.

И поднялась, отойдя к печи. Постояла, касаясь ладонью холодного камня, и раз уж не было пути иного, рассказала:

— Долго, очень долго Славастена пыталась заполучить Ингеборга. Смелый воин, сильный архимаг, достойный мужчина — она была одной из тех, кто поставил всё на эту партию. Вот только не выходило ничего. Хороша была Славастена, всегда хороша была, красивейшая ведьма столицы, светская дама, во дворце королевском частая гостья, но не смотрел на неё Ингеборг. Долго не смотрел. И тогда решила на хитрость Славастена, с водяным договорилась. И на пиру королевском выпил хмеля Ингеборг, да так захмелел, что проснулся поутру в постели чужой. И проснулся один, хотя точно знал — с женщиной ночь провёл. От семени своего архимаг завсегда избавлялся споро, сразу по утру, али как завершит дело с удовольствием, а тут не успел. Не было дамы его рядом. Долго искал, весьма долго... а как нашел — поздно было. На последнем месяце Славастена была, и Ингеборг её пальцем не тронул. Её не тронул, а вот водяного нашёл... И водяного не стало.

Под моими пальцами холодил ладонь камень никогда не топившейся печи, а я другое вспоминала — холод камня в цитадели, разъярённого Ингеборга, что меня тоже не тронул — женщина же, но

Тиромир... «Как посмел?! Что удумал? Я за тебя слово королю дал! Я королю слово дал!». И с каждой фразой удар, удар, удар... Я выла, зажимая рот ладонью, а с губ Тиромира капала уже не кровь — сгустки крови. Он падал, он супротив Ингеборда не противник и тогда был, да и сейчас не стал, но всё равно поднимался. Каждый раз поднимался, потому что за его спиной была я. И это Ингеборг слова «любовь» не ведал, а Тиромир любил меня... больше жизни любил... Да разлюбил.

Но то Ингеборгу было на руку — теперь то можно было сочетать сына браком с семьей королевской, однако некстати Чаща моя вмешалась, сделав Тиромира временно небрачноспособным. Таким вот образом, между тронem и ним опять я встала. Ненавидел меня Ингеборг. Страшной, лютой ненавистью ненавидел.

— Чай пейте, хороший чай, правильный, — сказала мужчинам. — И спасибо тебе, аспидушка, выручил.

— Весенька, на что пойдёт этот ирод, чтобы тебя уничтожить? — спросил Водя.

— На всё, — шепотом ответила я. — Он пойдет на всё.

И ведьмака я тоже вспомнила — у Ингеборга было два шанса к власти подобраться, первый — сына на принцессе женить, второй — Анариона на трон посадить. А я, стало быть, обоих неправящеспособными сделала...

— А почему же так? — спросил аспид.

Я вернулась за стол, чашку взяла свою, посмотрела на гада страшного да чешуйчатого, и ответствовала:

— Потому как, аспидушка, больше женщин и жизни, маги любят власть. А я Ингеборгу трижды дорогу к трону перешла. Когда Горичи прокляла, а он снять проклятие не сумел, и в немилость впал королевскую. Когда брак сына с принцессой старшей устроил, а Тиромир уже мне предложение сделал. Когда держал на коротком поводке принца-бастарда, да через него собирался страной править, а тут я со своим проклятием, да Чаща моя та ещё затейница...

Знала бы — остановила. Как есть остановила бы!

Но сделанного не воротишь.

Чай пили молча.

И я, и задумчивый водяной, и аспид, по лицу которого эмоции не прочтёшь никак, никоим образом. Но едва поднялся водяной,

последовал примеру его и аспид, обронив уходя:

— Поспала бы ты, хозяйка лесная.

Сон это хорошо, это правильно.

— Весь, — водяной на пороге обернулся. — Там русалки платье твое свадебное отстирали, кикиморы зашили. Во дворе повесил, сохнет.

— Спасибо тебе сердечное, — поблагодарила с улыбкою.

* * *

Сон бы ко мне не пришёл, да у лесной ведуньи иные сновидения и я погрузилась в жизнь леса.

Дел много было. Ярину проверила, на Лесю мрачно повзирала, предупредила обеих по поводу Ингеборга, опосля последила за тем, как аспид гонял лешего, который умаялся настолько, что клюку мою взял.

Устает мой Лешинька быстро, слишком быстро, и раньше не смотрела на то, а сейчас... прав Агнехран-маг, леший мой слабее иных будет. И коли встанет на пути его иной, чем всё закончится? А потом вот о чём подумала: я тоже любой ведунье и в подметки не гожусь, да и ведьмы посильнее будут, но вот она я, а где они? Справимся. Мы с лешим и не с таким справлялись, так что справимся, сумеем.

Заглянула к избушке Саврана. Ульяна жена его с детьми бродила вокруг избушки. Малыш сопел и причмокивал, молоко из подаренной архимагом бутылочки посасывая, а Луняша всё тарабарила не умолкая, что вот бы к бабушке сейчас, там земляника поспеть должна, и малина уже налилась на кустах... Споткнулась Ульяна на ровном месте, ничего дочери не ответила, а сын знал. На маму глянул, Луняшу за руку ухватил и повёл вперёд, рассказывая, что вот батька вернётся с ярмарки и привезёт ей земляники, обязательно привезёт.

Шагнула я тенью призрачной, да и взрастила полянку земляники. Махонькую, всего шага в три шириной, но удержала соки земные, и расцвела земляника, ягоды выпустила, разнесся запах по лесу.

— Мамка, земляника! — Луняшка первая ощутила.

А я отступила молча. Приятно было на душе, что ребёнка порадовала, а вот надолго ли? Рано или поздно узнает девочка, что нет у неё больше ни бабушки, ни дедушки... разве может со стороны Ульяны родственники остались. Хорошо бы, а то в одиночестве тяжело семье расти.

* * *

И тут ощутила, как по щеке провёл кто-то ласково. Глаза открыла, да и улыбнулась — у постели моей, водяной сидел. Да не просто сидел, он с собой запах реки принёс, тишину водной глади, спокойствие умиротворенное.

— От важных дел не отвлѣк? — спросил он, едва на постели села.

— Не отвлѣк, — поправила волосы растрѣпанные. — Чай, волнуешься?

Водя не сразу ответил. Пальцы его коснулись руки моей, что на покрывале лежала, погладили, успокаивающе, а после, водяной сказал:

— Гиблый яр я могу затопить. Весь. За один день. Да не простой водой — ключевой, от серебряных рудников бьющей.

Только и выдохнула испуганно. Воденька мог, это я знала. Он простым водяным не был. Да только...

— Водь, родной, только ведь я его не погубить, а спасти хочу, понимаешь? — прошептала, в голубые глаза заглядывая.

Голубые...

У водяного они как, по большей части зелёные, а как в море смотается да обратно — так вот такие, голубые становятся, как вода морская.

— Весь, — он пальцы мои сжал. — А помнишь, я тебе о чародейке рассказывал?

— Ну, рассказывал, — я руку отняла, обняла колени, угрюмо на водяного глядя.

— Об том, что дорога она мне была, рассказывал?

— Ну так, намекал, — мне этот разговор всё меньше нравился.

Водя кивнул, затем ко мне подался, близехонько, как в те прежние времена, когда приставал каждый раз, как шла в заводь мыться, да и

сказал тихо очень:

— Она мне дорога была, Веся, а тебя я люблю.

И показалось мне, что вся избушка моя пошатнулась. И я пошатнулась. И земля под ногами. Всё пошатнулось, только Водя незыблемый был, сидел на краю постели моей, да смотрел прямо, так что и не отвертишься. А и надо ли?

Я взгляд отвела, сидела молча, на ладони свои побледневшие глядя.

— Я тебе душу открыл, Веся, отчего молчанием отвечаешь?

Что сказать ему?

— Водя, а ты ведь воду чувствуешь? — спросила, глаз не поднимая.

— Чувствую, знаешь ведь, Веся.

Кивнула я, с постели встала, и так как была, в сорочке ночной, лишь иллюзию на себя набросив, взяла Водю за руку и повела за собой.

На дворе вечерело, Савран с мужиками телегу разгружал, вскинулся было мне что-то сказать, но я головой отрицательно качнула и промолчал купец. А Водя за мной шёл, шёл как привязанный, словно в поводу вела.

Я и привела.

К могилке привела. Над могилкой креста не было — Кевин не хотел, только цветы цвели весенние, пусть и среди сосен тяжело цвести им, но цвели. Всегда цвели.

Остановилась я, при виде могилы саморучно выкопанной, сердце сжалось, и не отпуская руку водяного, я сказала:

— Вот коли воду чувствуешь, то и увидеть сможешь, сколько я здесь слёз пролила.

Мою ладонь Водя сжал, да с пониманием — он чувствовал.

А я прошептала едва слышно:

— Один раз в год сады цветут. Один раз в жизни цветет весна в сердце ведьмы. Моя уже отцвела...

И отпустив руку его, молча к избушке пошла. Каждый шаг тяжёлый такой, будто по колено в воде бреду, да ещё и против течения. Потом остановилась, привалилась плечом к березе, да и осталась стоять.

Водя тихо сзади подошёл.

Постоял, меня пальцем не касаясь, и спросил:

— Ты так любила?

— Больше жизни, — прошептала в ответ.

Но отболело то давно, даже слёз в глазах не осталось. Ничего не осталось, и говорить бы не о чем, да только:

— То, что я сбежать смогла, то, что жива осталась, это не по желанию моему произошло, Водя, это протест был. Мой протест. Второй раз в жизни против всего пошла, и не из страха смерти, врать не буду — из-за гордости. Во мне оказалось слишком много гордости, чтобы позволить Славастене сделать из меня ступеньку, что подстелет под ноги Тиромиру. Да только я не подстилка!

Помолчал водяной, да и молвил:

— Неужто лишь раз в жизни любить может?

Я кивнула.

— А после? — спросил Водя.

— Ульгерду видел? — просто спросила я.

— Видел, — сокрушённым эхом отозвался водяной.

Да тут же уточнил:

— А остальные ведьмы что? Славастена?

— Весна, — тяжело говорить было.

Тяжело оглядываться на тех, кто старше, намного старше, но молод, душой, телом, сердцем.

— И долго та весна длится? — не унимался водяной.

— А покудова живет любимый, — я усмехнулась горько.

— Так... жив Тиромир, — водяной старательно пытался разобраться в ситуации.

— Жив, — согласилась почти беззвучно. — Да для меня умер!

Вдохнула грудью полной, да и выдохнула:

— Но, я не ему весну отдала, я... хотела спасти... не важно.

Остановилась, постояла, успокоилась.

Развернувшись, посмотрела на Водю, улыбнулась грустно и попросила:

— Не надо меня любить, я ответить не смогу... Мне любить нечем, Воденька, моё сердце на осколки разбили, и те осколки в грязь втоптали.

Он промолчал, с болью на меня взираючи, а я... что тут ещё сказать:

— Ведьмы любят один раз, Водя, всего один раз. Тогда только в сердце цветет весна, тогда и дети začínаются да рождаются. А после всё. Мы от рождения себе не принадлежим, и у нас есть лишь одна весна, чтобы пожить по-человечески, и всё на этом. Вот так и со мной, Водя, всё уже кончено.

Посмотрел на меня водяной и тихо сказал:

— Вот от чего ты от Силы Лесной свою суть скрывала.

Я много чего скрывала, и всё так же скрываю. Долго ли, коротко ли, но пока могу, молчать буду.

— Ничего не кончено, Веся, — серьёзно произнёс водяной. — Когда в лесу появилась, думал — не справишься. Дурачился, вёл себя как деревенский увалень, изводил шутками глупыми, всё пытался улыбку твою увидеть. И я надежду утратил почти, но наступил день, и ты улыбнулась. Пусть и сквозь слёзы, но улыбнулась. А когда смех твой услышал — жизнь началась заново. Я не знаю, сколько раз в сердце ведьмы весна цветет, но время всё лечит. Время как вода, Веся, тихо течёт, да ничего опосля себя прежним не оставляет.

Я плечами пожала, может и прав он, да только:

— Не хочу я, чтобы ты любил, а я себя виноватой чувствовала.

— А ты за мои чувства не в ответе, Веся, — строго сказал водяной. Вздохнул и добавил: — Я признался не для того, чтобы ты вину ощущала, я хотел, чтобы знала ты — как бы ни случилось, победишь, али проиграешь, Лесная Сила разума последнего лишится, али враг злобный удар нанесёт — я всегда рядом буду, а река моя тебе дом родной. Не рискуй, Веся, собой не рискуй, ты нужна мне. Любая нужна. Любой рад буду.

Огляделся — на лес опускались сумерки, мне в глаза посмотрел, да и спросил:

— Начинаем?

— А то! — улыбнулась я.

И пошли мы к избе моей, готовиться... спать.

Когда подошли, я аккуратненько да и свернула иллюзию, соответственно которой сидели мы с водяным на завалинке и мирно беседовали. В ближайших кустах выругался матерным волкодлак, на крыше избы ругнулся вампир, моровой вообще ничего не заметил, из моровых охороннички те ещё. А вот вампиру с волкодлаком стоило бы сходу осознать — это мой лес, я в лесу хозяйка, и никакой аспид мне

здесь не указ, и охранников не прикрепляз! То же мне, ишь чего удумали.

* * *

Операция началась сразу после заката.

Грациозно скользнули на свой мост вампиры, анчутки полетели вперёд, скрыв призрачными тенями передвижение вампиров. Гыркула взял с собой отряд в двадцать вампиров. Серьёзная сила, вот только на берегу моём ещё сорок осталось. А это почитай все воины графской усадьбы, и тревожно от осознания этого стало, от серьёзности, с коей готовились к бою, от сил, задействованных.

— Многовато, — задумчиво произнес водяной.

Мы с ним устроились у заводи, так чтобы и я связь с лесом своим не теряла, и он в прямом контакте с рекой был.

— Но действуют по-умному, — добавил Водя же.

И не признать его правоту было невозможно — анчутки быстрые, верткие, мчались гибко, словно рыбы в воде, размывались призрачными силуэтами пролетая сквозь деревья, и воплощались в свое истинное тело, едва преграда преодолевалась. Серой сверкающей в свете поднимающейся луны стайкой, влетели они в Гиблый яр, и раздался вой, страшный вой нежити. Анчуткам не нужна была кровь, они питались соком древесным, но... не тогда, когда на ночном небе восходила луна, и завывала нежить вовсе не от ужаса, скорее от боли.

— Ворон, родненький, — попросила я.

И взмыли в небеса совы, позволяя увидеть происходящее.

Анчутки, серебристые, быстрые, изворотливые, скользили между ходаками, увиливали от нападающих мертвяков, и вгрызались в тварей, тех единственных, в ком среди всей нежити кровь текла. И от того, у тварей, полностью поглощённых спасением собственной шкуры, не было ни возможности, ни сил противостоять вторжению вампиров.

Гыркула на территорию Гиблого яра шагнул первым. Сверкнула в свете луны серебром закалённая сталь, и упал наземь, удивлённо делящийся на две половинки ходок, следом в яр вступили

телохранители графа, после стража. Тихий страшный бой — вампиры сражались безмолвно, мертвяки те вообще по обыкновению молчаливы, а вот твари орали уже в отдалении, улепетывая в попытке избавиться от атакующих их анчутков. Те большого вреда принести не могли, но они как маленькие рыбки-пираньи атаковали и рвали тварей на пусть и мелкие, но части.

Свист, тихий свист графа Гыркулы, и он со своим отрядом отступает к берегам реки, а второй вампирский отряд вступает на мост.

И вроде хорошо же всё, получается вот, правильно так... а у меня сердце сжимается от тревоги, едва дышать могу.

— Второй мост, — попросила я водяного.

Тот коснулся воды и поделилась та на две живые картины — на первой все так же сражались вампиры, а вот на второй лишь вступили в бой волкодлаки. В звериную форму не перекидывались, шли с оружием, но не с мечами, а с шипастыми железными дубинами. И в лес они вошли первые, тоже лишь группой в одну треть, а уж потом по мосту бросились бежать ауки. Ауки смешные, на деревянных человечков похожи, только кряжистые как леший, но проказники похлеще любого лешего будут, кикиморы и те им уступают. А ещё никто не умеет прятаться так, как ауки — вот они бежали по мосту, смешные да забавные, а вот уже прыгают с моста в лес едва заметным дымком, как от свечи погасшей. И проявляются так же — дымком, из которого человечками проступают, да и проказничать начинают тут же и разнёсся, раздался по Гиблому яру их весёлый крик «Ау».

«Э-ге-гей!» — добавили вампиры.

«Ууууу!» — взвыли волкодлаки.

И зашумел, загудел Гиблый яр, затрещали ветки под ногами нежити, засветились светом призрачно-зелёным личи и твари... сколько ж магов здесь погибло? Много, слишком много, как оказалось.

— Веська, ногти не грызи, — укорил водяной.

Я кивнула, да и... за другой ноготь взялась. Не нравилось мне творящееся, ох и не нравилось. И вдруг ни с того ни с сего, от кустов ближайших потянулась лоза, к ладони прикоснулась листочком, и Ярина передала мне картину страшную — под луной, в лунном свете казавшиеся лишь тенями, рывками мчались к Гиблому яру два леших-мертвяка.

— Ох ты ж, Сила лесная! — выругалась я.

Делать что? Что делать-то?!

Если эти лешаки в Гиблый яр прорвутся, нам его вовек не одолеть!

Никак! Ни коим образом!

И замерла я, встревожено, то на вампиров с волкодлаками глядя, то закрывая глаза, чтобы увидеть то, что Ярина показывала.

Лешаки, двое! Что делать?!

У Ярины сил противостоять лешакам не хватит, ослабела она вконец, всё, что есть — лишь поросль терновника в степи перед Гиблым яром, да такой лешаков не остановит. Я бы могла, да не как ведунья, а как ведьма... только не выйдет, на такое расстояние я не перенесусь, метлу коли достану... это ведь через Гиблый яр перелететь надобно, а нет уверенности, что сдюжу.

Что мне делать?!

— Веся, случилось что? — спросил Водя.

— Случилось, — я уж и губы кусать нервно начала. — К Гиблому яру два лешака мчатся, а коли присоединятся они к ведуньям мёртвым, сила их неодолима станет.

Водя подскочил тут же. Постоял, на Гиблый яр взираючи да и с просил:

— Лешаки где?

— Степь, — ответила сдавленно. — Там ни ручья ни реки, Водь, нет там власти твоей.

— Моей нет, — был вынужден признать он. — Но что если...

И осёкся. И опустился на берег заводи, рядом со мной. В одинаковом положении мы с ним были — нам свою жизнь нужно было беречь. Пуще ока беречь.

Я отпустила лиану Ярины, поднялась и сказала:

— К аспиду сгоняю.

И тропу заповедную своей силой открыла, клюка-то у лешего осталась. Но обманула я Водю — путь не к аспиду, к избушке своей путь открыла. В неё вбежала, на домового не взглянув, блюдце серебряное достала, яблоко по нему наливное направила, да и имя назвала, то, что называть бы не стоило:

— Агнехран.

И случилось что-то с блюдцем, помутнело оно, опосля посветлело, и на меня посмотрел маг. Молоденький совсем. Глаза

сурьмой подведены, как у всех магов, волосы зализаны в нижний хвост, на груди символ огня, значит огневик, а это значит — боевой маг. И вот он, паренёк этот, голову склонил, приветственно, и произнёс:

— Здравия вам, госпожа лесная ведунья. Лорд Агнехран в данный момент недоступен, но мне приказано отвечать на все ваши призывы. Чем я могу вам помочь?

Смутилась я. Засмущалась даже. Маг был такой, как... из прошлой жизни. Молодой, вежливый, ещё не было в нём магового надменства, не было тщеславия, ещё горело в глазах желание помогать людям, менять жизнь к лучшему с помощью магии, и еще был он такой... человеческий.

Да не надолго... аккуратно до первого посвящения, а после все они меняются, и не в лучшую сторону.

И отступило моё смущение, перед объективной реальностью, улыбнулась с грустью затаённой, да и перешла к делу, некогда размусоливать.

— Уважаемый архимаг сообщил, что вы лешаков, спешащих к Гиблому яру, останавливаете, — произнесла, полувопросительно.

— Так точно, — поспешно ответил व्यуноша. — У вас есть новая информация по данному предмету?

Ага, полно.

— Два леших, — произнесла я, касаясь серебряного блюда двумя пальцами.

Парень смутился, не ведая, что это деется, чем вызвал вздох мой уккоризненный и сказать пришлось:

— Жест мой повторите, господин маг.

— Данир, — от чего-то представился то.

Забавный. Обычно-то маги полным именем представляются, с гордостью непомерной, а этот какой-то вконец человеческий, непривычно даже.

— Мне без разницы, — отрезала грубо. — К пальцам моим прикоснитесь, господин маг.

Тот покраснел, руку протянул было в перчатку затянутую, да тут же заметил оплошность, стянул неловко с рук, протянул ладонь, прикоснулся к моим пальцам через серебряное блюдо и вздрогнул. Да и мне поплохело — два лешака, что пробирались к Гиблому яру,

единственными не были! На карте, которую невольно в силу неопытности показал мне маг, лешаков имелось семеро. И всех их сейчас брали, с боем, огнем, отрядами целыми, и эти двое — с ними получается лешаков девять всего как оказалось!

А с магами... с магами проблема имелась, там всего трое архимагов оказалось, четверо магистров, и вот они возглавляли каждый отряд, лешаков бравший, а простым магам, увы, с лешаками не совладать. И ещё, что удивило меня — не было нигде архимага Агнехрана. Не увидела я его. По силе он сверкал бы ярче всех, но не было его среди сражающихся... где-то на севере блеснул на миг и пропал вдруг, а я карту видеть перестала.

— Ппппростите, — маг, на моих глазах краснеющий так, словно прямо сейчас получал нагоняй от руководства, руку отнял от блюда мгновенно, и пробормотал: — Разберёмся сейчас. Спасибо за информацию. И, это... если вам что-то потребуется, что угодно, я... мы... полное содействие, и лорд Агнехран он вас...

Связь прервалась.

А я, глаза зажмурив, потянулась к ощущению лесов своих, карту мысленно прикинула, да и... если тот всплеск сияния, что уловила невольно, к карте моей приложить, то... кажется... но это не точно, что где-то на севере моего Заповедного леса сейчас находился архимаг Агнехран!

Сама не заметила, как вскочила, на себя почему-то в зеркало глянула, волосы причесала вообще от чего неведомо, да и с разбегу, прямо из избы рывком перенеслась к лешему и аспиду, да своею силушкой, клюка то у лешего была.

Да неловко тропой заповедной воспользовалась, выскочила аккуратно позади аспида, и в него влетела бы со всей дури ведьмовской, да леший, друг сердешный, от той беды удержал, правда и с ним столкновение тем ещё удовольствием было — быть теперь шишке у меня на лбу, вот точно быть.

— Веся, случилось чего? — встревоженно леший спросил.

— Случилось? — спросила, шишку потирая. — Да нет, ничего.

А сама в сторону, да и давай оглядываться.

И своим зрением, и змеиным, и совиным, и к земле ладонь приложила, и даже ухо прижала следом.

— Весь... — напряженно леший позвал.

— Одну секундочку, Лешинька, — отозвалась я, вторым ухом к земле прикладываясь.

Никого!

То есть, вот он аспид, вот мой леший, вот моровики призрачными покрывалами колышутся, а архимагов никаких тут нетушки!

— Всё ли в порядке с тобой, хозяйка лесная? — с лёгкой насмешкою в голосе, спросил аспид.

Глянула на него сурово, ухо от земли оторвав, да и снова к земле припала.

— Всё хорошо, — ответила раздражённо.

Но на том не успокоилась.

Встала на колени, быстро пальцем круг нарисовала, в нём пентаграмму алхимическую, и ударив по ней ладонью раскрытой, произнесла магическое:

— *Ergo perspicuitat!*

Пентаграмма вспыхнула сине-фиолетовым всполохом, по лесу моему разошлась эхом магического колебания, да и вернулась.

Не было тут никого.

Все кто был, со мной рядом стояли, наперечёт каждого назвать могла. Села я, как была, прямо там и села, задумалась крепко.

Оно конечно как — показаться могло. Определённо могло, потому как я карту пространственную глазами того молоденького мага видела, возможно сам Агнехран там рядом был, может в шагах десяти, или за стеной, тогда свечение объяснимо. Потому как будь он здесь, я бы увидела. И на территории всего моего Заповедного леса — увидела бы. У меня увидеть много возможностей было — и ведьмовской силой, и птичьим взором, и силой ведуньи, и деревьями, и даже сырой землей матушкой. А как все эти возможности результата не принесли, вот до запрещённой магии опустилась. И всё равно ничего.

— Послушай, хозяйюшка, — вдруг произнёс аспид. — А не подскажешь ли, что это сейчас тут было?

Глянула я на аспида, да и соврала непосредственно, аки дитя невинное:

— А так, силушку лесную применила.

Поднялась легко, платье отряхнула, кашлянула смущённо, да и спросила то, о чём вот с момента боевых действий и думаю:

— Вопрос меня тревожит один, аспидушка, от чего ты вампиров оставил с анчутками? И те и другие опасны, да кровососущи, хотя анчутки по правде говоря плотъедуши, но не суть. А вот волкодлаков отправил с ауками. По правде сказать, сие странным мне показалось. Ну что ауки могут-то, кроме как в смятение врага ввести, сутолоку с паникой посеять? Да и волкодлаки-то, в своей человеческой форме, не так уж и опасны. Скажешь может чего?

Аспид странно на меня посмотрел. Опося на контур алхимический, который ещё слегка светился светом магическим. Ну я так осторожненько туфелькой и притоптала сияние как огонь потушив, вроде как и не было ничего, и опять взглядом большим вопрошающим на аспида воззрилась.

Тот на меня всё так же глядит. Тёмный весь, страшный, только глаза синие, даже в сумраке.

Но вздохнул, да и сообщил мне, недогадливой:

— Ты правильно подметила, хозяйюшка лесная, вампиры с анчутками сила опасная, а вот волкодлаки с ауками — скорее отвлекающая. От того нежить основной удар сосредоточит на отряде Гыркулы, и таким образом максимально отдалится от севера, и исходной точки моего удара. Ещё вопросы?

Головой покачала отрицательно, а на душе тревожно-то всё равно.

— Два лешака прорываются к Гиблому яру, — сообщила, через реку на тёмный лес взираючи. — Магов уведомила, авось и перехватят. Сама... не могу.

— Сама и не лезь! — вдруг как-то резко, приказным тоном произнёс аспидушка.

Я аж вздрогнула, да поглядела на него не то чтобы испуганно — недоуменно скорее, да подозрительно.

Осознал аспидушка, что не на ту ведьму голос повысил, склонил голову, да промолвил покаянно:

— Прости, лесная хозяйка, время перед боем, нервы на пределе. Однако повторяю — сама не лезь. Погибнешь ты — падёт твой лес, вслед за ним и река с водяным. А тогда не останется у всей нечисти и шанса на выживание. На тебе сейчас всё держится. И коли мы потерпим неудачу, у тебя иных воинов новый отряд завсегда найдётся, а коли тебя не станет...

— О том ведаем! — перебил его леший.

И меня спросил со значением:

— Весенька, тебе тропу заповедную к избе открыть?

— Да нет, — вздохнула печально. — К Заводи.

— Водя с тобой, — тут же догадался леший.

Кивнула.

На душе грустно, муторно и страшно. И уходить страшно тоже — не знаю, что аспид задумал, знаю что в два полуночи вытащу его, хочет он того или нет, а уходить всё равно... боязно.

И тут аспидушка вдруг спросил, да проникновенно так, вкрадчиво:

— С водяным стало быть, ночь коротать будешь?

— С кем же ещё, — отмахнулась раздражённо.

Помолчала, на реку взглянув, да и за реку тоже, и всё же сказала:

— Ты, аспидушка, своё дело знаешь, я понимаю, да только и ты меня пойми — не могу я вот так вот, вас, войско своё, оставлять без пригляду на растерзание. Не могу, не по мне это. Контролировать буду, и я и водяной, коли потребуется — поможем, чем сможем. Но одних не оставим.

Сверкнули глаза аспиды, да так, что я на реку глядеть перестала, на него воззрилась недоуменно, да тут господин Морут вмешался. Подплыл, приведением жутким, между мной и аспидом остановился, да и молвил:

— Вампирам и волкодлакам, коли сочтешь нужным, помоги, твоя воля, а вот в наш бой, хозяйка лесная, вмешиваться не смей. Всё обсудили, всё оговорили, обо всём ведаем. С нами бадзулы и злыдни, сама ведаешь — на многое способны. И неуязвимы. В нашем бою, твоё вмешательство, хозяйюшка, только вред принесёт.

И не скажешь ведь ничего.

Молча отступила я от Морута, молча леший мне тропу к Заводи открыл, молча к водяному вышла я.

* * *

Водяной чистил кедровые орешки и передавал мне, видимо, чтобы уберечь мои ногти. Мудрый Ворон молча клевал мясо, да с

таким видом, что мы даже не спросили откель взял-то. Учёный Кот терзал рыбу — водяной ему пожаловал. Домовой жевал поганки, целое лукошко откуда-то принёс.

Мы... нервничали.

Было от чего — вампиры несли потери. И не одни они — анчутки тоже. Всего происходящего в лесу мы не видели, совиное зрение штука ограниченная, а обзор предоставленный летучими мышами был не то чтобы лучше, но хотя бы был... до тех пор, пока нежить не начала атаковать подосланных нами летучих мышей. Пришлось отозвать и лечить.

Вампиров лечили тоже, как могли, так и лечили. Пока могли...

По началу, я оплела мост травами лечебными, а водяной по желобу пустил воду из живого родника, и это работало. Ровно до тех пор, пока вампиры не сообразили — раненым не нужно возвращаться в мой лес Заповедный, их латают сразу на мосту, так что кровососы, даром что умная раса, ждали пока раны затянутся, воды живой хлебали жадно, да и валили обратно! И рубились, не на жизнь, а на смерть, а главное — рубить им приходилось практически всё подчистую, включая деревья.

Лесные ведуньи страшные противники.

Ох, и страшные.

И если план аспида был в том, чтобы все они выступили против вампиров — план сработал! Да только сомнения гложут, что сработало всё как следует — слишком силён был враг, слишком многочисленен, и последнее, что мне совы донесли, так это наличие четырёх лесных ведуний супротив отряда Гыркулы.

Пятая против волкодлаков держала неспешную оборону, отвлекалась на аук, а те пользуясь своей неуязвимостью, помимо внесения сумятицы в ряды противников, вносили туда ещё и различные виды развлечений, типа швыряния оторванных голов противника в самого противника, издевательства над умертвиями, доведения лесной ведуньи до истерики, и не важно, что нежить вроде как хладнокровная должна быть. Должна была бы быть, но ауки они такие, они кого хочешь доведут, вот и ведунью довели обсуждением её внешности, сальных волос, кривого носа и выпавшего глаза. И вроде ничего особенного, всё ж правда до последнего слова, но озверела

степенная ведунья, с клюкой волшебной на аук бросилась в гнев страшном...

А вот дальнейшее поразило и меня, и мертвяков, и даже кота с домовым.

Когда разъярённая лесная ведунья ринулась в бешенстве на аук, те слаженно отступили, да так, что и не сразу понятно стало, что это они не бегут в ужасе сломя голову, а именно отступают, ринувшись в самый центр волкодлаков, неспешно с мертвяками рубившихся. И волкодлаки, главное, отшатнулись в сторону, словно сами изумлены были до крайности... Хорошо сыграли, слаженно. А как только лесная ведунья за рядами волкодлаков оказалась, вождь Далак к ней, магию леса призывающей, шагнул... вспыхнул знак, волкодлаком выведенный, засиял артефакт маговский (откуда только достали?!), и заорала, заверещала ведунья, охваченная пламенем, что не сжигало её, вовсе нет — поглощало, утягивая в артефакт.

— Веся! — водяной орешки чистить перестал, да и дышать словно перестал тоже.

Я и сама едва дышала.

Происходящее как-то за рамки моего восприятия выходило, и в целом я... я знак узнала. И это был не простой магический знак, это была алхимия в чистом виде! Как и артефакт.

— Веся, аспид маг? — глухо спросил водяной.

Что сказать тут? Правду ответила:

— Хуже, Водя, гораздо хуже... он алхимик.

И вгрызаясь в ноготь, последний длинный на руке правой, я проследила за тем, как сгорает знак огненный, как перекидываются волкодлаки, как начинается настоящий, вот теперь настоящий бой оборотней в своей исконной опасной ипостаси.

— Веся, — промурлыкал Кот Учёный, — Весяка, так нету больше алхимиков.

— Да и аспидов, говорят тоже нет! — огрызнулась я, напряжённо следя за боем.

Следить было за чем. Далак артефакт самому молодому из волкодлаков отдал, да и отправил того по мосту в мой лес, а сам, перекинувшись, принял бой против ринувшейся на спасение ведуньи нежити. И бой был страшным. Волкодлаки живые, теплокровные, против не живых, в ком крови не текло ни капли, да и если бы только

оборотни супротив моего войска выступили. Увы — как только схвачена была одна ведунья, четверо оставшихся, что с вампирами бились, об этом узнали тот час же. И загудела, зашипела земля под волкодлаками...

— Водя, — я вперед подалась, — Водя, сейчас их под землю утянет!

Но не успел Гиблый яр волкодлаков загубить — со реки поднялась волна, на берег илистый нахлынула, да и отступила, забирая с собой всех моих волкодлаков до последнего. И взвыла, взревела нежить, кинулась было на мост, да только... хорошо аспид над сталью мостовой потрудился, качественно — нежить гибла, едва соприкасалась. А как ещё одна мёртвая лесная ведунья попыталась оплести его ветвями, так там и погибла! И как сидела я... так сидеть и осталась. Аспид опасен был! Ведомо мне то было! Знала я, всё знала, в лес его пустила лишь от того, что не было в нём ни злобы, ни гнева, ни желаний убийственных. А так-то знала, что опасен... вот только насколько опасен, лишь сейчас поняла! Двух ведуний за десяток минут сгубил. Одну заточил в артефакте, вторую пронзило сталью от моста насквозь, и заорала, захрипела давно умершая ведунья, да не спасти её уже никому было! Сталь, что пронзила, она по самой ведунье растеклась, заключая её в кокон железный. И упала наземь клюка волшебная, а в реку закованная в сталь ведунья, и понесло её, вовсе не течением, мостом понесло, аккуратно к Далаку, что стоял уже на моём берегу. И снова пал на одно колено вождь, знак алхимический сотворил, и вторую ведунью во второй артефакт затянуло. Лишь после этого затухающими дымками выбрались из Гиблого яра ауки, по мосту промчались, в мой лес спрыгнули, и свернулся мост!словно тетива от одного берега реки оторванная, к другому мгновенно отскочил!

И замерла я, сердце только билось как заполошное. Водяной застыл. Кот Учёный рыбу есть перестал. Домовой поганки жевать. Ворон Мудрый на хвост грохнулся... Шок у нас был у всех. Попросту шок.

А тут ко всему прочему ещё и леший с клюкой моей появился, на нас с водяным посмотрел разгневанно, да и пробасил голосом скрипучим:

— Пошто в бой вмешались?! Хорошо аспид предусмотрел, а коли нет, что тогда?!

Водяной лишь головой мотнул потрясённо, а я... я ответила:

— Лешинька, мы бы пятерых волкодлаков потеряли как минимум.

И тут из кустов сам вождь Далак вышел. Был он в ипостаси звериной, глазами кровью налитыми на меня глянул, и прорычал:

— Ведунья, мы — воины! Смерть в бою — честь для нас! А ты...

А я всё, нервы у меня сдали. И подскочив с места, я и высказалась:

— А я супротив смерти в принципе! Хотите чести — идите куда-нибудь в другом месте погибайте! А мне тут в Заповедном лесу нечего могилы городить!

Далак, в звериной форме себя хуже контролировавший, зарычал было, да только.

— И не смей на меня рычать! — вызверилась я.

Ишь удумали! Я им Лесная хозяйка или как?! Сволочи бесовестные!

Развернулся Далак, хвостом нервно мотнул да и собирался обратно в кусты, только вот...

— Стоять! — скомандовали мы с водяным разом.

Переглянулись. И на душе чуть потеплело — всё-таки какие мы с Водей одинаковые, вот иногда так бывает, прямо родственная душа.

— Чаща! — позвала я.

— Кракен! — воззвал Водя.

Ну и пока моя чаща, спеленав волкодлака передавала его выглянувшему из-под воды кракену, я попросила лешего:

— Остальных тоже давай сюда.

* * *

Водяной у меня был сильным, а заводь эта центром его силы, от того энергии в воде данной было столько, что каждая царапина на волкодлаках светиться начинала и сияла до тех пор, пока не затягивалась рана. Только после, кракены вежливо передавали излеченных моим чащам. Те принимали аккуратно, земли не касаясь, и развешивали обратной по ветвям деревьев — сушиться. И висели те

причудливыми лохмотьями, что порывивали гневно, но спрыгивать с деревьев не спешили.

Оно и понятно — у меня с Водей сила близкая, к земле она близкая. А земля она силу магическую, ту что противоестественна природе, впитывает как заряд молнии. От того и избегали мы соприкосновения с землей.

— Аспид бы сам излечил, — прорычал вождь Далак, аккуратно разложенный Лесей и Яриной на ближайшем к нам дереве.

— Это если силы останутся, — заметила я.

— У него останутся! — убеждённо заверил волкодлак.

Водя промолчал, лишь на миг взглянув на меня. А я что?! Что тут сказать-то?

— Вы простите нас за грубость невольную, — повинилась перед вождем. — Да только скверну Гиблого яра по-быстрому да без потерь магических излечить можно в этой заводи.

Далак рыкнул было что-то, но умолк, обмяк и вскоре спал, как и остальные, похрапывая на ветвях.

А Водя тихо сказал то, о чём я сама думала:

— Заводь, напоенная силой чародейки, лечит скверну...

— Созданную чародеями, — эхом добавила я.

Помолчал Водя, и совсем тихо сказал:

— Иной раз думаю — зачем вмешался? Ту, что дорога была не сберег, ту что люблю уже не уверен, что сберегу. Так зачем?!

— Ради реки, Водя, — глядя на битву вампиров, отозвалась я. — Ради реки.

А у вампиров снова становилось жарко.

В прямом смысле слова. Не знаю, откуда у них артефакты алхимические... точнее догадываюсь, но не ведаю где аспид раздобыл их в таком количестве, но сейчас вампиры сражались огнём и мечом. А ещё они не отступали. Ни на шаг. Несмотря на то, что против них сейчас весь Гиблый яр восстал!

— Знаешь, я тебе так скажу, — руку протянув, я коснулась его ладони, сжала. — Магия эволюционирует, как впрочем, и всё иное. И чародеи в этом извечном колесе истории, были как земледельцы, что землю лишь раз используют. Это знаешь как — сожгут лес, и на той силе, что в земле сохранилась, на пепле погибших деревьев, сеют

зерно по весне. По осени урожай собирают, зиму за счёт него живут, а по весне, Водя, они новый участок леса сжигают.

Помолчал водяной, да и спросил:

— От чего не на старом, возделанном уже участке?

— А там урожай будет меньше, — отозвалась, напряжённо за вампирами следя. — Да и не жалеют чародеи ни жизни чужой, ни земли, ни ресурсов. Ничего не жалеют.

— Откуда знаешь-то? — водяной махнул рукой кракенам, чтобы последних волкодлаков чащам отдавали.

— Да по истории магии проходили, — я оторвалась от вампирского боя, проследила, чтобы Леся всё, как полагается, сделала.

А то уже уронила одного волкодлака, у того шерсть мокрая — отличный проводник, от того силу всю земля мигом впитала, и пришлось оборотня по-новой в заводь отправлять.

— Чародеи, — вновь вернувшись к наблюдению за вампирами, продолжила я. — Они на нашем континенте не так давно, лет триста всего-то, а вот через море, там делов-то понаделали, и остались после них реки мёртвые, степи выжженные, да леса гнилые.

Помолчал водяной, да и признался:

— Не знал.

— История Эволюции Магии, третий период, — педантично уведомила я.

— Хм, — чувствую теперь не я одну историю зубрить буду. — А в первом периоде что было?

— Мы, — на картинке, которую добросовестно передавали и совы, и привлечённые орлы, которые могли хоть что-то видеть в свете огня, я лично видела, что дела у вампиров плохи. — Мы и нечисть. Те, кто получил силу от земли-матушки; те, кто обрёл магию, чтобы защищать тех, кого породила мать-земля, в кого вдохнула жизнь. А потом появились алхимики.

Водя молчал, выражая всё своё внимание неподдельным интересом, но...

— Эту часть истории магии я слегка пропустила, — призналась нехотя.

Да и кому захочется признаваться, что пока все ученицы Славастены зубрили учебник по истории магии, я перечитывала письма её сына. У нас с Тиромиром способ сообщения был такой — он

оставлял мне послания в учебниках, я ему под тарелкой с имбирным печеньем, которое ему относили в полдник, во время пятиминутного перерыва между занятиями по боевой магии. Поплатились в итоге оба. Он прокололся, когда его лич атаковал на тренировке, и вместо заклинания нужного, оттарабанил мои дилетантские стихотворные признания ему в любви. Над ним тогда вся магшкола потешалась, пока Ингеборг не вмешался. А я... я получила неуд по истории алхимии, после чего меня на два месяца лишили десерта и ужина. Есть хотелось страшно, от голода заснуть не получалось, вот и утешалась как могла алхимией. Доутешалась — в одной из монографий оказалось описание знака «Inventa» — открытие. Была глубокая ночь, делать было нечего, я начертала знак, и с двадцатой попытки открыла вход в алхимическую библиотеку. Это стало моим утешением на довольно долгий период — когда сажали в карцер, когда запирали в подвале без еды и воды, когда лежала в лазарете, и от боли сон не шёл. К сожалению наставниц, историю алхимического периода магии я так и не выучила, зато кое-какие знания по алхимии таки оставили след в моей насквозь затуманенной любовью голове.

— Третий период — чародеи. Четвертый — маги, — закончила неприятный экскурс в историю.

Водя помолчал, затем тихо сказал:

— Допустим, чародеев уничтожил я. А кто алхимиков?

— Сами справились, — я плечами пожала, совершенно без интереса относясь к данной тематике. — У алхимиков был принцип — чтобы что-то получить, нужно отдать нечто столь же равноценное.

— У ведьм примерно также, — заметил Водя.

— Ну, в принципе, — была вынуждена согласиться я.

— И ведьмы вымирают... — совсем задумчиво протянул водяной.

М-да-м.

— И алхимия запрещена сейчас, так? — последовал новый вопрос от Води.

— Как и чародейство, — отстранённо подтвердила я.

Не стала говорить о том, что скоро и ведьм запретят. Очень скоро... Как только станет известен тот факт, что прирождённые ведьмы в момент смерти способны передавать свою силу магам... Причем только прирождённые, а природные, такие как Изяслава, могут передавать свою силу лишь сыновьям и только, да и то, там

скорее суррогат, чем сила. И посему, маги, те, что сейчас у власти и в полную силу вошли, очень скоро, начнут уничтожение природных ведьм, если уже не начали. Ведь кто сейчас противостоит мне в Гиблом яру я знаю, но остается вопрос — кто уничтожил все иные Заповедные леса?! И самое ужасное, что где-то в глубине души я знаю ответ — кто-то свой. Кто-то, кто знал обо всех возможностях хозяев лесов, кому были ведомы сильные и слабые стороны, кому известны все правила Силушки Лесной. Вот так и ведьм уничтожал кто-то свой, права была Ульгерда.

— Весь, я с тобой, — тихо напомнил водяной.

— Это я знаю, — ответила, стараясь отогнать грустные мысли.

Ведьмы о беде уже знают, да и умны они — разберутся. Пока на Ведьминой горе вот от мира изолировались, а Ведьмина гора она крепче любой крепости будет, любую осаду выдержит. Так что природные выжить сумеют. А прирожденные — нас таких каждая вторая девочка, просто у кого-то сила пробуждается, а у кого-то спит всю жизнь... если это счастливая жизнь.

— Ничего, — села ровнее, плечи расправила. — Вот с Гиблым яром разберёмся, а потом уже займёмся тем, кто ведуний уничтожил. По лесам брошенным полетаю, метла-то всё равно при мне, и выясню всё.

— Это вряд ли, — Водя посмотрел на заводь, на сражение вампиров и добавил. — Весь, тебе лес покидать нельзя, ты последняя лесная ведунья, единственная осталась. Так что, покуда иных себе на смену не вырастишь, не обучишь, Заповедный лес покидать права у тебя нет.

И вот правду ведь сказал, а так тоскливо на душе стало, что хоть вой. Не ждала я такой ответственности, ничего такого вообще не ждала. Я в этот лес пробралась почти воровкою, ложью прикрываясь, болью своей упиваясь, да планов на будущее не строя. Лес меня спас, за то я помогала ему как могла, но наставницей стать? Других ведуний обучать?!

— Водя, не смогу я, — прошептала испуганно. — Кого учить? Как? Я сама ещё не обученная, мне в конце года и курсовую сдавать, и две научные работы, и десять экзаменов!

Странно посмотрел на меня водяной, поняла его сомнения я... М-да. В свете предстоящих экзаменов, идея заняться исследованием

уничтожения ведуний лесных, показалась мне вконец заманчивой. Определённо всё лучше, чем лесоводство с лесоведением учить. Вот «Лесная магия» другое дело, этот предмет мне очень нравился, учила с интересом да с лёгкостью, а всё остальное... Я по большей части на знания лешего, да на свою ведьминскую силу полагалась, и тем нарушала законы и заповеди ведунов да ведуний.

А с другой стороны...

— Знаешь, — я протянула ладонь, коснулась кромки воды. — А ведь тогда, там на поляне, когда в ловушку меня заманить хотели, да в знак Ходоков заключить, я ведь главное правило ведуний нарушила, Водя. Закон гостеприимства леса Заповедного.

— Это ты сейчас к чему? — спросил водяной.

Поразмыслив, ответила:

— Это я к тому, что не тому нас, ведуний, учат. Совсем не тому.

И тяжело вздохнув, добавила:

— Нужно будет с Силушкой Лесной потолковать. И законы, три главных правила, менять. Как есть менять, с ними не проживешь. Тяжелые времена настали...

И если бы только у меня!

К вампирам кирдык пришёл!

Из пяти мертвых лесных ведуний осталось трое, и все они сейчас стояли против вампиров с анчутками, да не просто стояли — они их уничтожать начали! И уже не нежить используя, а истинную силу Лесных ведуний!

И задрожала земля, разверзлась вмиг под ногами вампиров!

Я вскрикнула от ужаса. Чуть не дёрнулась к ним, да водяной удержал и держал крепко, пока смотрела я, как вылетают из пропасти вампиры, им анчутки помогали, они ж летучие, вот и взлетали теперь по двадцать штук на упавшего вампира, всех и подняли. Быстро подняли! Быстрее, чем схлопнулась земля, свой истинный вид возвращая.

Вскинул руку вверх граф Гыркула, перегруппировались вампиры, да и отступать начали, оставляя огонь впереди себя.

А я на часы невольно глянула — до полуночи полтора часа оставалось! Полтора часа! Наши и часу сражения не выдержали! И ещё не понятно, выдержат ли дальнейшую схватку с ведуньями,

потому как те, они одним «Земля развернись» ограничиваться даже не думали. И задрожала земля, загудела, затряслась...

— Ручьи, — прошептала я с ужасом. — Они ключевую воду призывают, пламя гасить будут.

Водя на меня посмотрел, я на него...

Мы друг друга поняли без слов.

Порыв, и водяной губами к моим прикоснулся, выдох — я передала ему технику пробуждения лесных вод. Его вдох — понял. И теряя облик человеческий, соскользнул в воду чешуей сверкая в лунном свете...

И пошла рябь по реке, рябь, следом волны — мой водяной простым не был, и слабым не был тоже. И вся вода, что призвана была ведуньями, вся как есть в землю впиталась, ручьи ключевые застыли, капельки росы и те исчезли, как и туман над болотами.

Оглядывались по сторонам ничего не понимающие вампиры, бесновались тремя дикими умертвиями ведуньи, держала свою ладонь в воде я, так словно Водю за руку держу, а перед глазами страшное — вспарывающие землю лианы, распахивающие кору навстречу будущим пленникам деревья.

«Уходите! Уходите! Уходите!» — хотелось кричать мне, но крик никто не услышит, и все что мне оставалось — кусая губы, наблюдать за избиением младенцев, вампиры ведь против трёх ведуний, всё равно, что младенцы.

Но тут случилось то, чего я не ждала — призванная ведуньями вода, стала силой водяного, и Водя использовал её. Вспороли землю бурлящие ручьи, и кусок Гиблого яра, как плот какой-то, мягко отделился от леса, и под взглядами обалдевших ведуний и не менее обалдевших вампиров, стал островом посреди реки.

Просто островом, до которого ведуньям лесным уже не добраться было никак — водяного территория. И как не бесновались лесные ведуньи, как не скрипели деревья, знаком Ходоков отмеченные, как не была заливалась разъярённая нежить, а всё, не добраться до вампиров с анчутками уже, никак не добраться.

Но ведуньи существа настойчивые, а мертвяки так вообще — они же препятствий не видят, к цели напролом идут, и началось оно — противостояние века.

Ведьмы свой мост начали строить, из лиан, кустов, да дубов...

Водяной на корню уничтожал все их замыслы. Кракенов созвал, русалок да русалов, кикимор привлёк, и остальную нежить речную... В общем лесные ведуньи строят — водяной с армией своей рубят. А вампиры на дело сиё поглядев, по имеющемуся мосту, в лес мой возвратились, а оттудова, благо не далеки переходы, и напрямик ко мне.

Да как вышли на берег заводи, так и остолбенели — со всех деревьев, висящие аки шкуры сохнувшие на ветру, начали им махать приветственно волкодлаки.

— Эээ, — только и произнёс Гыркула.

— В воду, — скомандовала я на них не глядя, потому как... было за чем поглядеть.

Вампиры народ дисциплинированный, раздеваться сразу начали.

— В одежде, — вздохнула я. — Анчутки, вы тоже.

А на этом дисциплина и закончилась.

— Всем в одежде в Заводь? — переспросил Гыркула.

Я кивнула, не отрывая взгляда от островка, на котором русалы сейчас вампиров изображали, только каких-то гротескных и не утрированных, и заигрались слишком — начали изображать вампирский каннибализм, от чего обалдели даже умертвия.

— Э, а что за представление, позвольте узнать? — возмутился аристократичный вампир, узрев, как его «собрат» демонстративно грызет шею другому «собрату».

— Русалы переигрывают, — что уж тут скажешь, кроме правды. — В воду давайте.

Анчутки были куда более дисциплинированными — косяком-клином в заводь влетели, и светящимися, фосфоресцирующими на поверхность вынырнули, потрясённо себя оглядывая, да на вампиров, сотоварищей боевых, глядя.

— Земли не касаться, пока не высохните, — предупредила я вампиров.

Те переглянулись, да и заплыв устроили масштабный, а потом, держась на поверхности, смотрели как незримые ранки и яда капли, засветились в сумраке, исчезать начиная.

— Леди Весена, — позвал меня Гыркула. — Это то, о чём я думаю?

— Не знаю, о чём вы думаете, — была вынуждена признаться ему. — Заводь полна чародейской магии, здесь чародейка погибла, а вот Гиблый яр полон чародейской скверны, это ведь не совсем обычный яд, и я полагаю, вы это уже поняли. Обождите в воде пока сиять не перестанете, потом на деревья, покудова не обсохните.

— А в одежде зачем? — спросил один из вампиров.

Устало посмотрела на него. Взглядом указала на рукав камзола — там, подсвечиваясь, изничтожалось сейчас пятно яда.

— Всё, понял, больше вопросов нет, — стушевался молодой вампир.

Кивнула ему, и снова на вид в заводи вгляделась. Бесновались лесные ведуньи, сыпали проклятиями, гнали скверну ручьями к реке гнали, да только велика река, а всех своих, включая рыбу, вода подальше отвёл. Но ведуньи не сдавались.

Строили мосты, плоты, навесные мосты...

Сыпали заклинаниями.

Ядовитую пыльцу на остров тот слали — а всё без толку. Водя водяной древний, сильный, опытный, с ним лучше дружить, чем спорить. Но ведуньям то было неизвестно — о своей силе они знали всё, а вот о силе Води информация у них была явно скудная, чем друг мой и пользовался.

Полтора часа держал Водя нежить в состоянии глубочайшей уверенности, что ещё немного усилий, ещё чуть-чуть магии, и победят они, да остров с вампирами заполучат, но голову дурить Водя умел знатно, вот и задурил окончательно.

А как часы полночь пробили, так и взвились на острове две ведуньи. Обе из тех, что волкодлаками были схвачены.

Застыли ведуньи да нежить в Гиблом яру, остолбенели волкодлаки — ведуньи-то у них в артефактах были скрыты-закованы, напрягся уже высохший и от того со мной рядом сидевший граф Гыркула.

— Фантомы это, — сообщила ему.

Вампиры высохли быстрее, от того уже все на земле были, а вот волкодлаки в основном ещё висели на деревьях медленно сохнущим шерстяным бельём.

Но я на них не глядела даже, я, пользуясь тем, что водяного нет рядом, нервно начала... ногти грызть.

Полночь. Самая полночь.

Сейчас в бой вступит аспидушка и я даже не знаю, что будет-то. Силён враг, ох и силён. Да и не ведаю, удалось ли магам лешаков задержать. И страшнее всего — три ведуньи лесные, против одного моего аспиды... Страшно мне. И Води нет, и лешего нет, даже пожалиться некому. Страшно, боязно, тревожно.

Коснулась второй ладонью заводи, да и открыла вид иной, и теперь вновь заводь на два экрана поделилась — на одном водяной вовсю дурил нежить, а вот на второй, осторожно, бесшумно, по-военному быстро, двигался аспид мой, за ним моровики потемневшими для маскировки призраками, опосля болотники да болотницы, а вот бадзулов и злыдней видно не было, видать первыми в бой пошли.

Хотя какой это был бой — побоище.

Моровики те убивали молча всегда — в жертву вцепятся и держат, пока не свалится та кулем безжизненным. Думала ранее так токмо с живыми можно, но нет, оказалось и с мертвяками работает, только иначе чуть — моровик собой как в плащ призрачный жертву заключал, да так что, ни звука, ни вскрика наружу не раздавалось, изолировали они звук, и опадал на землю уж не мертвяк, а груда костей и слизи, ни к чему не способная.

Моровики работали в паре с бадзулами. Главная способность бадзулов к бродяжничеству склонять попавших в сети охотников, вот и с нежитью справлялись так же. Незримыми призраками летели бадзулы по лесу, окутывали мертвяков, путали, да и слали всех в одном направлении — в направлении смерти неминуемой, потому что шли ходоки напрямиком к моровикам, а там и конец свой обретали.

Злыдни действовали иначе — нападали бесшумно на тварей и других порождений с магическими способностями, бесили, доводили до ярости, и невменяемости добившись, вели в круг Смерти. Алхимический круг Смерти, с пентаграммой поглощения магии внутри, который самим злыдням не вредил никак, а вот твари и личи сгорали в мучениях, да только — и на круге том стоял полог тишины. Их предсмертных воплей не слышал никто.

Куда подевались болотники, болотницы и мой аспид поняла не сразу — поначалу искала долго, видимость в Гиблом яру была не лучшая, совы старались изо всех сил, орлы помочь не могли — они в

крошечной мгле ничего не видели. И лишь когда на севере сверкнул огонь, я на миг увидела то, что творил аспид!

А творил он нечто, разуму не поддающееся.

Он из Гиблого яра, из леса, на северных территориях болото творил! Вот зачем ему болотники да болотницы понадобились — луга и поляны, в болота они превращали. Да не в простые — по периметру захватываемых территорий гиблые топи устанавливались, такие что ни одной нежити не пройти, ни одной лесной ведунье не пробиться. Это были болота!

И это были те изменения, которые лесные ведуньи не почувствовать не могли.

Замерли они, три как одна, да и ударив клюками оземь, ринулись туда, где действительно беда к ним пришла.

А я... я замерла, не зная, как предупредить, как предостеречь, как сообщить аспидушке, что беда к нему мчится тропами заповедными, всё своё войско призывая. Ведь лесная ведунья в своём лесу — это сила неодолимая. Если уж одна я в своём Заповедном лесу архимага даже уничтожить могла, что говорить сразу о трёх ведуньях, что меня были сильнее, опытнее и неуязвимее.

И сидела я, браслет сжимая, и страшное желание испытывая — вытащить его оттуда прямо сейчас, сию же минуту, пока поздно не стало...

Но последующие события показали, что аспид не так прост.

Приближение ведуний он ощутил. Всё как я учила — на колено опустился, сначала ладонь приложил к земле, опосля уха. Посидел, задумчиво, а затем раздался свист. Его свист.

И разнёсся он по всему северному уделу Гиблого яра, и повинуюсь ему, мгновенно отступили злыдни, бадзулы, моровики. В тот самый круг Смерти отступили, там и остались, подсвеченные снизу призрачно-синим цветом напитавшегося алхимического порождения...

И вот тут появились ведуньи.

Разом.

Да все трое перед аспидушкой, что всё так же стоял на одном колене и ладонь на земле держал.

И вой раздался!

Протяжный, полный ужаса, жалобный...

Граф Гыркула недолго думая протянул мне колбаску копчёную, которой сейчас и он, и весь его отряд закусывал.

Но нет, есть я не хотела и не стала, зато хоть выть перестала.

Я задыхаясь от ужаса, смотрела как поднимается с колена мой аспидушка. Как глядит с вызовом на ведуний лесных, да давно почивших. Как поднимает ладонь, в их сторону направив...

И как из ладони, словно спущенное с цепи, срывается ревущее пламя!

Грозное, страшное, неодолимое!

Отпрянули ведуньи, щитами закрываясь, отпрянула нежить, что грозной толпой вслед за хозяйками явилась, отпрянули живые деревья ходаками ставшие — а вот не живым не повезло. Аспид сжигал всё! Оставляя после себя чёрную полосу шагов в десять шириной, и магию он не свою использовал — а ту что круг алхимический из тварей да личей выкачал. Сила та к нему ручейками по земле болотистой тянулась, а аспид стоял, всё так же с рукой вытянутой да ладонью вертикально расположенной, и поливал всё пламенем, рисуя чёткую, протяженную границу и ведуньи не сразу поняли, что сейчас происходит.

А вот когда поняли... я поняла, что вовсе не зря список сегодня для аспидушки составляла.

Первое, что применили слаженные силы трех ведуний — Ловушку наземную.

Разом ведуньи клюки вверх подняли, разом и ударили!

И страшной трещиной разверзлась земля, да трещина та прямым к аспиду помчалась.

Завизжала я!

Сунул мне яблоко предусмотрительный Гыркула, крик обрывая.

А я только и успела, что яблоко выпавшее подхватить, потому как — трещина земная, страшная, в шесть шагов широкая, она токмо до территории выжженной добралась, а там и остановилась. Остолбенела от потрясения я, окаменела от непонимания ведуньи. Усмехнулся аспид, да усмешкою такой, какую ни одна ведунья не стерпит. И вот зачем нарываешься?! Зачем??? Эти же, они хоть и умертвия, а вот взяли и не стерпели!

Они взяли клюки свои снова, да и снова оземь ударили!

Я дышать перестала от ужаса, не знала я чего ждать-то! Будь я на месте ведуний тех, я бы сейчас устроила, что-то такое, что противник ожидать не будет вовсе. Но... это я, а ведуньи умершие, они взяли и... ловушку древесную использовали. Как по учебнику! Как по плану. Как по писанному!

И потому, когда шагнули к аспидушке дубы древние, кору открывая, дабы заточить его в стволе своём, мне даже как-то неудобственно стало, а аспид ничего, он политесов не разводил, молча вторую руку задействовал и сжёг. Вот все деревья, что к нему направились он и сжёг. Прямо там, на месте.

Оторопели лесные ведуньи.

Стыдна-то стало за них мне, потому как... дальше по учебнику шла атака шипами терновых кустов и... так ведуньи и поступили. Рванулись ввысь почву вспарывая кусты терновые, налились на ветвях их шипы ядовитые... Усилил пламя свое аспид и сжег все колючки ещё в полете... Да не просто так — мои слова аспидушка запомнил, хорошо запомнил, и время подгадал правильно — дождался пока терновые ветви потемнеют до темно-коричневого цвета, тогда и ударил, в самый уязвимый момент.

Загордилась я даже, хороший из аспиды ученик вышел, лучший я бы даже сказала, а впрочем единственный, что уж греха таить, но гордилась им всё равно.

А вот дальше чего знать, я не ведала.

В ситуации такой лесные ведуньи могли три пути использовать:

1. Погнать всю живность лесную на нарушителя, от такого мало кто спасётся.

2. Повернуть русла всех ручьев лесных, так что земля вмиг станет болотом гиблым да топким.

3. И третий путь самый страшный — древопад. Ни одна толковая ведунья на него не решилась бы, страшны последствия для леса, слишком страшны... да против нас неадекватные ведуньи, а потому чего ждать-то сейчас мне было неизвестно.

Но вот чего не ожидала я никак — так это того, что ведуньи опять же, как по писанному, как прямо из учебника, все три пути последовательно использовали!

И загудела земля — это мертвяки гнали на аспидушку, да толпой страшною, силой грозною. Тут только на деревья лезть, чтобы жизнь

свою сохранить, но недооценила я господина Аедана.

Аспид опасность ощутил, снова ладонь к земле приложил, да и распознал. А как распознал, свистнул негромко, и кто знал бы — моровики, бадзулы и злыдни только того и ждали. Призраками метнулись к аспиду, перед ним сгруппировались, да всю нежить, что ведуньи в бой бросили, отправили по известному уже адресу — аккурат в круг Смерти!

Завыли, забились в истерике лесные ведуньи. Загрохотала земля вокруг, да задрожала следом... Поняла я — ручьи призывают. От состояния нервного, яблоко с силой такой сжала, что брызнул сок во все стороны.

Но аспидушка был не прост — второй свист, и за рядами моровиков, возникли болотники, кои ведуньям были вовсе не видимы. И как хлынула вода родниковая из-под каждой кочки да ямки, так воду ту тут же болотники перехватили! И в единый миг, то, что бедой должно было обернуться — стало победой!

Для того, чтобы захваченную территорию в болота превратить, болотникам и болотницам одного не хватало — воды. Из реки тянуть-то сложно было, а тут им бесплатно да в количестве таком воду предоставили, уж такое преимущество им ведуньи предоставили, что не в сказке сказать, ни пером описать. К болотникам вторым эшелонem присоединились болотницы и пошло дело, уж так быстро пошло, я ж и не ведала, что можно так.

Ведуньи лесные не ведали тоже. Побесились они от ярости бессильной и...

Затрещала, загудела земля.

«Только не это» — с болью подумала я.

Но всё было очевидно — древопад. Они решили использовать древопад! Как же тяжело оказалось осознать, ведь ни одна лесная ведунья в своём уме на такое не решилась бы... Просто ни одна. Тут сама сгинешь, но лес сбережёшь, а они...

На одно надеялась, помнит он слова мои: «Так вот, аспидушка, коли услышишь треск такой — беги. Назад беги, страшно это, да и пламя не поможет».

Но стоял аспид. И стоял и стоит, не шелохнется даже. А повсюду треск страшный, звук такой, от которого кровь в жилах стынет... А он стоит! Моровиков, бадзулов и злыдней отослал, болотники с

болотницами отведением воды заняты, тоже исчезли из виду, а он один стоит на месте, и ни шагу назад.

И закричать хотелось «Уходи!!!», так хотелось, что я вся как струна дрожала, перед глазами лицо его угольно-чёрное пугающее, да глаза синие, от чего-то как родные, а в душе ужас, в душе страх, в душе отчаяние...

А потом начал падать лес...

Много раз я о том читала, да никогда не видела и видеть такое, даже врагу не пожелала бы. Рвались корни у дубов столетних, падали замертво богатыри лесные, да валились всем войском. С ними сосны вековые. О деревьях малых и говорить нечего.

Силён был удар. Страшен безжалостностью. Чудовищно страшен. Таков, что заорать хочется от бессилия, каждого дерева коснуться, скорбь искреннюю выражая, да только одна странность имелась во всем том — древопад был, но не на болотах. Каждое из рухнувших деревьев, выжженной аспидом границы не коснулось вовсе, падали гиганты так, словно на воздушную стенку натолкнулись, от того и валились в иную сторону.

И вот стоит мой аспидушка победителем!

Трясёт от негодования ведуний лесных.

Льются горькие слёзы у меня — ни за что полегли деревья. Как есть ни за что. Стали они жертвами тупой злобы и ярости. И пали как воины, отправленные в бой полоумными полководцами...

Вот на этом бой и закончился.

Из-за воды, что призвали ведуньи — болотники да болотницы окончательно в силу вошли. И теперь работа была у них кропотливая, да посильная — из леса болото творить. И не простое, а Заповедное. В деле том помощь посильную им моровики оказывали, а вот аспид с бадзулами да злыднями обход совершал. Деревья павшие огню предавал, расширяя границу охранительную да насыщая почву отравленную золой питательной. Чуть кто мешать пытался — в дело злыдни вступали, и мертвяк становился энергией, коею тоже в дело пускали. А потом и вовсе случилось странное — аспид перешёл мост, перетёр о чём-то с лешим, и призвал Ярину. Чаща моя вторая заповедная, поначалу воспрянула, а потом от аспида шаг назад сделала, да и возникла тут же передо мной. Всё верно — я её хозяйка, мне и доверие.

— Не знаю, Ярина, — честно сказала ей. — Можешь попробовать, да только об одном помни, дальше сожжённой границы тебе ходу нет.

Поклонилась Чаща Заповедная, да и ринулась — на новой своей территории хозяйничать.

К тому времени вернулся уж водяной ко мне, вампиры с волкодлаками ушли пировать, благо Савран и сегодня успел обернуться со товарами, а вот я сидела, всё так же напряжённо за ситуацией следя.

— Получилось же, Веся! — рывком воду покидая и гарным парубком на берег присаживаясь, сказал водяной.

— Получилось, — прошептала я, глаз от изображения не отводя. — Да только, Воденька, в прошлый-то раз и у меня всё получилось... А чем закончилось?

Понял меня водяной.

Ни слова не говоря, соскользнул в воду опять, да и помчался туда, где помощь его в любой момент могла понадобиться. Не покидала поста своего и я. Тревожно мне было. Тяжело на душе. Чувство такое — вот только отвернусь, так и случится беда. Вот прямо тот час же случится.

Одно хорошо — горели деревья, горели ярко, от того видеть я всё могла, на посту и совы, и вороны, и орлы были. И пусть без клюки сложнее-то было, но перемещалась я от одной птицы к другой, всё за аспидушкой следуя, из поля зрения его не выпуская. И пусть условились — не раньше двух ночи вмешиваться, а чуяло сердце ведьминское, беда будет.

Вот только какая беда?

Аспиды — неуязвимы почти. Почти... Сунься он в сам Гиблый яр уничтожили бы, а так он уже фактически на территориях болот Заповедных был, то другое дело, и всё же... Не то что-то было. Не так. И ведуньи что отступили безропотно, и нежить, что в какой-то момент атаковать вовсе перестала, а самое главное — тишина. Лес, Гиблый яр, он тишины был полон. В нём кто-то был. Кто-то не родной ему, пришлый, от того и тишина такая. И хоть взглядом птичьим, а видела я злобу. Чувяла ярость и ненависть.

И дрожала, грызя ногти, да чувствуя, как от слабости шатает уж, но с поста своего даже не сдвинулась.

Чуяла я беду. Чуяла. Всем своим ведьминским чутьем ощущала. И вот коли была бы лесной ведуньей как полагается, тут уж разум слушалась бы, а разум говорил — наша победа, топи страшные по границам, полоса выжженная ту границу ещё безопаснее делает, а аспиды они ж неубиваемые. Но то разум.

А сердце от предчувствия дурного сжималось.

Вот сердце то на беду и указало.

Как среагировать успела — то не ведомо.

Да только блеснула игла в свете ветвей догорающих, я браслет обручальный сжала, да и что силы было, на себя дернула.

И последнее, что увидала — как игла та в дерево на болоте, аккуратно там, где плечо аспиды было назад мгновение, впивается. Да от одной лишь иглы, что и швейной в размере уступала, чернеет дерево, скукоживается, и опадают на землю даже не листья — ветви падают.

А большего увидеть не смогла — навалился неподъёмной тяжестью аспид на меня, я от боли вскрикнула, он скатился мигом, от тяжести своей избавляя, да и замерли мы — я на земле распластавшись, он сверху, на руках вес свой удерживая, да на меня глядя так, словно вообще увидал впервые.

— Введьма, — прошептал хрипло. — Это что сейчас было?

Ничего не ответила.

Подалась к нему, обняла крепко, тяжело дыша и не веря, просто не веря, что успела, спасла, не зря беду чуяла. И аспид прекратив злость испытывать, повернулся как-то, что теперь я сверху него оказалась, и смотрит так... а глаза синие, в глазах небо звездное отражается. И словно сказать что-то хочет, а на меня глядит и слова вымолвить не может. Что ж и я не могла. Облегчение накатило, все силы с собой унося, и об одном единственном только думать могла — спасла! Успела! Спасла...

— Госпожа лесная, вот ни в жизнь не поверю, что объятий тебе возжелалось... Хотя что греха таить, я бы не прочь. Но коли надежды пустое сейчас, ответишь, может, что это было-то?

И тут я поняла, что да, нехорошо оно всё как-то со стороны смотрится. Осторожно перебралась с аспиды на землю холодную, к его щеке ладонь приложила, да и передала видение.

Аспид резко сел. Я проворно руку убрала, и от греха подальше, отодвинулась.

Посидел Аедан, на заводь поглядел, потом на меня глазами синими... какими-то до боли родными, и спросил:

— Игла от ведуньи какой?

Ох, и согласишься ж.

Посидела, подумала, волосы поправила, растрепавшиеся, да и высказала:

— Игла железная была, аспидушка.

Говорить о том, что лесная ведунья, пусть даже и мёртвая, такой бы не воспользовалась, я не стала. Добавила лишь очевидное:

— Перед нападением тревожно было мне. Да и Гиблый яр затих, да так, словно чужой кто был в нём.

Аспид огляделся — мы у заводи одни с ним были. Водяной контролировал мост. Леший — вход в лес. Домовой умчался пир для вампиров и волкодлаков организовывать, Мудрый Ворон да Кот Учёный с домовым ушли. Одна я тут сидела. И как-то неловко мне вдруг стало от этого.

— Хороший бой, — похвалила, осторожно подальше отодвигаясь. — Правильный, продуманный, хороший.

И ещё чуть дальше отсела.

— И за недоверие ты прости меня, — повинилась искренне.

Не простил, лишь спросил мрачно:

— Браслет обручальный вернуть?

И вроде вопрос как вопрос, нет в нём ничего такого, да только...

— Себе оставь пока, — сказала, поднимаясь. — Мало ли, что дальше будет.

Странно аспид поглядел на меня. Усмехнулся странно. Да и спросил вдруг:

— А скажи, леса хозяйка, знаешь ли ты, что браслет обручальный лишь по собственному желанию снять можно?

— То мне известно, — ответила, на аспидов поглядев, да не осознав в чём подвох.

Господин Аедан усмехнулся белозубо, поднялся рывком, да и ответил, по берегу в сторону лешего направляясь:

— Тогда и известно должно быть тебе, ведьма, что браслет я могу и не снять.

И вот уж скрылся аспид за кустами да деревьями, и не видать его вовсе, а я всё стою, вслед смотрю на него, да и понять не могу — как

это «браслет я могу и не снять»?! А что с ним делать-то? Браслет обручальный он одним хорош — спасти обручённого можно в последний момент, к себе выдернув сквозь пространство. В том его один плюс, а в остальном — минусы сплошные. С таким браслетом на руке, ни жениться, ни замуж выйти нельзя. А коли случится страшное, и погибнет жених, али невеста, с наручнем этим на руке погибнув... никогда и ни с кем уже судьбу свою не связать тебе. От того браслет он не подарок, он обязательство, сплошное обязательство, и всего одно в нём преимущество — спасти можно любимого в момент страшной опасности.

Видимо, аспиду, ограничения браслета этого были неведомы, ну да ничего, объясню на досуге.

* * *

К избе тропу сама открыла, там уж пир шёл вовсю. Вампиры с волкодлаками аспиду детали сражения пересказывали, аспид во главе стола сидел и ел сурово, сосредоточенно, кивал, вопросы нужные, но скупые задавал, коли требовалось. Русалки и кикиморы за столом следили, а я... я уж едва на ногах стояла.

Что-то выпила, что домовый подсунул, что-то пожевала, пока в избу ходила, переодеться. Помылась в баньке, что охранябушка построил, холодной водой мылась, да горькой слёзой утёрлась... и вот вроде как недолго же жил у меня охранябушка, недолго в жизни моей был... а тоскую так, как за Тиромирм не тосковала. И понять бы с чего, но сердце моё не понимало.

Дрожащая, холодная, сорочку ночную на себя натянула, в тёплый плед закуталась, да и шагнула в дальний Тёмный Сосновый бор. Помощники мои и без меня с пиром да гостями управятся, а мне сон требовался, для тела измождённого, да и тот же сон, для дел по лесу.

Выбрала место потеплее, морозило сильно, легла, руку к земле протянула, да и заснула погрузившись в непростой сон — сон лесной ведуньи.

Лешего первым делом нашла. Стоял друг мой верный леший на нашем берегу реки, но ситуацию контролировал. Да и как контролировал — я ж болотников да болотниц в таком количестве не ждала. Я и не ведала, что столько их осталось неприкаянных, а оказалось — много. Очень много. Прятались они кто где, скрывались как могли, а теперь вот вышло — дом у них появился.

«Лешинька, — позвала, стоя близ него призрачным сиянием. — Откель болотников столько?»

— Аспид подсобил, — ответил леший. — Он их и уведомил. А ещё, Вёська, у каждой приходящей семьи, бумага разрешительная есть, на ней имя аспиды нашего, да слова: «Дозволяю миграцию в Заповедный лес».

Это как?

Изумилась я больше прежнего, на лешего воззрилась потрясённо, а тот мне на ворох бумаги указал, я ж его поначалу за куст какой приняла, а то ворох был. Цельный ворох бумаги.

— И скажу я тебе, Вёсь, дело аспиды правое, я с ним во всём согласен, хорошо боевые действия провернул, но... ты количество разрешительных бумаг видишь сама, и скажи мне, мог ли это всего один, пусть и аспид, проверить?

Между тем Леся появилась, да не одна — с ней целая семья болотников была. Папа-болотник, мама-болотница, и дети в количестве двенадцати штук, причём часть из них по расовому признаку к болотникам отношения не имела — русалки да русалы то были.

— Приёмные, — торопливо пояснила болотница, поправляя зелёные волосы с вплетёнными в них кувшинками. — В документах всё указано.

Леший грамоту разрешительную развернул, прочёл, на отца-болотника поглядел внимательно. А тот и рассказал:

— Как пал Ясеновый лес, так в ту же ночь и река кровью окрасилась. Кого из детей смогли, тех забрали. Теперича наши все. Все до единого.

— Доброе то решение, уважения заслуживает, — склонил голову мой леший. — Да дом ваш новый покуда не безопасен, неча туды с дитятками соваться, здесь оставайтесь. Леся.

Чаща моя тут же оплела всех представителей семейства Иловых, да и препроводила на наши болота.

«Правильное решение», — иронично похвалила я.

Потому что решение по всем правилам было неправильным, но вот если по совести, а не по протоколу, тогда верным.

— У тебя научился, — усмехнулся леший.

Постоял, клюку сжимая да на мост взирая и продолжил:

— Не учли мы с тобой чего-то, Веська, ох и не учли. Что-то не то на континенте деется, что-то страшное, да по ночи, в сумраке сокрытое. Вот скажи, ведала ли ты, что не токмо Заповедные леса, но и Заповедные болота, Заповедные реки уничтожаются?

«Откуда, Лешинька?» — удручённо спросила.

— Вот и я не ведал, — признался друг мой верный. — А теперь смотрю на болотников и вот что думаю, Вся, я твоё решение биться за Гиблый яр не понимал, глупое решение, своих забот полон рот, а тут целую войну развязать, а выходит... права ты была.

«Спасибо, Лешинька», — поблагодарила искренне.

— Это тебе благодарность по пенёк жизни, — криво усмехнулся мой первый помощник, опора моя. — Только одно скажи — что думаешь, можно мне мост перейти, глянуть что там и как? Аспиду я доверяю, может и не хотел бы, а доверяю. И то, что болотниковые семьи создавал — то дело верное, болотники они по одиночке слабы, а как много их, то ж сила с трудом одолимая. Так что аспиду, пусть и нехотя, пусть и настороженно, а доверяю я. И всё же тебя спрошу — можно мне мост перейти?

Подошла я ближе, обняла руками призрачными друга верного, да и ответила:

«Нет, Лешинька, нельзя. Ты моя опора, ты моя сила, ты всему нашему лесу Заповедному голова, тобой рисковать нельзя. Не смогу я без тебя, Лешинька. Я многое могу, на многое способна, всё в жизни перенесла, а без тебя не смогу я».

Ничего не стал говорить леший, лишь помолчал, на ту сторону болот глядя.

Долго молчал, и понимала я его — сама, когда в Гиблый яр сунулась, о нём же не подумала, и что он в ту ночь перенёс мне не ведомо, да и ведать не хочу, страшно то, и больно.

— Ладно, ступай лес проверь, — сказал леший. — Ягод нам много потребуется, кореньев, морошки где взять для болот новых? Сама видишь, сколько прибывает-то, чем кормить? Большое дело мы с тобой затеяли, Веся, но кто, коли не мы?

«И то верно», — согласилась я.

Посмотрела на реку — Водя тоже на посту был. Трудился, воду речную в болота проводил, да не простую воду — с рыбой, с мальками, с тиной съедобною. Помогал, чем мог, скверну уничтожал, серебряные ручьи на границе выжженной пробудил, да мелких болотников, баловников тех ещё, родителям возвращал.

А всё же главная заслуга во всем была аспида.

И идея с болотниками да болотницами его, и как ловко отвлёк ведуний лесных, и как бой провёл уверенно да продуманно, аки полководец опытный. И хоть в душе ворочалось недовольство — про болотников мне должен был сказать, а всё ж таки не могла я не признать — поступил правильно. Верное решение было. Болотники, что дома свои потеряли, за новый дом сражаться будут истово. И как бы не повернулось дальше событий колесо, а всё ж теперь вот они, болота Заповедные, территория магией напитанная, от скверны отчищенная, да заполненная теми, кто за дом свой глотку и мертвякам перегрызёт. Хорошее решение принял аспид, верное, долговременное. Отныне никаким лесным ведуньям, никаким магам — земли эти не захватить.

Но кормить их всех как?!

И помчалась я по лесу тенью призрачной, решать вопросы насущные.

По первости отправилась к Рудине, она над моими болотами главная была. Да ожидала я от болотницы недовольства и гнева, слов недобрых ожидала, а вышло все иначе — Рудина сама по моим Заповедным болотам металась, где кого на временное жилище устраивала, кого из своих к новоприбывшим с едой направляла, а настичь её смогла, только на затопи с морошкой. Стояла Рудина на одном колене, обе ладони к земле влажной прижала, да и вливала силы свои, как могла, сколько могла, столько и вливала, чтобы росли ягоды быстрее.

Да только дело-то хоть и верное, задумка правильная, а вот исполнение...

«Не так, Рудина, — прошептала ей порывом ветра. — Ты не ягоды вызревать заставляй, ты корням силу наплавь, а иначе ну созреет морошка к утру, а уж к вечеру — вся затопь почернеет, да съежится. Ты не ягоды растишь сейчас, ты морошку губишь».

Всхлипнула болотница, села на землю, по лицу слезы потоком.

Я её дело продолжила — воды призвала, да не простой, а с золой, с перегноем из лесу, да вдохнула жизнь в ростки, что иначе погибли бы, задавленные более сильными кустами, и зазеленела затопь, вся кустиками морошки покрылась, на каждом кустике россыпи ягод, вот только не зрелых. Природа она тонкого обращения требует, я чем смогла — помогла, а ягоды поспеют и сами. Не за день — за неделю, зато поспеют и много их будет.

Рудина за всем следила внимательно — училась. Она болотница старая, опытная, у неё своих знаний с избытком, на мои методы Рудина всегда косо смотрела. Всегда, но не сейчас.

— Скажи, хозяйка лесная, что ж это делается? — спросила тихо, ладонь к земле приложив, да заучивая-запоминая, все мои действия.

«Не ведаю я, Рудина», — ответила порывом ветра с болот.

— Молодая ты ещё, — усмехнулась болотница. — Зелёная. Зеленеет ягод этих, коим спеть ещё и спеть. А я вот сегодня, Веся, страшное узнала... от семьи моей, что жила в подгорных болотах... ничего не осталось. Нет у меня больше братьев, отец сгинул, мать убили... И не только в мою семью беда пришла... Где ж это видано, чтобы болотницы потомство русалочье спасали, Веся? Мы ж враги, понимаешь? Мы исконные враги. Нам, болотникам, милое дело — реку в болото превратить. У русалок другая задача — они реку чистой да быстрой хранят, баланс в ней поддерживают, контролируют. От того воевали мы, многие сотни лет воевали, мы враги, Веся... Так скажи мне, насколько страшен наш общий враг, если русалки с болотницами объединились? Если спасают друг друга? Если детей врагов своих ради сохранения их жизни среди собственных прячут?

Что я сказать ей могла?

Прикоснулась к лицу прекрасному, не стареют болотницы ликом, за что недолюбливают их кикиморы, да и так сказала:

«У нас главная цель сейчас — против врага выстоять, имеющееся сберечь, да Гиблый яр своим сделать. Это важно. На скорбь нет у нас времени, Рудина. Как победим, вот тогда и скорбеть будем о павших».

— Как ты скорбишь над могилой в Сосновом бору? — ядовитая на язык была болотница.

«Все мы в жизни кого-то теряем. То не первая могила, над которой скорблю я, Рудина. Ещё три имеются. Да всё равно надежда живет в душе — что это последние могилы, над которыми слёзы проливаю. Ты староста моих Заповедных болот, Рудина. На тебя глядеть будут, в тебе опору искать, нет у тебя права слёзы лить. Не сейчас. Соберись, ты нужна своему народу».

Помолчала болотница, да и спросила вдруг:

— Мы ведь отомстим, Веся?

Мечь... Кому она нужна, эта мечь? Никому от неё не легче, но... в момент отчаяния, нет ничего лучше, поверить в то, что справедливость своими руками творить можно.

«Ага! — отозвалась уверенно. — Проклянем. Я, Рудина, может и зелёная ещё, аки эта морошка недозрелая, но так проклинать умею, что, ни один архимаг не снимет то проклятие!»

Улыбнулась Рудина, и спросила:

— Как в Горичах?

«Как в Горичах», — согласилась я.

Болотница тихо рассмеялась, слёзы вытерла, да и спросила:

— С едой что?

«Купим, — ответила я. — По счастью купец у меня в лесу завёлся, хороший купец, правильный. Так что купим, еды всем хватит покуда своя не произрастёт».

— Неправильная ты ведунья, — усмехнулась Рудина. — Любая леса хозяйка пропитание в лесу своём ищет, а ты вне его. Но вот живу я, Веся, и понимаю — твой путь он вернее будет.

«Не грусти, Рудина, хорошо всё будет», — сказала напоследок, и поспешила далее.

* * *

Да вот только сказать это одно, а вот сделать... дел было столько, что впору за голову хвататься. Саврана я поутру разбудила, в дверь постучав. Благо сон у купца был не крепким, вышел быстрее, чем

Митяй проснулся, а вот нервы напротив — крепкими, так что устоял мужик на ногах, когда я ему споро список писала его же писчим пером и на его же бумаге.

Список он таков был:

«Савран, будь так любезен, не ори, это я, леса хозяйка.»

На этом бледнеющий купец рот закрыл, а так-то вообще заорать собрался.

«Прощения просим», — написала торопливо: — «Я сплю сейчас, ночь выдалась тяжелая, да и по лесу дел невпроворот, а потому готовься, купец, дел для тебя много будет».

Кивнул Савран, сходил умылся, воды выпил, да и вернулся. А я всё писала. Писать было чего.

«Через пять дней ярмарка в Нермине, но садоводы-то уже съезжаются, вот они то нам и нужны. Савранушка, будь так любезен, скупай всё! Мне всё надобно. Малина урожайная, деревья плодовые, пшеница на посев, земляника садовая. Мне надобно ВСЁ, Савран, всё и скупай».

— Так... цену запросят, — разумно заметил мужик.

Тут прав был.

«Так, а ты правду скажи — купишь сейчас, они обернуться с товаром сумеют ещё раз к ярмарке».

— И то верно, — согласился Савран. — Опять же — оптом брать буду, так что добьюсь я цены сниженной. Ещё что, хозяйюшка?

Ещё было много чего. Мне и поросята нужны были, как молочные, так и свиноматки стельные, и коровы, и козы. Писала я список, Савран уж только бороду и поглаживал недоуменно.

Выглянул малец его старший, на список поглядел, уважительно новый лист бумаги предложил, и в избе скрываться не стал. А через пару минут и вовсе спросил:

— Госпожа лесу хозяйка, а мне с папкой можно?

«Нет!» — написала мгновенно.

Насупился мальчонка. Подумал, да и другой вопрос задал:

— А нам с Луняшкой на болота можно?

Оторопела я.

А Савран сообщил напряжённо:

— Да друзей завели там, говорят девчонки и мальчишки бегают, играют, с собой зовут. Станные они, да задорные. И Ульяна себе уж

подруженек нашла тоже.

Окончательно остолбенела я.

Руку протянула, к щеке Саврана прикоснулась. Тот меня видеть не видел, я незримым призраком во сне по лесу брожу, но прикосновение ощутил, вздрогнул, я же — ничего странного не увидела. Но вот как к сыну его прикоснулась, так и замерла — мальчонка стал видящим. Просто оно ж как — обычному человеку болотников на сухой земле не увидеть... а тут получается.

Помолчала я, перо писчее сжимая, новый листок взяла да и написала:

«Савран, тут дело такое — Ульяна твоя да дети были отравлены, а я их спасала двумя силами — ведьмовской да силой лесной ведуньи. От того они по грани сейчас ходить могут, и то видят, что обычному человеку недоступно. В лесу моём вам вреда никто не причинит, но коли дети твои, да жена, с нечистью сдружаться, сложно вам опосля будет, Савран. Нечисть это тебе не людское общество. Тут прямо всё, открыто, подлости да злобы меньше. От того как вернетесь к людям, тяжело вам будет. Привыкать тяжело.»

Помолчал Савран, подумал, на сына своего не по годам взрослого поглядел, да и спросил:

— А коли остаться захочу, хозяйка лесная?

Вздохнула я, да вздох мой он не услышал, и написала правду:

«Это Заповедный лес, Савран, в нём всех привечают, никого не держат, никого не гонят. И безопасно тут, а ты, страхом отравленный, безопасность ценишь, да только... Дети у тебя, Савран. Дети вырастут, да пару себе искать будут, таков природы закон. Думаешь, найдут? Это Заповедный лес, Савран, здесь нечисти раздолье.»

— Да вижу я, — признался купец.

— Как в сказке живём! Волшебственно! Хорошо! — воскликнул вдруг мальчишка его. — А друзей у меня уж много! Не гони, хозяйка лесная.

Да как же я вас выгоню?!

«То твоё решение должно быть, Савран», — написала ему. — «Ты семьи глава, тебе и решение принимать. Я гнать не стану. Коли дом нужен больше — лешего пришлю, он с древесиной подмогёт.

Мужиков могу прислать — мастеровых, хороших, да ты их видел. Для лошадей выпас есть. Зимы в лесу моём нет. Да всё же об одном прошу — о детях подумай. Хорошо подумай, Савран.»

Подумал Савран, крепко подумал, да и вдруг сказал:

— Об одном должен сказать тебе, хозяйюшка, счёту деньгам ты не ведаешь.

Тут уж даже протестовать не стала.

— Остаёмся мы! — решил Савран.

И просиял улыбкой счастливой малец его.

— Только на таких условиях — отчёт писать буду, по всем закупкам, и мужикам платить сам буду, переплачиваешь ты, хозяйюшка, сильно переплачиваешь. По рукам?

Рассмеялась я, хорошо смех мой не слышен был, да и написала:

«По рукам, Савран, домового с золотом пришло.»

И вручив ему список, поторопилась дальше. Дел-то ещё было невпроворот.

* * *

Проснулась я к полудню.

Потянулась телом всем, да и замерла.

Не одна я спала. Не одна вовсе!

Прямо рядом, совсем близехонько, на покрывале-то своём, но меня одной рукой к себе прижимая, спал аспид!

И страшен же он был!

Лицо чёрное, матовое, чешуёй мелкой, такой что и не разглядеть, покрыто. Плечи широкие. Рука, что меня поперёк живота в плен захватила, могучая. И сам он... страшный, здоровенный и... к непотребствам склонность питающий! С трудом сдержалась от пощёчины справедливой! С большим трудом! Да и от скандала правомочного!

Только вот...

Спал аспид. Совсем спал. Ночью-то умаялся, та ещё ночь была. А воевал-то как, воевал правильно. И с болотниками да болотницами это

он хорошо придумал. И двух лесных ведуний виртуозно как захватил. И... и не стала я его будить. Пусть спит. Намаялся.

Повернулась на бок, разглядывая чудище-чудовищное диводивное.

Надо же — аспид.

Натуральный.

Чёрный-пречёрный. Угольно-матовый. Смотришь вот так — и глазам своим не веришь. Цельный живой аспид...

Только вот чем больше смотрю на него, тем больше... напоминает кого-то. Так-то глазу зацепиться не за что, матово-угольная чешуя все черты лица сглаживает, тьмой укрывает, а всё равно похож он, на кого-то точно похож... но всё никак не могу понять на кого.

И тут аспид глаза открыл.

На меня посмотрел недоумённо, потом на руку свою, что меня поперёк живота обхватила, на деревья, снова на меня.

Руку быстро убрал, сел, лицо растёр, пытаюсь пробудиться, да и сказал повинно:

— Прощения прошу. Я... вроде подальше лёг.

И я села, огляделась — никакого пути откуда-нибудь подальше ко мне не наблюдалось, ни листвы помятой, ни еловых иголок потревоженных... Аспид за взглядом моим проследил, понял, что попытка себя оправдать провалилась, как нерадивый путник в топь неизведанную. Отодвинулся. Подумал, и добавил:

— Видимо хмель в голову ударил.

И кому врать-то будешь, болезный? Пока рядом был никакого запаха перегара не почувствовала — не пил ты по ночи, аспидушка, и чарки в себя не опрокинул. Но я хозяйка лесная, он гость — компромисс неизбежен был.

— Да, вино хмельное, хорошее, — согласилась я, запрокинув голову и разглядывая верхушки сосен.

Помолчала и добавила:

— И бой был хорошим. Удивил ты меня, господин Аедан.

Аспид усмехнулся, на меня посмотрел искоса, сказал:

— И твоё вмешательство не лишним оказалось.

Надо же! Неужто признал?

Перевела заинтересованный взгляд на аспиды, а тот и вовсе глаз змеиных с меня не сводил. Затем вздохнул тяжело, и сказал:

— Как тебе образ передать, ведунья?

О, да запросто!

Я ловко из покрывала выпросталась, на колени встала, перед аспидом сидящим, ладонь к щеке его приложила, в глаза заглянула и объяснила:

— Ты жест то мой повтори, а опосля и передавай.

И вот стою я, в нетерпении вся, а аспид смотрит в глаза мои напряжённно как-то, да и вопрос вдруг как задаст:

— Послушай, хозяйка лесная, а не смущает тебя, что рядом спал?

Моргнула удивлённо, нахмурилась недоуменно, плечами пожала да и ответила:

— Ну спал и спал, видать устал, утомился, такой бой-то был сложный. Так, а ты передавай уже образ, аспидушка, жду же.

Но от чего-то тянул аспид, и на меня все так же смотрел странно, а потом возьми да и выдай:

— И что, с каждым утомившимся вот так ночь без мук совести проводишь?

Снова моргнула.

Руку от его щеки убрала, села на землю, на аспида смотрю и гневно и недоуменно одновременно. И не удержавшись, уточнила:

— А ты о чём сейчас, аспидушка?

А тот сидит, на меня гневно глядит, опосля рукой обвел поляну, да и спросил взбешенно:

— И многие тут с тобой почивать изволили?

Вконец потрясённо воззрилась на него. Но была в его словах истина, зерно истины так точно, а потому, о своём крепко задумавшись, отмахнулась беспечным:

— Так чтобы не из животных — ты первый.

И вот тогда так на меня аспид посмотрел, что показалось вдруг, не господин Аедан на меня глядит, а другой кто-то... кто-то родной очень.

Да не до взглядов было, я об ином задумалась. Огляделась растерянно, только сейчас главное-то понимая, и спросила:

— А ты меня как нашёл, аспидушка?

Мгновенно взгляд аспида изменился, да и вовсе чудище огненное глаза опустило. А я о своем сию, размышляю вслух.

— Я ж когда во сосновом бору сплю, я с лесом единое целое — не отделить, не найти. Леший может, он часть и меня и леса, а больше-то

и никто. Ни одно поисковое заклинание на меня во время сна не подействует. Запах — деревья скроют. Магию — сосны отразят. Как ты нашёл меня, аспид?!

— Гхм, — прокашлялся индивид вымершей расы. Смутился даже как-то, да и сказал: — Я же аспид, я многое могу. А что, хозяйка леса, до меня никто не находил?

— Находил, — ответила, с сомнением глядя на аспида. С большим сомнением. — Был один тут... — голос мой дрогнул. — Вот он находил. Незнамо как, но... находил.

И вот смотрю я на аспида пристально, а на языке один вопрос вертится. Один прямой вопрос! И уж готова была задать его, как глянуло на меня чудище, усмехнулось, да и ответило:

— Браслет, госпожа леса хозяйка, обручальный браслет привёл.

А!

— Хух! — выдохнула с облегчением.

Точно, браслет! Как не подумала только?

— Что? Напугал? — насмешливо спросил аспид.

— Да уж озадачил, — скрывать не стала.

Головой покачала, глядя на него укоризненно, снова на колени поднялась, ладонь к чёрной чешуе приложила и попросила:

— Передавай.

Аспид руку свою протягивал осторожно, а как к щеке моей прикоснулся, от чего-то и вовсе вздрогнул, и взгляд у него потемнел стремительно.

— Так, стой-стой, стой, кому говорят! — возмутилась я. — Не смей темнеть взглядом, я ж тогда не увижу ничего!

Улыбнулся, зубами сверкнув, ладонь к щеке моей прижал, в глаза своими змеиными заглянул и увидела я, как наяву увидела — чёрное, скукожившееся дерево, то в которое вчера по ночи игла воткнулась, да путь самого Аедана от дерева уничтоженного, в самый Гиблый яр, к месту, откуда удар нанесён был.

— Тыжжжж, куда полеззз? — прошипела я гневно, следя за путем-то уже пройденным, от того поздно было возмущение выражать.

А всё равно не сдержалась.

Аспид не ответил ничего, лишь продолжил показывать. Как обошёл каждый куст там, каждое дерево, да и нашёл — цветок.

Чистый, зелёный, среди гнили умудрившийся зацвести скверны избежав. И это была ромашка...

Аспид руку свою от щеки моей убрал, я устало наземь опустилась. Сидела недолго, да и думать особой нужды не было.

— Тот кто иглу в тебя метнул, того я знаю — чародей Заратарн Эль Тарг. В Гиблый яр его провёл ведьмак, бастард короля нынче почившего Анарион. Ведьмак сейчас несколько... цветет, вот и оборонил один из волосков своих, а тот и принялся.

Помолчал Аедан, да и спросил:

— Как такое возможно?

— Ты про цветок? — уточнила я.

Аспид в ответ так посмотрел, что сразу стало ясно — не про цветок.

— Про то, как Заратарн в Гиблом яру оказался? — догадалась я.

Кивнул.

— Так ведьмак, — я поднялась, потянулась, тело после сна разминая. — Ведьмак, он по грани между нечистью и нежитью ходит, он и провёл. А то, что покинул чародей лес заражённый, это тоже ясно и понятно — силён маг, и в правду силён. Порталом ноги унёс.

Поглядев на мои утренние ужимки снизу вверх, потому как сидел, аспид произнёс:

— Ты, хозяйка лесная, как в себя придёшь, мне понадобится. Ты и леший.

Расчесывая пряди пальцами, удивлённо на аспидушку поглядела — ну я то понятно, и леший понятно, а сразу вместе-то зачем.

На вопрос удивлённый, аспид ответил не сразу — сначала поднялся, потом шею размял, спал видать неудобно, оно и понятно — нечего в лесу спать, лишь опосля произнёс:

— Двух пойманных ведуний опознать следует. Я целью ставил уничтожить ту, что была прежней хозяйкой твоего лешего.

И руки у меня тут опустились.

Постояла я, на аспида глядя и грустно и растерянно, затем тихо ответила:

— Не нужно лешего звать. Не нужно...

Аспид посмотрел непонятливо-недоуменно, да и спросил:

— От чего так?

Я на аспидушку поглядела, протянула ладонь, за руку его взяла, да и топнула по земле, тропу заповедную открывая.

Вышли на скалистом берегу, в шаге от моих владений, и то риск был большой, знала я это, но что в лесу скажу, то леший завсегда услышать может, а я того не хотела.

Махнула рукой приветливо водяному, показавшемуся в стремительном течении реки, отпустила ладонь чешуйчатую аспиды и, присев на крутом берегу, тихо объяснила:

— Так уж в Заповедных лесах повелось, что леший и ведунья рука об руку действуют, да оба своим мирам принадлежат лишь частично, лесу — тоже частично, а вот себе обоим... полностью.

Аедан слушал внимательно, но рядом не сел, стоять остался.

Может и к лучшему, такое-то не скажешь, в глаза собеседнику глядя. И я, взирая на стремнину, так же тихо добавила:

— Леший да лесная ведунья не просто пара, они друг другу и друзья верные, и соратники надёжные, и... супруги, Лесной Силушкой обручённые.

— Любовники, — зло усмехнулся аспид.

Глянула на него укоризненно, и поправила:

— Любящие.

Помолчав, добавила:

— Понимающие друг друга с полуслова. Доверяющие. Знающие. Ценившие. Уважающие. Да есть одно «но» — в этой паре леший сильнее любит. Леший — защитник. Леший бережёт. Леший заботится. Оно знаешь как, аспидушка, иной мужик к бабе больной своей и не подойдёт, а вот леший и не отойдёт. Он рядом будет завсегда. На него и положиться, и опереться можно. Он и роды примет, и хворую лечить будет, и увечную не бросит, а коли сможет — на себя все увечья примет, собой расплатится.

Вздохнула, и сообщила совсем едва слышно:

— Ко мне мой леший увечным пришёл. Умирать он ко мне пришёл, аспидушка. А теперь сопоставь, с тем, что уж сказала, и сделай выводы.

Медленно Аедан рядом на скалистый выступ опустил, тихо спросил:

— В верности его сомневаешься?

Резко голову повернув, взглянула я с гневом нескрываемым, да с желанием стукнуть чем-нибудь да поувесистее!

— За него я боюсь, аспид! — воскликнула раздражённо. — За него, понимаешь? Она-то уже мёртвая, ей всё равно, а он живой! Всего себя ей отдал, до капли последней, а всё равно живой, и ненавидит он себя за то, что сам жив остался, а её не уберёг! А знаешь как это тяжело, жить, и ненавидеть себя за каждый прожитый день?

И я отвернулась, вновь на реку уставившись.

Потом сказала тихо:

— А знаешь, я не хочу, чтобы ты знал. Не хочу, чтобы узнал. Ведь сама знаю, каково это, и не хочу, чтобы тебе было так же больно.

Помолчал аспид, а затем вдруг молвил:

— От того в каждый бой вмешиваешься?

Глянула искоса на аспида и мрачно уведомила:

— Вмешивалась, вмешиваюсь и вмешиваться буду.

Усмехнулся криво и спросил:

— И как тогда воевать прикажешь?

— Без жертв! — я была категорична в этом вопросе.

Снова усмехнулся аспид, да и протянул с намёком:

— Не разбив яйцо, омлета не сделаешь...

— А ничего, ещё остаются иные варианты — сварить вкрутую, испечь в золе, съесть сырым. Видишь, аспидушка, было бы желание, вот тока было бы желание — и всё получится.

И я поднялась с тёплого камня, на Гиблый яр взглянула, аки на территорию подведомственную, и сказала:

— Ну, что у нас далее по плану-то?

Поднялся и Аедан следом, на яр поглядел, опосля на меня, да и спросил:

— Куда лешего сошлём на момент уничтожения ведуний?

Призадумалась я, и пришлось признать:

— А в этом вот на тебя уповаю, аспидушка. Тут дело такое — меня Лешинька раскусит запросто, любую ложь ощутит. Так что...

— Понял, разберусь, — решил аспид.

Руку мне подал, видать решив, что уйдём тем же путем что и пришли, да как бы не так.

— Увы, отсюда тропу открыть не получится, — призналась я, и бодро зашагала по скалам вниз, к лесу.

Хорошее это было утро. Яркое, светлое, солнцем пронизанное, светом пропитанное, теплом напоенное. Красота да и только!

Как в мой Заповедный зашли, я тогда уже тропу к избушке своей и открыла, но без клюки тяжело то было, оно ж кому будет легко ногой по земле топтать со всей дури, однако клюка оставалась у лешего и клюка лешему была нужнее.

А мне сейчас нужен был чёрт.

Вот больше всего мне сейчас ну очень нужен был чёрт. И, главное, имелся такой — что бы леший не говорил, а того несчастного, что с пиру кикиморы к себе уволокли, так и держали в плену эротическом, так что я догадывалась, что чёрт ради своего спасения пойдёт на всё.

Так оно и вышло.

Как только у кикимор появилась, чёрт рванул с болот прямо ко мне с воплями:

— Спаси, избавительница! Чести лишают! Силы мужеской! Гордости человеческой!

— Ой, ну уж не переигрывай, с каких это пор у тебя гордость-то человеческая?

Чёрт понял, что переборщил, постыгивал с себя кувшинки, коими кикиморы все тело его поизукрасили, кикиморы тоже женщины, они всегда красоту любят, подошёл, глянул исподлобья и спросил басовито:

— Чего надобно?

Надобна мне была сушая мелочь — найти ведьмака в Выборге и сунуть ему поганку в руки. Ту поганку я споро в золотой зачаровала, да и чёрту передала.

Чёрт взял, иллюзию монаха макушкобритого на себя накинул, поправил пояс, и спросил:

— На словах шось передавать надобно?

— Не-а, — я глянула на болото, там грустные кикиморы сидели, понуро так, печально, я бы даже сказала — одиноко.

И тут чёрт, в образе монаха-странника, взял да и спросил шёпотом:

— А позвернуться-то потом можно будет, а?

И взгляд такой просительный.

Стало ясно, от чего леший его из лесу сразу не выпроводил — чёрт, похоже, сам уходить не хотел.

— Ты ж кричал: «Спаси, избавительница!», — напомнила поганцу.

Мук совести черти не ведали, но шмыгнув носом, который и в иллюзии человеческой был весьма велик и широк, чёрт нехотя признался:

— Это я так, чтобы любили больше, и для репутации...

М-да. Слов нету, окромя ругательных, но глянув на кикимор, я решила чёрту подыграть и ответила громко и грозно:

— А как с делом завершишь, сюда и возвернёшься для пущего искупления преступления!

Кикиморы пригорюнившиеся на кочках, мгновенно оживились.

— Избави Боже! — верещал черт. — За что жестокость-то такая, госпожа ведьма?!

А потом тихохонько:

— Мигом обернусь.

Сказал, окутался дымом с запахом серы, да и исчез с места.

Мы все с кикиморами натужно закашлялись — не, ну никакой совести у адовой братии, это же ужас какой-то.

Опосля я лешего позвала. Верный друг явился тут же, суровый, сосредоточенный, тоже делами болотниц со болотниками обеспокоенный. Так что начал без приветствий.

— Плохо дело, Веся, много её слишком, нечисти обездоленной. Хорошо, за Гиблый яр взялись вовремя, будет куда разместить, а иначе сдается мне, пал бы и наш лес Заповедный.

Поежилась я невольно от озноба набежавшего. Мне-то как казалось — лес большой, все поместятся, но леший завсегда дело говорит, и если сказал, значит правда.

— С водяным поговори, — продолжил друг верный соратник преданный. — У болотниц много приемных детей, да только сама

знаешь, между русалками да болотниками разница есть. И пока дети, то одно дело, а как подрастут, да сила просыпаться начнёт...

Договаривать Лешинька не стал, оно и не требовалось — я знала, что будет, когда подрастут русалки и русалы. У них магия болотникам полностью противоположная, они чистую воду призывать начнут, чистую да быструю, такая болота со временем погубит.

— Поговорю, — про себя подумала, что хоть список составляй, чего мне там ещё надобно. — Да только видела я семьи те, и детей приёмных болотники как своих любят, так что...

Настала моя очередь не договаривать, потому как всё и так ясно.

Леший призадумался, заскрипел, затрещал корой старой, да и молвил:

— Так из семей забирать и не надобно, детям и так досталось — врагу не пожелаешь, пусть водяной им обучение обустроит.

— А ты дело говоришь, Лешинька! — обрадовалась я. — Точно. А как обучение пройдут и магией своей управлять научатся, от того болоту вреда не причинят. Ой, хорошо придумал!

Кивнул леший, а на меня глядит взглядом нехорошим, осуждающим. Да так глядит, что сразу понятно — знал он о беседе с аспидом, знал о том, что разговор тот утаить хотела. И опустила я взгляд, виновато опустила.

— Весь, — хриплым скрежещущим голосом сказал леший. — Не за то гневаюсь, что ты меня побережь хотела, ведь обо мне разговор был, это понятно. Я за то гневаюсь, что лес ты покинула, без защиты осталась!

— Прости, Лешинька, — молвила тише порыва ветра.

Помолчал леший, да и молвил:

— Ты, Веся, об одном подумай, мы с тобой этот лес из руин подняли. Этот подняли, и Гиблый яр поднимем. Вместе сдюжим. Мы вместе вообще с любой бедой сдюжим, по-своему, не по уму, а по смекалке, да только это если будем вместе. А без тебя, Веся, рухнет всё... И я рухну. Помни об этом, особенно когда обо мне сверх меры заботишься.

Он ещё что-то сказать хотел, да только вдруг Ярина позвала спешно, следом Леся — чёрт примчался, стоит на границе леса Заповедного весь испуганный, дрожит-трясётся.

Переглянулись мы с Лешиной, он мне клюку передал, я клюкою оземь ударила, и появился чёрт перед нами таков, как о нём чащи Заповедные и сообщили — дрожит весь и трясётся. В руках всё тот же золотой, что я ему передала, а как перед нами очутился, вовсе на кочку болотную рухнул, колени обнял, дрожит.

Я подошла, осторожненько поганку с проклятием в золотой заиллюзоризованную забрала, мало ли, вдруг в таком состоянии она и на чёрта повлияет, да затем и спросила участливо:

— Случилось что?

Чёрт посмотрел глазами огромными, в медный пятак размером, да и сообщил:

— Облава в Выборге. Магов там — видимо-невидимо. Ведьмака схватили, да не абы кто — сам архимаг Агнехран в городе!

Леший вдруг нахмурился, а я... мне подробностей надо бы. Я и спросила:

— И что? А как? Где схватили-то?

Чёрта колошматило, словно молнией его било непрерывно, и говорить бедняга мог с трудом:

— Я как в Выборг перенёсся — слетела иллюзия. Начисто слетела.

Ого. Я аж присела рядом от изумления. Черти в плане иллюзий мастера известные, и если ведьмы по договору с дьяволами с них ещё иллюзию ту могут снять, то маги... Как?!

— Думал всё, конец, — чёрт смотрел на меня так, словно вовсе не верил, что жив остался. — Меня и схватить-то собирались. Магия в воздухе искрилась — глазам глядеть было больно. И тут как гром среди неба ясного слова властные: «Чёрта этого не трогать». И... не убили меня. Ведьма, а ты глянь хорошенько, а, точно ли цел остался?

Я поднялась, оглядела чёрта, и подтвердила:

— Цел.

Тот вздохнул с облегчением, а самого трясёт, да так что и кочка на коей сидел ходуном ходит.

— Аггггнеххххррррран, — заикаясь, проговорил чёрт. — Слышал много, да ранее видеть не приходилось. Страшшшшный!

Это таки да, тут полностью согласна.

Одного я понять не могла:

— А что он там делал-то?

— Да говорю ж — ведьмака схватили! — истерично возопил чёрт.

Это вот тоже было очень странно — ведьмака так просто не отыщешь. Чёрт мог. Ведьма могла. А вот маги, или пусть даже архимаг... то странно очень. Совсем странно.

И тут Леся передала, что Савран вернулся, да меня видеть зело желает.

Ну, желает так желает.

Ударила клюкой оземь, открывая тропу заповедную, да и вышел Савран прямо на болота. Содрогнулся, узрев чёрта и кикимор, с почтением поклонился лешему, мне тоже поясной поклон отвесил, шапку с головы стянув, а как выпрямился, произнёс:

— Станные дела творятся, госпожа лесу хозяйка. Подумал тебе то знать ведомо. Был я в Нермине, как и наказала ты, да вдруг откуда не возмись портал прямо посередь городской площади. Из него маги вышли, да не как маги, а как воины. Вмиг весь город магией накрыло, и правду та магия открыла. На ярмарке, как оказалось, торговцы уважаемые, да уже не очень, для товарного вида товару своего, амулеты иллюзионные использовали, а тут раз — и перестали те работать, и вмиг товар товарный же вид утратил. Разгневались честные покупатели да торговцы, мордобитие устроили праведное. И я бы поучаствовал, да только за магами следил, чтобы стало быть, тебе доложить. И так скажу — искали они кого-то. А во главе них был... раб. Бывший тот раб, что ты себе в услужение забрала, да опосля отпустила.

Почувствовала на себе тяжёлый взгляд лешего. Савран же продолжил.

— Оно может и не узнал бы, да тот маг, главный он у отряда был, он мне кивнул, как знакомцу старому. И по глазам я его узнал, точно он — раб... бывший.

Я же смотрела на Саврана и вот о чём думала — купец передвигается медленнее, чем чёрт. Значит сначала Агнехран с отрядом своим нагрянули в Нермин, а лишь опосля в Выборг. А ещё стало ясно, как они ведьмака нашли — они разрушили все чары иллюзий в городе, видимо так и нашли...

И тут вдруг Лешинька возьми да и спроси:

— Весь, а где аспид? Не чувствую я его в лесу-то?

— По делам отлучился, — отмахнулась я, о своём думая.

А следом и Савран спросил:

— Скажи, лесу Заповедному хозяйка, а нельзя ли мне амулет какой, чтобы чары иллюзорные рушить то? Чтоб товар истинный видеть?

— Такого нету, — честно призналась купцу.

Пригорюнился тот, видать впечатлило его, как иные нечистые на руку торговцы с помощью магии наживаются, но уж что есть, то есть.

— Надеюсь, полезен оказался, — намекая, что пора бы ему, сказал Савран.

— Очень полезен, благодарствую, — ответила я, и клюкой оземь ударила, тропу ему открывая.

А купец от чего-то замялся и вдруг спросил осторожненько:

— А вы, госпожа ведунья, сейчас под иллюзией, али как?

И тут поняла я, что стою Веська Веською, в платье чёрном чародейском, с волосами в косу прибранными, и нет на мне ни шляпы ведьминской, ни плаща устрашающего, да даже носа крючковатого и того нет.

— Эм... — пробормотала замаявшись. — А как меня узнал-то?

— Дык по лешему и по клюке, — чистосердечно сознался Савран.

— Это иллюзия! — не менее чистосердечно соврала я.

— А-а, — протянул купец. — Я тогда поспешаю, ещё ходку в Нермин надо сделать за сегодня.

— Ступай, купец, доброго пути тебе, — отпустила я.

И едва ушёл, тропу заповедную закрыла.

Чёрт к тому времени уж подуспокоился, трястись перестал, да и вдруг спросил:

— Ведьма, а слышала ты, Агнехран этот, он и в аду побывал.

Удивилась я, да и спросила:

— Зачем это?

— Из любопытству, — сказал чёрт. — Говорят молодой тогда был, зелёный, пентаграмму начертал, дьявола вызвал, да в пентаграмме той запер, а сам сходил в ад, осмотрелся... кого спалил, кого подпалил. Вроде искал чегось.

— И как, нашёл? — правда интересно стало.

— А то мне неведомо, — признался чёрт.

И тут Лешинька прервал нас, сообщив:

— Аспид вернулся.

И мы поспешили к избушке, оставив чёрта на попечение кикимор.
Но когда уходили, даже на миг приостановились — чёрт вдохновенно вещал благодарным болотным слушательницам о том, как появился в Выборг, да расшвырял всех магов, а главному самому архимагу и вовсе морду набил.
— Вот... чёрт, — леший головой покачал неодобрительно.
Ну черти... они такие черти.
И мы шагнули на тропу заповедную.

* * *

Как возвернулись к домишку моему, картину застали удивительную — аспид расставлял октагон да не простой, наверху каждой грани был заговорённый горный хрусталь. И тоже не простой это был восьмиугольник, не стандартный магический, подобный кругу, а иной совсем. Шесть кристаллов в нём были противопоставлены друг другу образуя прямоугольник, а вот седьмой и восьмой отстояли от них, соединяя две стороны прямоугольника. Как если бы за столом сидело восемь гостей, по трое друг против друга, да двое во главе стола с двух сторон.

За созданием фигуры наблюдали и волкодлаки, и вампиры, и моровики, и домовой, и Кот Учёный, а Мудрый Ворон сидел наверху, с высоты корректируя по бумажке, которую держал крылом:

— Правей! Ещё правей! Теперича левей!

Учёный Кот не выдерживал и периодически мотался вверх к ворону — перемещаться в пределах деревьев он мог без труда, и сверял бумажку с имеющейся конструкцией.

— На полшага правей! — продолжил ворон, едва аспид поставил новый камень, и, подняв голову, вопросительно посмотрел на нашего Мудрого.

Горный хрусталь был передвинут.

Затем аспид отошёл на пару шагов, руку к конструкции направил — из ладони вырвался огонь, да и засиял светом, преломляясь в горном хрустале и создавая не плоскую, а трёхмерную конструкцию, где лучи образовывали надежный световой куб. И такая сила в том

кубе была, что даже мне, хозяйке лесной, не по себе стало. А аспидушка лишь кивнул удовлетворённо и крикнул ворону:

— Всё. Благодарствую.

И направившись в октагон, принялся за фигуры не магические — алхимические. Такие, что магам вовсе не подвластны. Да и не изучают алхимию маги, опасно слишком, от того и под запретом. А аспид вот, чертит себе, спокойно.

И тут тихо мне Лешинька сказал:

— То есть, говоришь, он по делам из лесу уходил?

— Ну да, — я с интересом следила за происходящим. — Видимо за хрусталём вот горным мотался.

— Видимо, — нехорошим тоном леший протянул. — Только есть одна неувязочка, Веся, хрусталь этот горный, он ещё вчера принёс, когда вернулся вдруг внезапно да торопливо. И так торопился, что хрусталики эти в кусты крапивы бросил не глядя, а опосля к тебе в избенку поспешил. И сдаётся мне, октагон сей формы странной такой, от того... что хрусталь бросили вчера, сохранностью не озаботившись...

Пожав плечами, заметила:

— Может потому и мотался из лесу. Так то не планировал, а как к избе вернулись опосля разговору, за который ты сердишься, он и решение-то принял, что по делам ему надобно.

— А по каким, Веся? — насмешливо леший спросил.

— Мне откуда знать? — возмутилась я. — Не нянька вроде я аспиду, чтобы делами его интересоваться.

— Не нянька... — мрачно согласился сотоварищ мой верный.

И тут нас заметил аспид.

Мне кивнул приветственно, а вот лешему приказал:

— Мост нужен крепкий, широкий. Деревья раздобудь к ночи.

Леший почему-то после слов этих на меня посмотрел с подозрением. Я ж стояла, то на солнышко глядя, то на верхушки деревьев, и делала вид, что вообще ничего не слышала. Нет, мне-то конечно было известно, от чего аспид приказ такой дал — он лешего отсылал подальше, как и было уговорено, да только мы не договаривались, что отсылать Лешиньку будут при мне, а я другу сердешному врать не способная.

— Вееесь, — позвал леший.

— А погода-то сегодня какая хорошая, — невинно заметила я.

Леший продолжал пристально на меня глядеть, я чувствовала это всей собой, даже не глядя на друга верного.

— Солнышко-то как светит, — продолжила, демонстративно ничегошеньки вот вообще не понимающая.

А леший глядит всё суровее, и даже холодком из лесу повеяло.

И тут в дело аспид вмешался.

Кристаллы свои оставил, к нам подошёл шагом уверенным, размашистым, остановился на лешего глядя, и спросил:

— Неясно что в просьбе моей, леший?

А друг сердешный возьми да и ответь многозначительно:

— Многое.

А потом возьми да и потребуй:

— Браслет обручальный хозяйке верни.

И аспид, что хотел уж ответить, вдруг промолчал. А вот я не стала.

— Лешинька, пуцай пока на нём будет, мало ли, — вздохнула устало. — По ночи едва спасти успела-то.

Леший на меня сурово поглядел, на аспида, на меня... на аспида, на меня...

— Да хватит уже! — не выдержали нервы мои. — Иди, деревья для моста доставай, не теряй времени даром.

И посмотрел на меня вдруг Лешинька так, что стыдно стало, как пёс побитый посмотрел, с обидой на несправедливость во взгляде, а я... что я сказать ему могла.

«Лешинька», — прошептала мысленно, в глаза чёрные заглядывая виновато. — «Я в тебе уверена, знаешь ведь. Никогда и никого у меня ближе тебя не будет, да не хочу, чтобы больно тебе было, понимаешь?».

Затрещал леший корою древесною, да и так ответил:

«Говоришь больно за меня? А мне каково было, когда ты каженный вечер до могилки шла и слёзы горькие проливала? Но то твой выбор был, я его уважал».

И поняла я всё, да только:

«Тебе больно будет, а плакать стану я, Лешинька...»

Развернулся друг сердешный молча, да и без слов в лесу скрылся, осталась я стоять, за каждое слово себя ненавидя.

Да аспид вдруг утешил:

— Ты, хозяйка лесная, хоть и сказала, что в верности лешего уверена, но вспомни — ранее другое поведала, что непустишь лешего в Гиблый яр, от того, что там ведунья его прежняя, и коли та призовет, ты ему уже будешь не указ. Вспомнила?

Вот после этого стало чуть легче, да всё равно — горько и тяжело на душе. Чувствую долго прощения просить буду, очень долго. И простит, конечно, правду ведь сказала — никого у меня ближе лешего нет и не будет, а всё равно на душе тяжело.

— Идём, — предложил аспид.

И руку протянул.

Я на ту руку поглядела, на ней браслет обручальный серебра светлого сверкал ярко, кожа то у аспида чёрная, матовая, чешуйчатая, так что браслет выделяется сильно, а свою ладонь всё равно не протянула. За клюку ухватилась сильнее, да и пошла к октагону, сделав вид, что не было руки протянутой, не было и моего демарша независимости.

«Простил уже» — донеслось до меня от лешего послание мысленное.

«Покажу тебе ведунью, своими глазами покажу», — пообещала я.

Так и помирились.

Так что до октагона дошагала я с улыбкой счастливою, встала, между фигурой магической и избушкой, клюку держу, аспида жду.

Тот шёл неторопливо, от чего-то на меня глядел пристально, и взгляд его недобрым был, ох и недобрым, да только — а нечего меня за руку водить, чай не ребёнок!

Когда подошёл ко мне аспид, я уж чуть не постукивала туфелькой от нетерпения, но ждала. Терпеливо ждала. А едва подошел, предупредила:

— Как обеих выпустишь, за меня встанешь.

Совсем хмурым аспид стал, да и произнёс мрачно:

— За спинами женщин не прятался и начинать не собираюсь.

Поглядела я на него скептически, аж до боли в шее — высок был господин Аедан, да и ответила:

— Аспидушка, родненький, перед тобой не женщина, перед тобой сила леса Заповедного. Так что будь добр, делай что говорят.

И тут вдруг взбеленился аспид, да и прошипел яростно:

— А иначе что?

Ну, сам спросил, я не настаивала.

— Леееесь, — позвала невинно.

Зловредина поганистая явилась незамедлительно. Ещё через краткий миг аспид был спеленат, аки дитя малое, Леся-затейница, даже попыталась было его поукачивать — ну страдала чаша от неиспользованного материнского инстинкта. Да не тут то было — полыхнул аспид пламенем, путы сжечь пытаюсь.

Улыбнулась я.

Усмехнулась Чаша...

Остался аспидушка во всё тех же путах, только теперь лоза была обожжённая, а потому крепче стала, надёжнее даже.

И на этом демонстрацию силы прекратив, я приказала Лесе отпустить пленника и исчезнуть. Исчезнуть, это потому, что не умела Чаша моя после пакости вид сурьёзный принимать, и лыбилась издевательски, а у аспиды, может, гордость.

Про гордость угадала — стоял теперь весь как туча грозовая, да смотрел на меня так, что я себя Гыркуллой обмолвившимся о портках почувствовала.

— Предупредила ведь, — сказала примирительно. — Я тебе не женщина, аспидушка, я хозяйка Заповедного леса, то есть я — это лес. Считай — я дерево. За деревом от непогоды укрыться не постыдно ведь, согласись.

Не согласился, но на шаг отступил. Да так что вроде и чуть за мной, а всё же практически вровень.

— Ассспидушшшка, — прошипела я.

Поскрежетал зубами, но ещё на шаг назад отступил. И вовремя, а то уже вампиры с волкодлаками как-то тоже опасаться перестали и решили подойти поближе.

— Двадцать шагов назад! — приказала я, голос повысив.

Кровопийцам и мясоедам пришлось послушаться, моровики весело остались на месте — им то что, им ничего не сделается.

А затем аспид достал два артефакта-ловушки, да и бросил их в октагон, на максимальном расстоянии друг от друга, так чтобы попали они по краям центрального прямоугольника, но не выходили за линию удалённых кристаллов.

И задымились оба артефакта.

Я сжала клюку напряжённо вглядываясь, аспид, кажись, нарушил запрет и приблизился вплотную ко мне, но хоть стоял позади, и то хлеб.

А потом случилось то, чего ожидала я, но никак не ждал аспид.

Лесные ведуньи не простая нечисть, и нежить из них вышла тоже не простая, а потому из левого артефакта змеей-молнией метнулся побег тернистый прямо к горлу аспида, да ведунья в удар всю силу вложила, так что прорвал побег контур октагона и жертву бы свою настиг... но я на пути стояла.

Вскинула клюку, и отбросило лиану ядовитую терновую обратно в контур.

Вторая ведунья атаковать аспида не стала, поняла, что не противник она мне, от того не до аспида — до Гыркулы попыталась достать...

— Шаиссен! — прошептала я.

И осыпался побег пеплом безжизненным. Взмах клюкой и пепел смело в контур октагона.

— Я бы справился, — вдруг сказал аспид.

— Едва ли, — ответила, напряжённо глядя на оба артефакта, которые дымились, но замерли, явно обдумывая следующий шаг. — Ты пойми, аспидушка, мне не сложно им противостоять, потому что это мой лес, моя территория. Я здесь непобедима. А тебе силы беречь нужно, ведь по ночи опять в бой пойдёшь, я правильно понимаю?

Помолчал аспид, да и ответил сдавленно:

— Правильно.

Улыбнулась я невольно, да и прошептала:

— Спасибо.

— За что? — мрачно спросил союзник мой военный.

— За то, что понимаешь и гордыню свою в узде держишь. Я это ценю. Очень. Спасибо.

Хмыкнул аспид, говорить ничего не стал, оно и не требовалось.

Между тем, дым из левого артефакта валить перестал, показался побег, да весь чёрный, гнилой, больной, а из него как из семени восстала лесная ведунья. И содрогнулась я невольно, чуть шага назад не сделала, да отступить было некуда, позади меня вплотную уж аспид стоял, так что вид я приняла уверенный да гордый, а самой жутко было до крику истощного.

Мёртвая лесная ведунья.

Вместо глаз человеческих — глаза ворона.

Кожа потемневшая, где зелёным мхом покрыта, а где чёрной потрескавшейся кожей. Впалый рот, да в ухмылке жуткой, хуже звериного оскала скалится, а в остальном... ну парик и плащ у меня пострашнее были, не зря в них столько сил да смекалки вложила. Даже гордость взяла за своё рукоделие.

Но хватило моего воодушевления ненадолго — я ж не только ведунья, я и ведьма ещё. А от того больше увидела, чем хотелось бы — над этой нежитью висела чёрной тучей несправедливость, да мрачным туманом — предательство. И замерла я, в ведунью вглядываясь, а у самой дыхание перехватило, слёзы глаза жгли.

И то едва не стоило мне жизни — протянула руку костистую ведунья, да сжала воздух у горла моего так, что не продохнуть уж вовсе не от жалости было. Да тут в дело аспид вмешался — обхватил рукой за талию, к себе рывком прижимая, да ударил пламенем, чистым потоком, прямо в октагон... а пламя-то я перехватила.

На какой-то миг показалось — время остановилось.

Но затем прошептал аспид заклинание, вспыхнули контуры октагона, изолируя нас от ведуний и ведуний от нас, а меня Аедан резко к себе развернул, да и прорычал, глазами змеиными синими сверкая:

— Ты что творишь, ведьма?

Я бы ответила, может, но хватило меня лишь на тихое:

— Ключевое слово «ведьма».

И отпустил меня аспид, только глядел неодобрительно... Так неодобрительно, что казалось его воля — выпорот бы в назидание. Но тут я хозяйка, в этом лесу мне никто не указ.

Медленно я к самой грани октагона подошла — за силовым барьером бесновалась-бесилась нежить поганая... это вторая ведунья из артефакта выбралась. А первая стояла, всё пытаюсь снова до меня добраться путём захвата контроля над воздухом, но поздно — я уж себя в руки взяла, настороже была.

И вот дилемма новая — будь я ведуньей лесной, уничтожила бы обеих не глядя, но и ведьма я. И как ведьма видела отчётливо — одна ведунья черна была изнутри, словно гниль проела, и зависть в ней была при жизни, и злость, и голод тщеславия неутолённый, а вторая...

Та что слева была, была и иной. И стояла я, в нее вглядываясь, да искала... Чего искала-то?

«Весья, не так что-то?» — леший мой переживал-тревожился.

«Не так», — ответила я, да и показала ему обеих ведуний.

Не долго молчал леший, а потом произнёс:

«Моей бывшей хозяйки нет».

Сама уж поняла, та повыше была, и хоть мельком её видела, а узнала бы. Тут же...

«Лешинька, та что слева, девчонка ж совсем», — откуда мне то было ведомо я не знала, но мы, ведьмы, такие, мы многое ведаем незнамо как.

Через мгновение леший был рядом.

Встал, на аспиде поглядел неодобрительно, так что тот даже отступил на шаг, опосля на меня ещё более неодобрительно... я подумала, и отступила на шаг, вслед за аспидом. Просто Лешинька он в гневе страшен, а аспидушка он и так страшен — минус на минус... пусть сами и разбираются.

— Весья, не смей! — проскрежетал леший, разрушая всю мою спешно придуманную стратегию.

— Не смей что? — не понял аспид.

Я постояла, прядь волос за ушко заправила, да и решила:

— А вам двоим определённо есть о чём поговорить. Аспидушка, портки мои у лешего есть. Есть-есть, правду говорю. Лешинька, а это аспидушка меня сегодня из лесу сманил, да под удар подставил.

И вот таким вот нехитрым образом доведя обоих до испепеления друг друга взглядами мрачными и настроения препаршивого, я аккуратненько Лешиньку обошла, да обратно к краю октагона вернулась.

Я думала.

Быстро, решительно, соотнося свои силы и силы своего леса.

Девчонку можно было спасти.

Ведунью в ней нет, и магической силы у неё более не будет, но саму девчонку, а она меня едва ли старше, скорей одногодка практически, я по фону её ауры судить могла, спасти можно было.

Сжала я клюку, вдох сделала всей грудью, да и...

— Весья! — заорал леший.

— Весья, стой! — вторил ему аспид.

Шаг на выдохе и то, что по всем законам магии было изолировано как от вторжения, так и от исторжения, пропустило меня, ласково коснувшись тела тёплой, словно печное тепло, магией.

Дальнейшие мои действия были продуманы лишь частично:

— Смерть! — всего одно слово, но взмах клюки опрокидывает ведунью справа наземь, из земли прорываются побеги, оплетая хрипящую и орущую нежить, побеги впиваются в её тело корнями, грибные споры покрывают тело и крик обрывается.

Любая смерть в лесу на пользу идёт. Особливо если лес тот Заповедный, а хозяйка его приказ отдала. И мне не требовалось даже взгляда, чтобы ощутить окончательное разложение нежити — я просто это ощущала. Как ведунья. Как та, что чувствует лес, словно часть самой себя.

И эта же часть меня, моей души, требовала вторую жертву — но я и ведунья и ведьма. А ведьма во мне видела боль, видела страдания, несправедливость видела... и жизнь, которую еще можно было спасти.

— Ссссмерть!!! — прошипела ведунья, пытаясь повторить мой маневр.

Глупая, это же мой лес, а мой лес слушает лишь меня.

— Ярина, — позвала почти беззвучно.

Заповедная откликнулась мгновенно, вспорола землю под ведуньей, оплела её лианами, не давая и шевельнуться. Оплела её ноги корнями, не давая и шагу ступить. И вот тогда спокойно я к нежити приблизилась, хоть и держала клюку наготове, хоть и была настороже, а всё же руку протянула, коснулась той чёрной тучи несправедливости, да и ощутила на губах вкус предательства.

Видение было ярким, отчётливым, словно не видение вовсе, а наяву вижу всё. Ведунью звали Дарима, да имя то своим она не считала — его мать, гибнущая, прошептала, отдавая кроху чаще леса Заповедного... Там она и осталась, мать этой девочки. Едва сидела, бессильно привалившись к дереву, по щекам её текли слёзы... по груди кровь. А вдали полыхал огнем магическим замок каменный... магов работа. Маги эту женщину и преследовали, маги и нашли — улыбалась она, да на лес глядела взглядом вечным, взглядом мёртвым. И сунулись было маги в лес, о ребёнке им было ведомо, но восстала чаща, а супротив чащи Заповедной ни одному магу не устоять.

Отступили. И над телом матери чаща глумиться не позволила... хорошая чаща была, правильная.

«Весья, убью!» — бушевал мой леший.

Аспидушка тоже гневался, но я сейчас почти ничего из этого мира не слышала, я прошлое наблюдала... И видела я, как растёт девочка, не ведая вовсе, что человек она. Как обратилась к ней впервые Силушка лесная, да молвила гласом звериным, криком птичьим — иное дитя леса не поняла бы. А после, как долго и тяжело познавала ведунья язык человеческий, да и язык магический. Как пыталась слова складывать, а звучали нескладно, сколько ночей провела над учебниками ненавистными, а деваться-то было некуда. Не было у неё другой жизни, куда уйти тоже не знала — росла дитя, и верила, что весь мир, это лес. Один лишь лес, со зверями да птицами, с чащей, дубом Знаний и Силушкой лесной, учебный процесс контролирующей. И от того невдомёк было девушке, что ходит она как зверь в шкуре, что не волосы на голове, а колтун ни разу не чёсанный, что не в избе живет — в логове под корнями дуба Знаний устроилась.

Да кто ж ведает, что лучше для нас, а что хуже?

Парубка славного, парубка справного встретила она, когда в реке была. Тот сети искал, унесённые течением, она травы собирала речные, для медведя захворавшего... И когда парня того увидела она, в её сердце весна распустилась, а моё сжалось от тревоги-предчувствия... Я ж сразу решила, что он и стал её погибелью, он и предал... А оказалось — не он...

Оказалось совсем не он!

И тут обожгло руку мою, да ощутила рывок сильный, а следом в объятиях аспиды оказалась, но не противилась, сил на то не было.

Гневался леший, молчал напряжённо аспид, стояла я, уткнувшись лбом в грудь его чёрную чешуйчатую, а по щекам слёзы градом, и трясло меня как в лихорадке. Так трясло, что и Лешинька смекнул — не чисто дело.

— Весь, — прошептал растерянно. — Весь...

Ничего я лешему не ответила.

От аспиды отступила, клюкой оземь ударила, да и перенеслась напрямик к дубу Знаний. Встала перед деревом могучим, руки дрожат, слёзы текут, да боли нет в них — есть гнев! С гневом же, с трудом сдерживаемым, и позвала:

— Сила Лесная!

Зашумел кроной дуб Знаний, зашумели иные дубы.

Не ответила мне Сила лесная. Ни слова не сказала. Словно и нет её вовсе! Да и не было никогда. Ну да ничего, мы, ведьмы, народ настойчивый.

— Ты предала! Ты! — прокричала я вершинам дубов.

И не стерпела обвинения Силушка Лесная. Проявилась лицом в ветвях и листьях, на меня взглянула пасмурно, да и молвила:

— В моих лесах Заповедных насильно никого не держат. А кто волен уйти — того держать не буду.

Пошатнулась я, на землю осела, слёзы горькие по лицу текут, и понять... понять не могу...

Лишь один вопрос задала, с трудом ярость сдерживая:

— А меня убивать будут, тоже позволишь? Не спасёшь, не вмешаешься? Такой мне ждать участи?

Зашумела листва, словно ветер по лесу прошёл, да и ответила Сила лесная тихим шёпотом, словно бы тот же ветер к щеке прикоснулся:

— Не знал я... Не понял... То людские законы, они мне не ведомы.

Смахнула слёзы, на кроны дубов взглянула гневно, и спросила:

— Что тебе неведомо, Сила лесная? Когда насильничают неведомо? Когда убивают? Когда на костре жгут? Это тебе не ведомо? Так давай, я покажу!

— Не... — начала было Сила лесная.

Да поздно! Ведьма я! Как есть ведьма! Мы ведьмы чужие судьбы чувствуем! Да боль чужую и ощутить, и передать способны! Ударила по земле ладонью раскрытой и выплеснула всё! Всё, что увидела! Всё, что почувствовала! Всё, что пережила перед гибелью безвременной Дарима! Всё передала! Всё до капельки! Как полюбила ведунья лесная, что ведуньей стала не по собственному выбору, от того и права не имели изгонять её, ведь лес не подведомственной территорией был — а домом! Как с парубком сговорились о свадьбе, и счастливы были он и она... так счастливы. Как мачеха жениха, баба склочная, злая, пасынка не любившая, притворилась радостной, и за невестой в лес поспешила, чтобы принарядить к свадьбе-то, не в шкуре ж ей в деревню на свадьбу идти. Да не дошла Дарима до деревни.

Не дошла...

Как из лесу вышла, схватили её да и повели на пир страшный, неправильный, злой. Разбойников с собой привела мачеха. Подлых, жестоких разбойников. Опоили, по рукам пустили, в грязь втоптали, а опосля на костре сожгли, как ведьму.

Задрожал дуб Знаний, начали опадать с него листья зелёные, коим падать не ко времени вовсе, но меня не разжалобишь. Я всё передала. В этом бесшумном дожде из зелёных листьев, всё до капельки, всё, что пережила несчастная девушка...

— Хватит, остановись! — взмолилась Сила Лесная.

— Она тоже просила, — жалости во мне не было. — До последнего просила. Кричала, звала, молила. Неужто слышно не было?!

Яд в моих словах был. Горький яд правды, от которой не отвернешься не скроешься — я не позволю.

— Было слышно!!! — сорвалась на крик Сила лесная. — Да спасти её той ведьме следовало, что лешего обездвигила!

И остановилась я. Ладонь убрала, с подозрением на кроны слезоточащие листвой посмотрела, да и переспросила:

— Что?

Но трясло Силу лесную, так что вся земля дрожала трясло. Оно как — пока на своей шкуре не почувствуешь, чужую боль не поймёшь. А как самому испытать придётся, то другой разговор. Вот и тут так же — хоть и бестелесная Сила Лесная, а всё ж испытала боль и мучения в полной мере, и пережить такое, не каждый может.

Но Сила Леса это сила, собралась она, и приказала:

— Смотри, ведьма!

И нахлынул на меня сонм видений и обрывки слов разговоров, событий.

Вот Дарима на берегу реки, да с ней рядом не кикимора, не водяной, не русалка даже — с ней рядом ведьма сидит. Красивая, волосы её чернее вороного крыла, глаза синее королевских сапфиров, жесты плавные, а слова... слова неведомые, не слышал слов её лес, не распознала и Лесная Силушка.

А вот иной разговор — стоит та ведьма перед лесом, да говорит уверенно «Ведьма она. Да не природная — прирождённая. У себя

супротив закона держишь — наша она. Нам принадлежит! Отдай похорошему, а иначе — всю нечисть супротив тебя подниму!».

Следующий разговор спустя время был — пшеница, что колосилась у леса, и виднелась за спиной ведьмы, уже созрела, а ведьма роняла такие слова:

«Сила наша просыпается от боли и испытания огнём. Не мешайся, тогда и я мешаться не стану».

— Леший бы понял, — тихо сказала Сила Лесная. — Леший бы вмешался... Да обездвижен он был, а я того не заметил. Я с ведьмами в тот момент разговор вёл, о программе учебной, о книгах магических... Думал моим ведунам с ведуньями знания надобны, о том я думал...

Вот значит как!

Поднялась я быстро, решительно, клюкой оземь ударила, да метнулась обратно к избе своей, к аспиду и лешему, что понуро у октагона стояли, да к нежити, что когда-то ведуньей была. Просто я ж не сразу поняла, почему человеком её вернуть можно, а вот лесной ведуньей — нет!

А сейчас... сейчас почти догадалась.

Метнулась за барьер защитный, сковала не почерневшую — обгоревшую, как оказалось, ведунью, да и поглядела на случившееся иным взглядом! Поглядела, чтобы застыть потрясённо — эту ведунью выпили! Вот почему я чувствовала, что стань она живой, магии в ней уже не будет!

Отшатнулась в ужасе.

Замерла, в трёх шагах от октагона, стояла с глазами широко раскрытыми, да сердцем, в испуге как птица в клетке в груди бившемся. Словно ребра проломить хотело, да на свободу вырваться.

— Веся, происходит что? — напряжённо спросил леший.

А я сказать не могу, не могу и слова вымолвить. Лишь на нежить ведуньи гляжу в ужасе и с пониманием — та Дарима, это...

— Это я, — прошептала в ужасе.

На меня что леший, что аспид поглядели странно очень, а я...

Я клюкой оземь ударила, и к заводи перенеслась. Туфли скинула, клюку к кусту прислонила, и юбку платья чародейского придерживая, к кромке воды подошла. Вот по ней и металась, всё успокоиться пытаюсь.

Водя себя ждать не заставил, из заводи наполовину высунулся, сонный, заспанный, да и спросил:

— Весь, что?

Остановилась я, на него посмотрела, и сказала:

— Смотри, Водя. Вот есть я, я ведьма прирожденная. Мы природных ведьм на порядок слабее, но коли горе обрушится сильное, у некоторых из нас, не у всех, лишь у некоторых — просыпается сила. Да такая, что природным на зависть! А природные ведьмы, Водя, они одну особенность имеют — им чтобы стать сильной, в силу войти следует. И для того вступает ведьма в бой неравный. И чем сильнее противник, тем сильнее станет ведьма, убив его. Да не только в силу так природная ведьма входит, но и от врага своего многое берёт — коли вампира убить, получишь грацию да силу эмоции выпивать, коли волкодака — звериную грацию, да возможность видеть даже в самую тёмную ночь. Способности врага, Водя, способности они получают.

Водя к берегу подплыл, и слушал внимательно, каждое слово ловя с жадностью и повышенным вниманием.

— Ну так силы те в праведном бою получены, — продолжила я, мечась взад-вперёд по кромке заводи и брызги воды расплескивая нервно. — И то, что со мной чуть не сотворили, я сочла измышлением Славастены да Ингеборга, что силу мою хотели Тиромиру отдать, а выходит...

Остановилась я, на Водю поглядела растерянно, и прошептала:

— А выходит то не Славастены был замысел... То обряд был, уже существующий... И не первая я ведьма прирожденная, чью силу выпить замыслили... Я не первая, Водя!!!

И ноги ослабели. Прошла по берегу, чтоб платье не замочить, села на дерево, поваленное весенним паводком, да и... не было у меня слов больше. Не было... а всё равно из души рвались:

— Ведьмы же не такие, Водя... Не такие... Я в это верила, Водя, я верила...

Водяной на берег выбрался, хвост свой в шаровары переколдовав — мои чувства берёт, подошёл, рядом сел, и сказал:

— А ты всех по себе меряешь, Веся, а не все такие, понимаешь?

— Но ведьмы-то — все... — так больно мне было. — Я ж как за Славастену узнала, мне тогда легче на душе стало, что не ведьма она. И вера во мне, вера в ведьм, понимаешь?

Водя промолчал.

А я не могла.

— Ведь каждому нужно хоть во что-то верить... каждому. И я верила, а выходит...

Вздыхнул Водя, по плечу успокоительно похлопал, да и сказал:

— А я тебе байку расскажу весёлую, обхохочешься сходу. Хочешь?

С сомнением скептическим на водяного я посмотрела, уж хотела спросить, не объелся ль он чего, да только не обращая на мой взгляд внимания, Водя вдохновенно начал:

— Собрались как-то рыбак, пахарь, да пастух. И пошёл меж ними такой разговор: «Я», — говорит рыбак. — «Тут озеро сотворю. Рыбы будет видимо-невидимо, деревне польза, мне заработок». «Нет», — отвечает ему пахарь. — «Я тут землю распашу, посею рожь-пшеницу и будет деревне хлеб, а мне заработок». «О чём речь?!» — возмутился пастух. — Я здесь скот выпасать стану. Будет деревне нашей и мясо, и шкуры и молоко с сыром, а мне заработок». И вот спорили они спорили, Веська, до драки дошло, а между тем сорняки землю ту заняли, леса проросли, а деревеньку голод сгубил.

— Водь, ты вот сейчас о чём? — спросила с сильным подозрением, что реально может отравился чем.

А водяной на меня серьёзно поглядел, да такой ответ дал:

— О земле, Веся. О земле. О ресурсах, которые делить никто не хочет. И о магии, которую земля даёт. Как плодородная почва, Весь, с которой если урожай снимать бездумно да жадно — пустыня станет.

И опустив руку в воду, водяной призвал книгу, достал её, сдул капли воды, раскрыл и продолжил:

— Ты мне про историю магии рассказывала. Изучил я вопрос, и знаешь что?

— Что? — спросила шепотом.

Глянул на меня голубыми глазами насмешливо, да и сказал:

— Рыбаки — это алхимики. Пахари — чародеи. А маги — пастухи. И пока они спорили меж собой, проросли леса Заповедные, да появились ведьмы природные — сорняки считай. Сорняки мы с тобой, Веська, как есть сорняки — везде прорастем, если нужно всегда выживем. Да не об нас речь — в войне рыбака, пахаря и пастуха, пастухов победа полная. И вот поле занято, стада там от

горизонта до горизонта, и растёт то стадо, а травы уж стало не хватать... Куда стаду идти, Веся?

— В лес... — едва вымолвила.

— Правильно говоришь, — похвалил водяной насмешливо. — Беда не в ведьмах, Веся, беда в магах. Вот ты сама саженцы по лесу рассаживаешь, ты скажи — выбираешь, каковы будут расти лучше да плодоносить больше?

Молча кивнула.

— Так и маги, — Водя усмехнулся, да усмешка была невесёлая. — Им сила нужна, а в простой ведьме сил не так уж и много, вот они и выводят тех, кто посильнее будет. Кто своих же жрёт, силы копит. Такие магам и нужны, Весь, именно такие. Ты не суди ведьм, и веру терять не стоит, чую я проще ларчик открывается — ведьм используют. Не уничтожают, а заметь — могли бы, сама знаешь маги сильней, одного Ингеборга вспомни. Но не уничтожают... Вот и подумай, отчего их берегут? А теперь и вовсе в загон согнали.

Маги... да, стоило бы догадаться.

Дурно мне стало, но страдать было некогда.

— Я-то думаю, от чего маги мне в войне с нежитью помощь оказывают, — дыхание срывалось, сердце болело почему-то.

— А почему бы и нет? — Водя глядел в воду с усталостью. — Против общего врага воюем. Другой вопрос — что будет, когда победим...

— Война, — и страшно такое говорить, да только беде в глаза прямо смотреть надобно, иначе добра не жди.

— Война, — согласился водяной. — Но уже с магами.

А маги не пощадят... кому как не мне знать об этом.

От того поднялась решительно, платье оправила, да и сказала уверенно:

— Справимся!

— Думаешь? — с нехилым сомнением спросил Водя.

— А то! — я клюку призвала, сжала уверенно. — Ты правду сказал — сорняки мы с тобой, Водя. А сорная трава, она, ты знаешь, завсегда везде выживает!

Прошла к туфлям, обулась и спросила:

— Водь, у тебя серебряного блюдца лишнего случаем не найдётся?

Пожав плечами, водяной спросил:
— Размер?
— Побольше, — честно сказала ему.

* * *

В итоге серебряный поднос в мой рост окружностью тащил леший, Водя хотел дотащить, но я его спать отправила, у нас впереди ещё ночь боевая ожидалась.

А как затащил Лешинька мне то блюдо в избу, так я дверь в избу заперла, заклинанием тишины всё изолировала, домового с третьего раза выгнала, Кота Учёного выставила, от Мудрого Ворона окно закрыла, встала перед блюдцем, яблочко наливное пустила, да и позвала:

— Ульгерда.

Ведьма ответила почти сразу, сидела она в пещере на Ведьминой горе, уставшая, понурая, хмурая, да над книгами древними корпела.

Меня увидав, сперва сказала:

— Покрой у платья странный, старинный. Откуда взяла?

— Чародейское, водяной подарил, — правду скрывать не стала.

А у Ульгерды вдруг перо писчее из рук выпало, кляксу на бумаге оставляя.

— Ччччародейское? — переспросила ведьма старая. — Чародейское?!

Кивнула. От чего реакция такая я и не поняла-то, но не это было самое страшное, что передать собиралась.

— Смотри, Ульгерда, — сказала, руку к блюду протянув, да ладонь к серебряной поверхности прижимая. — Смотри внимательно. Об этом ведьмам рассказывать придётся.

И я показала всё. Даже не так — ВСЁ!!!

Умертвие ведуньи лесной, судьбу её страшную, и предательство ведьмы с синими, как сапфиры глазами.

Когда закончила, посидела Ульгерда вполтину больше прежнего. Сидела, потрясённая, раздавленная, затем произнесла едва слышно:

— Веся, девочка, та ведьма — Велимира!

Тут уж я покачнулась, на ногах удержалась с трудом. Велимира — одна из семи главных ведьм. Старшая. Главенствующая.

И я, я после разговора с Водей ожидала, что не простая то ведьма будет, но чтобы главная...

— Я не смогу, а ты рискнёшь? — прямо спросила Ульгерда.

Она поняла мой замысел, по размеру блюда серебряного и поняла, но не знала, решусь ли теперь, когда правда открылась. Да только делать нечего — беду лицом да взглядом прямым встречают, иначе не победить.

— Про защиту только не забудь, Веся, — попросила старая ведьма.

А это хороший совет был. Очень хороший. Правильный и своевременный.

Я связь с Ульгердой прервала, кивнув на прощание, сходила, дверь отперла да и позвала жалостливо:

— Аспидушка, не зайдёшь ли, на минуточку?

И не дожидаясь ответа, в избу обратно вошла. Заметалась нервно. Мысли, сомнения, страх — всё смешалось. Что делаю? Что собираюсь сделать? Поможет ли то, что замыслила?.. Поможет ли...

Остановилась не перед мутным блюдом серебряным — перед зеркалом. Волосы мои чёрные уж светлеть начали, лицо бледное, глаза испуганные, руки дрожат, а платье чародейское стройный стан, сильно постройневший после снятия печати с охранябушки, лишь поддерживает. И похожа ли я на ведьму сейчас?

Да и стоит ли показываться в платье чародейском?

Рванула ворот, принялась нервно пуговицы расстегивать, а уж распахнулась дверь, аспид вошёл, и сразу мне изба в два раза меньше показалась.

— Зайди, дверь закрой... да и запри, — приказала, дрожащими, непослушными пальцами пуговку за пуговкой высвобождая.

Аспид повиновался. Дверь закрыл, задвижку защёлкнул, ко мне повернулся, смотрит внимательно. И умом понимаю — сказать что-то надобно, а саму трясёт.

— Помочь, с платьем-то? — поинтересовался аспид.

Руки опустились, постояла, тяжело дыша и попросила:

— Помоги, пожалуйста.

Думала магией, али как, но подошёл аспид — ладони у него не дрожали, пальцы сильные с пуговками справлялись быстро, а я дышала, всё больше понимая, что аспиды я боюсь куда меньше, чем того, что сейчас сделаю.

— Руки подними, — скомандовал так спокойно, да тоном командным.

Подчинилась, вообще без слов.

Молчал и аспид, когда платье стянул с меня. Да пока я сорочку нижнюю белую оправляла, платье сложил, к шкафу отнёс, аккуратно внизу, там где вещи для стирки предназначенные, положил, на меня оглянулся.

— Дать что? — спросил всё так же спокойно.

И вот об одном вопрос был, а подразумевал определённо: «Ты что делать собралась, ведьма?».

— Плащ, — голос мой дрогнул. — Там, справа, простой чёрный плащ.

Взял нужный, да уверенно так, словно точно знал, какой надобен, принёс, сам расправил, на плечи накиннул, завязки завязал, да и на меня посмотрел, всё так же держа в руках холщовые ленты. Вот тогда и спросил:

— На что ты опять отчаялась, Лесная Хозяйка?

И так он это спросил, что у меня сердце дрогнуло. На руки поглядела, чёрной матовой чешуей покрытые, да от чего-то другие ладони вспомнила. Человеческие. Широкие, жилистые, сильные... руки не мага, руки воина... И от воспоминания этого, лишь более дались слова последующие:

— Видишь ли, господин Аедан, у нас не один враг... Вовсе не один. Я о магах и ранее хорошего ничего сказать не могла, а уж после сегодняшнего...

И замолчала я.

— А что сегодня? — голос у аспиды проникновенным стал, вкрадчивым.

Я голову запрокинула, в глаза его змеиные поглядела и ответила:

— Увидела страшное.

Усмехнулся аспид, зубы белые сверкнули в сумраке избушки, да с иронией спросил:

— Страшнее меня?

И как не был ужасен аспид, а всё же:

— Намного... намного страшнее.

Вскинула руку, зачаровывая избу, изолируя, возводя барьер как изнутри, так и снаружи. А едва засияло каждое бревно магией, вновь на аспида посмотрела и сказала утвердительно:

— Ты алхимией владеешь.

Шире улыбнулся аспид, да и ответил:

— Ты тоже.

Так то оно так, да только:

— Я ею баловалась в юности, аспидушка, а вот ты ею владеешь.

Огляделся аспид, и вывод сделал верный:

— Тебе защита нужна.

Кивнула сдержанно.

— Почему алхимическая? — спросил сразу по делу.

Помолчала, кусая губы, потому что грызть ногти при аспиде было стыдно, да и ответила:

— А не знаю я, с чем столкнусь. Проклятия будут. Не одно — десятки. И магия. И чары чародейские. От всего этого защититься я могу двумя способами — силу леса своего задействовать, но это сейчас опасно, и не ко времени и... не могу я лесом ради ведьм рисковать, не могу... — вздохнула судорожно, успокаиваясь, и продолжила: — А могу тебя попросить о помощи, супротив алхимического защитного круга ни одно проклятие не встанет.

Сузились гневно глаза аспиды, да спросил он прямо:

— Против ведьм идёшь?

— У меня нет выбора! — прямой вопрос и прямой ответ, всё как полагается.

— Выбор есть всегда... — протянул Аедан.

Вздохнула судорожно, да и ответила, как полагается:

— Есть. Ты прав, аспидушка, выбор всегда есть. Вот я свой и сделала.

Постоял аспид, на меня поглядел, да и такие слова произнёс:

— Что ж, коли такова воля твоя, помогу, но и свою цену назначу. Готова?

Нашёл дуру деревенскую.

— Цену назови, — потребовала, пристально на гада глядя.

— То цена не большая, — усмехнулся аспид. — Ни сил от тебя не потребует, ни времени, и лесу не повредит, друзьям-сотоварищам тоже. Соглашайся, ведьма, другого пути у тебя нет... В целом был бы конечно, путь другой, к примеру не лезть в дела ведьм, коли ведуньей полноценной стала, ну да не мне тебя жизни учить.

Я смотрела на аспида, да что сказать ему, в дурости моей явно убеждённом?

— Аспидушка, у тебя сердце есть? — спросила враждебно.

— Есть, — странно на меня чудище легендарное взирало. — Да только отняли его, а как — сам не ведаю. Но не о том речь, ведунья, времени не теряй, у нас ещё ночь впереди, да ночь беспокойная. Решайся сейчас.

— Цену не узнав? — злость меня такая взяла.

А аспид плечами могучими пожал, да и спросил:

— Мне уйти?

Вот же...

Повторила про себя его насмешливое: «То цена не большая. Ни сил от тебя не потребует, ни времени, и лесу не повредит, друзьям-сотоварищам тоже».

И решилась, отбросив все опасения. Ну не съест же он меня в конце концов.

— Будь, по-твоему, — проговорила сдаваясь.

Потому что с аспидом это я сейчас битву проиграла, а вот коли в дела ведьм не вмещаюсь — я проиграю войну, а её проигрывать нельзя, ну никак мне нельзя. Усмехнулся аспид, шаг от меня сделал, а опосля... Что ж, алхимией аспид владел, да не только — магией не хуже самих архимагов распоряжался тоже. Я уж и счёт заклинаниям потеряла, но таковы были, что блюдо серебряное заискрилось от избытка энергии, а волосы мокрым гребнем пришлось причесывать — дыбом вставали. А аспид всё не унимался — три круга алхимических на полу избушки начертал, одним и вовсе само блюдо серебряное прикрыл. А я стою потрясённая, всё волосы приглаживаю. Да и вопрос из меня сам вырвался:

— Аспидушка, а не слишком ли?

Тот отступил от блюда серебряного постоял, потом поглядел то на меня, то на блюдо, да и вынес вердикт:

— Как по мне так маловато ещё.

— А ты поверь — с избытком уже. — У меня и рубашка льняная под плащом искриться начать готова была.

Но аспид не согласился. Ещё три заклинания, да таких, что и воздух близ меня фильтровали, и четвёртый алхимический круг на пол избы, только вот он по всей избе сиянием разошёлся.

И вот лишь после этого, аспид выпрямился, огляделся и сказал:

— Вроде все.

— Ббблагггодарствуем, теперь выходи, — попросила я.

— Обойдёшься, — грубовато ответил аспид. — Раз уж ты о помощи попросила, да на цену согласилась неведомую, значит дело вконец плохо, да, Веся? Я не уйду, и не проси.

И не просила бы, да только:

— Аспидушка, коли тут останешься, под удар попасть можешь. Ты пойми, я собой рисковать ещё могу, а вот тобой... не стану.

Вздохнул Аедан, руки на груди сложил, на меня с гребнем мокрым, свысока посмотрел и тихо спросил:

— Зачем ты в это лезешь, Веся?

И вот что ему сказать?

— Потому что так правильно, — прошептала, гребень сжимая. — Понимаешь?

— Нет, — ответил аспид. — Я не понимаю.

Руками развела. Если не понимаешь, то как объяснить? Объяснила просто:

— Я — ведьма. Я не могу иначе. Выйди, пожалуйста.

Но аспид лишь отрицательно головой покачал.

— Чашу призову, — пригрозила нехотя.

— А вот на это я бы посмотрел, — усмехнулся аспид. — Ведьма, здесь сейчас столько магии, что твоим чашам, обеим, года два потребуется, чтобы сюда проникнуть.

Хотела было возразить, но вспомнила всё, что аспид применил и так захотелось спросить, откуда он вообще взялся такой магически одарённый, ну да... то не моё дело, не мне спрашивать.

Кивнула, принимая его решение, руку вскинула — собираясь магией защитной его прикрыть, да тут аспид вдруг резко сказал:

— Нет!

И отшатнулся так, что странным мне это показалось. Царапнуло что-то. А что я и понять не смогла. Лишь спросила:

— Чар ведьмовских опасаясь?

Открыл было рот аспид, да закрыл тут же. Постоял, и выдал нехотя:

— Есть немного. И я защищён, лесная хозяйка, хорошо защищён, поверь. А теперь делай что задумала, коли уж надумала это делать.

Да, только как?

— Аспид, ты...

— За блюдом постою, так пойдет?

И главное взял и встал, за блюдом. Только виден был, блюдо в мой рост, а аспид он же повыше головы на две будет. Покачала я своей головой бедовой неодобрительно, да делать нечего.

Отложила гребень, руки дрожали. Подошла к блюду серебряному, приложила яблочко наливное, да и пустила по кругу. А едва затуманилось, засветилось пространственное оконце, ладонь к холодной поверхности приложила, и как ни было страшно мне, как ни было боязно, а всё же правда она должна быть известна.

Особливо, если это такая правда!

И зашептала я слова страшные, слова, что от самой души шли, из сердца с каплями крови вырывались, слова, которые каждая ведьма услышит, образы, которые каждой увидеть доведётся.

— От сердца к сердцу, от ведьмы к ведьмам, от истины к истине. Услышьте меня. Слушайте слова мои. Узрите что поведаю. Я Валкирин, ведьма, что была предана. Я Валкирин, ведьма, которую готовились погубить на алтаре, силу выпив. Я Весяна — я вырвалась и выжила. Но есть и другие — те, кого не слышали. Те — кого не спасли. Те — кого погубили. Откройте сердца, я поведаю страшное.

И понеслись образы, один за другим, видения — одно другого страшнее. Я передавала все — все, что увидела у Даримы, все, что узнала о Дариме, всё... что перенесла перед смертью страшной та, что была подарком лесу. Дарима — та, что была подарена...

Первое проклятие — проклятие немоты, вылетело в меня, едва передала видение разговора Даримы с ведьмой, чье положение оказалось столь высоким. Проклятие вылетело — да не долетело, хорош оказался аспидушка в деле защитном, весьма хорош, да только и он проклятие то увидал, увидал да помрачнел... а может и нет, кто его разберёт, лицо чёрное, матовое, в сумраке с трудом различимое, одни глаза змеиные сияют.

После проклятия немоты, пошли вещи посерьезнее — я передавала всё, транслировала не останавливаясь, и в то же время невольно оценивала насылаемые на меня проклятия — от немоты, ведьмы-изменницы перешли к смертельным проклятиям, и каких там только не было... В смысле не доучилась я, так что большинство даже не смогла толком идентифицировать. А значит и защитилась бы едва ли... повезло мне с аспидом, ох и повезло. И в какой-то момент я поняла, что действительно повезло окончательно, потому что быстрым движением аспид накрыл щитом блюдо серебряное, меня же в сторону отдернув — и вспыхнуло пространство близ блюда, пол под ним почернел да обуглился, а аспид мне сурово сказал:

— Хватит!

— А ещё не всё, — тихо ответила ему.

И вернулась к блюду покрасневшему, вновь руку протянула, прикоснулась к металлу раскаленному, кожа обожжённая зашипела, я бы и сама зашипела, да не обо мне речь сейчас.

— От сердца к сердцу, от ведьмы к ведьмам, от истины к истине...

Мне пытались помешать.

Всеми силами пытались.

Меня пытались остановить.

Но в любой битве исход решают — упорство и вера в свою правоту. Моё дело было правое! И как бы ни была страшна моя правда, она оставалась правдой! А потому я вцепилась в блюдо, удержала его от уничтожения усилием непомерным, и довела дело до конца. До самого конца.

От сердца к сердцу. От ведьмы к ведьме. От истины к истине!

И когда завершила — осыпалось блюдо серебряное стеклом битым на пол, растворилось и протекло через щели в полу серебристыми лужицами расплавленного металла. Осела обессиленная я, спиной к печи привалилась, глаза на миг закрыла...

— Сеанс одномоментной связи, — задумчиво проговорил аспид, переступая через расплавленный металл и направляясь ко мне. — Ну как, легче стало?

Подошёл, присел рядом, взял мою ладонь правую, что сплошным ожогом стала, подул... и начали сходить волдыри страшные, заживать кожа пострадавшая.

— Теперь легче, — прошептала я.

Аспид опустился передо мной на одно колено, продолжая всё так же держать руку — раны исчезли, теперь исчезали шрамы.

— Объясни мне, — вдруг сказал господин Аедан. — Зачем? Ты ведь хозяйка леса, у тебя своя война, и что-то я не заметил здесь ни одной ведьмы, ведунья. Ты одна последний оплот нечисти защищаешь, но при этом — собой рискуешь, чтобы сказать ведьмам страшную правду жизни одной из... вас. Почему?

Моя рука в его ладонях казалось белой-пребелой, как снег на остатках сгоревшего дома, почерневшего от страшного пожара... так жутко стало, захотелось руку отнять, но аспид удержал — не всё ещё вылечил.

— Почему? — повторила я слово его последнее. Вздохнула, да и ответила устало: — Потому что так правильно. Потому что — правда. Потому что — беда у нас общая, и враг один.

Прищурил глаза змеиные аспид, да и спросил:

— И кто же враг ваш, Веся?

Мягко я ладонь всё же отняла, за то что излечил спасибо, за то что защиту обеспечил вообще поклон поясной, а вот страшен всё же не передать как, потому и держаться хотелось подальше. Однако ж всё равно ответила:

— Наш общий враг — маги, аспидушка. Маги.

И поднялась я.

А аспид остался стоять на колене одном, голову опустив, а руки его отчего-то вдруг в кулаки сжались.

— И тебе есть, за что ненавидеть их? — спросила догадливо.

Но аспид лишь головой мотнул отрицательно, а затем хрипло повторил мною сказанное:

— Маги...

Да поднялся стремительно, рывком, передо мной встал, в глаза мне заглянул и спросил хрипло:

— И сильно ты ненавидишь магов, ведьма?

И главное спросил так, словно сам не то что маг, а цельное магово сообщество. Даже неловко стало. Но всё же ответила честь по чести:

— Скажем так, аспидушка, в этот лес ни одному магу не войти, будь он хоть золотой весь. Так понятно?

Аспиду понятно не было. Стоял он, на меня глядел странно как-то, и вопрос последующий тоже странным оказался:

— А коли маг тебя полюбит, а ты полюбишь его... Что тогда, Веся?

Тут уж и я прищурилась, да с подозрением, и молчать не стала, заметив:

— А что-то вопросы у тебя странные, аспидушка.

— Сказала ведунья, что собой рисковала, чтобы сообщить правду ведьмам, — издевательски поддел аспид. Но вдруг вновь стал серьёзным и произнёс: — Так каков твой ответ?

Головой я покачала неодобрительно да сокрушённо, на аспиде посмотрела и тихо ответила:

— Даже если больше жизни любить буду, в этот лес, аспидушка, ни один маг не войдёт. Никогда. Как бы не любил меня он. Как бы не полюбила его я. Ни-ког-да.

Судорожно вздохнул аспид, словно ударила его словами этими. От того и добавила мягко:

— Я не спрашиваю, откуда ты пришёл, да кто научил тебя магии, аспид. Но об одном предупредить должна — не доверяй магам. Даже самым хорошим. Самым верным. Самым, казалось бы, честным да праведным. Не доверяй им.

С болью посмотрел на меня аспид, и не сказал ничего, но не согласен был, совершенно не согласен.

— Моё дело предупредить, а что со своей жизнью делать тебе самому и решать.

Аспид отвернулся, словно сдержаться хотел, в печку рукой упёрся, будто удар сейчас выдержать с трудом пытался, и понятен такой жест, иной раз для того, чтобы ровно стоять, опора требуется... да только мне в таком положении жутенько было... Аспид, он мне по утру не страшным показался, а сейчас вот...

— Так, сколько там твоя цена была? — намекнула ненавязчиво.

Промолчал. Затем резко голову повернул, в глаза мне поглядел, да и ответил хриплым голосом:

— Хотел, чтобы ты с человеком одним встретилась, да видно доказывать тебе что-то без толку, Веся. Потому иной цена моя будет. И плевать на все. Буду как ты — жить одним днем, верить в справедливость, делать, что хочется и поступать так, как считаю

правильным, вопреки всему. А знаешь, чего мне уже очень давно хочется, Веся?

Я не знала, и вдруг подумала, что мне не особо-то и знать хочется. Но ответить не успела — аспид внезапно наклонился, и выдохнул, обжигая мои губы дыханием:

— Этого.

И тёплые сухие губы, такие мягкие, совсем как человеческие, накрыли мои поцелуем. Осторожным, бережным, уверенным, долгожданным... Так путник, что плутал по выжженной степи долгими полными мучений днями, припадает к роднику, жадно делая глоток за глотком и не веря, что желание, давно наваждением ставшим, исполнилось. В данный миг выполняется... Да прерваться может, и от того, на миг теряя рассудок, путник готов снести всё на своём пути, только бы его не останавливали.

Так и аспид — руки мои, что оттолкнуть его попытались, перехватил, вверх вздёрнул, одной своей сжал, а второй обхватил шею да часть лица, чтобы не отвернулась — не вывернулась, и целовал, словно умом помутившийся — жадно, голодно, хоть и понимал — не насытится.

Простонал с отчаянием, целовать перестал, выпрямился, к ладоням, что держал крепко над головой моей, губами прижался, дыханием тяжёлым обжигая, да и спросил обречённо:

— Что, не по нраву я тебе, ведьма?

Это ещё мягко, очень мягко сказано было!

— Ассспид, — трясло меня, поболее чем когда правду ведьмам ведала трясло. — А тебе по нраву было бы со змеей-удавом лобызаться? Али с нежитью? С волкодлаком в зверином облике? Или может с рыбиной какой?

Мгновенно отпустил меня аспид, отшатнулся на несколько шагов, замер, тяжело дыша, да на меня взирая с непониманием.

Хотя кому тут с непониманием взирать полагается, это ещё большой вопрос!

Я была потрясена до глубины своей ведьминской души! Я была ошарашена! Я была ошеломлена! Я... да в ужасе я была непередаваемом и гневом всё нарастающем!

— Ты что удумал?! — голос срывался на крик. — Это что было то? Это как?.. Да как ты вообще?!

Уж не знаю как, но сковорода в моей руке появилась тотчас же...

Да только как появилась, так я её и зашвырнула в печь обратно. Нет, в аспида хотелось, очень даже хотелось мне, да только проблема в том, что это вот был аспид! Натуральный аспид! И вот всё вот это, это уже была... проблема непонятная, вообще же мне непонятная... Абсолютно.

— Так, — я пальцы похолодевшие к вискам приложила, постояла, успокаиваясь, и задала вопрос, который... да даже выговорить было трудненько, почти невозможненько: — Господин Аедан, могу я узнать, что вот это вот сейчас тут было-то?!

Но вместо ответа, который он обязан был дать после случившегося так точно, аспид вдруг взял да и повернулся к зеркалу. Да не просто повернулся — на себя поглядел внимательно. Так внимательно, что стены засияли, освещая чёрную страшную чешуей матовой покрытую фигуру.

И вот опосля осмотра своих телесов-то, по счастью частично сокрытых штанами, аспид сдавленно произнёс:

— Ты же ведунья. А ведуньи, они и с лешими и с... водяными тоже, и...

И яркий свет, выставляющий чудище огненное в не лучшем свете, угас, оставляя всю избу в полумраке, а меня в... да в ужасе.

Внезапно я осознала страшное — аспид рассматривал меня, как пару если не для продолжения рода, то в лучшем случае как партнёра на ночку-две... Прямо таки ощущение появилось, что и окрестные сеновалы уже изучил на предмет пригодности для дела удовольствие приносительного. Но... это действительно в лучшем случае... А я ведунья лесная, я привыкла и о худшем думать.

И вот о чём я сейчас могла подумать?!

Рассмотрим факты — имеется аспид, судя по тому, что всех их считали вымершими, вполне себе возможно, что последний на всём белом свете. А вот она имеюсь я — ведунья лесная. Что об ведуньях известно-то? А известно, что мы не от мира сего, что чаще всего вступаем в связь с лешими своими-то, а в редком и вовсе с водяными, это ежели лешего подходящего нет. И от того, видимо, замыслил сей последний аспид, что я, учитывая склонность ведуний к чудищам всяческим, и его, такого чудовищного, вполне себе сочту парой...

— Ох ты ж ёлки-палки! — простонала я, с трудом пройдя к столу и рухнув на стул.

Аспид подошёл, молча налил мне воды, поставил стакан передо мной... а у меня язык не повернулся благодарностью ответить. И я опасалась, что у меня вовсе язык не повернётся тяжёлый, да всё же нужный такой, разговор завести о намерениях аспиды, о надеждах и чаяниях...

И тут аспид, сел напротив меня, да и спросил вкрадчиво:

— А если у меня и человеческий облик имеется?

— НЕТ!!! — крик вырвался прежде, чем оборвала себя.

— М-да, весьма показательная реакция, — саркастично заметил господин Аедан.

— Прости... те, — с трудом проговорила я.

Как ни странно — простил. Я ведьма, я такие вещи вижу — не было в аспиде ни гнева, ни оскорблённости, только странная усмешка и что-то такое, выжидательно-подготовительное. Так хищник свысока наблюдает за жертвой, точно зная — далеко не уйдёт.

— Успокойся, — произнёс, пряча насмешку, а на лице его угольным спрятать вообще всё что угодно можно было, — поцелуй за спасение жизни цена не великая, согласишься.

Мрачно поглядела на него, аспид улыбнулся, да и вопрос задал:

— А в чём я не прав, хозяйка леса? Где ошибся?

— Везде! — чуть не взвизгнула.

Да тут кричи-не кричи, а дело решать как-то надобно. Посидела, воды глотнула, аспидом заботливо подсунутой, на аспиды поглядела да и...

— Я не ведунья, господин Аедан, я всё-таки ведьма. Я к людям ближе, чем к нелюдям. Ты прости меня, не серчай, не гневайся, а только... Противоестественно это для меня, невозможно, недопустимо... и не думала никогда о таком. Прости, коли обидела, не хотела я этого.

Промолчал аспид, только на меня глядел странно, взгляд змеиный пристальный, взгляд изучающий. А опосля вдруг усмехнулся, кивнул, поднялся да и вышел из избы, разом уничтожив и свои заклинания и мои заодно.

И осталась я сидеть за столом... молча.

И вот молча я проследила за тем, как домовой вернулся и в печку юркнул.

За тем как Кот заглянул в дверь приоткрытую, да входить не стал.

А потом из середины пола выглянул леший.

И вот только другу верному смогла я тихо вымолвить:

— Лешинька, сейчас такой бред скажу, даже ты рухнешь со смеху, да только... аспид он... — и говорить так тяжело вдруг сделалось, а всё же договорила: — Он на меня виды имеет.

И тут удивил меня леший, голову кулаком подпёр, оглядел меня скептически, и вымолвил:

— Да неужели?!

Да так сказал, что стало сразу ясно — язвит. Как есть язвит! Но сердиться на лешего сил не было, только спросила потрясённо:

— А ты что, предполагал?

— Да что уж тут предполагать, Веся, — друг верный из пола вылез, прошёл к столу, сел на стул кряжисто, да стул заскрипел от груза такого, и добавил: — Аспид же на тебя токмо и глядит. Где не появишься — за тобой везде взгляд его следует. Так что предполагать не надобно, всё и так ясно.

А вот мне ясно не было совершенно, и я руками развела, потому что слов уже не было, одно расстройство.

— Вёська, — Лешинька на меня посмотрел внимательно. — А то, что водяной вокруг тебя кругами ходит, то тебе как?

— Так то водяной! — ну совсем же разные вещи. — Он с первого дня как тут появилась, охальник тот ещё был. Это когда ты уже пришёл, да Чаща завредничала, тогда угомонился. Да только... — тут я вспомнила слова Води, вздохнула горестно и призналась: — Водя все те шалости творил, чтобы меня развлечь. Я же опосля смерти Кевина света белого не видела, да и не хотела видеть. Лесу, что нас укрыл и спас благодарна была, добром за добро отплатить хотела, вот и заставляла себя вставать по утрам, а так бы, моя воля — и не просыпалась бы.

Помолчала, и добавила совсем тихо:

— Водя сказал, что любит меня...

— Я слышал, — отозвался леший.

И добавил, на меня глядя пристально:

— А вот того, что сейчас в избушке творилось, не слышал.

И так сказал, требовательно, да только...

— Лешинька, прости, но я тебе ничего не скажу, — призналась искренне.

— Опять влезла куда не просили? — грозно спросил друг верный.

— Ага, — покаянно созналась я.

— Да что ж тебе неймётся-то? — пророкотал леший.

— А чтоб я знала, — ответила ему.

Помолчали.

Я молчала в стакан с водой глядя, а леший молчал избушку обзревая. И так как он же блюдо серебряное принёс, он и понял, что дело совсем нечисто коли от серебра вообще ничего не осталось.

— Да-а-а-а... — протянул укоризненно.

А потом вдруг возьми да и спроси:

— Весенька, а когда проснулась поутру с аспидом в обнимку, неужто не поняла, не догадалась?

И вот что тут сказать?

— Лешенька, это ж аспид! — воскликнула негодуя. — Аспид он, понимаешь? Он для меня аки зверь лесной-чудище невиданное. А я ж ведунья, Лешинька, сам знаешь, ко мне и волк прийти может, и медведь, и олени, и косули и прочее зверьё лесное. Ибо ведунья я — возле меня раны заживают быстрее, болезни отступают, а иной раз и кости за ночь срастаются.

— И то верно, — согласился друг сердешный.

Да призадумался от чего-то. Крепко призадумался. Затрещала кора древесная, что ему кожу заменяла, заскрипели суставы.

— Лешинька, ты чего? — спросила встревоженно.

— Ничего, — отозвался задумчиво. — Говоришь, аспид себя как зверь повёл, от того и не заподозрила ничего? Есть что-то в этом, маг-то себе подобного не позволял, может и не прав я.

— Не прав в чём? — не поняла я ничего.

Да ответить леший не успел — в дверь аспид вошёл и спросил:

— Ведунью вторую уничтожать?

Лешинька встретил его взглядом недобрым.

— Прости за слова, быть может, обидные, главнокомандующий, да токмо ты в этом деле всё равно не сдюжишь, — серьёзно ответил

ему леший. — Не так уж просто убить ведунью лесную, особенно мёртвую.

И на меня поглядел, ожидая, что подтвержу его слова, да только... после всего, что тут в избушке случилось, я была вынуждена тихо сообщить лешему:

— Лешинька, он сможет...

Просто я видела, что творит аспид с алхимией, так что уже точно знала — сможет. Вот со мной совладает едва ли — у меня всё же есть леший, чащи и сила ведьмовская, а с мёртвой ведуньей расправится, и ещё как.

И аспид сам это тоже знал. Потому и спрашивал, можно али как?

— Нет, — ответила, поднимаясь. — Это лес Заповедный, аспидуш... аспид, — опосля всего перестала я воспринимать господина Аедана как кого-то близкого. — Здесь кому могут — тем помогут.

И я поднялась, к шкафу направилась, собираясь переодеться, да... остановилась, к аспиду повернулась и попросила вежливо:

— Дверь закрой...те, пожалуйста.

Господин Аедан плечами пожал и дверь закрыл, оставшись стоять в избе моей.

— Эм... — раньше и не подумала бы стесняться, да то раньше, а теперь уж всё иначе. — С другой стороны дверь закройте, будьте любезны.

Ничего не сказал аспид, лишь на лешего выразительно посмотрел. Лешинька усмехнулся, да и исчез. Только после этого вышел аспид, и да — дверь закрыл, аккуратно, но плотно.

Леший тут же материализовался там, где сидел. Головой покачал неодобрительно и протянул задумчиво:

— Да, дела.

Дела были те ещё, ни в сказке сказать, ни у костра вечером расписать. Постояла я, в растерянности, да неловкости, сложно было мне. Как вот объяснить аспиду, что он мне как волк, али как медведь? И вампиры, волкодлаки, моровики и прочая нечисть — примерно так же, разве что при вампирах да волкодлаках приличия соблюдать надобно неукоснительно, и не от того, что на тела мои кто позариться, а потому как иначе оскорбительно то для них будет. И вдруг такая вот ситуация...

— Лешинька, а путь мне к баньке открой, окажи любезность, — попросила жалобно, снимая плащ свой.

Друг верный просьбу исполнил. У него над деревом особая власть, ему из избы мой путь куда угодно открыть было не трудно, а вот мне выходить из избы было надобно, а сейчас... не решилась я.

Леший просьбу исполнил мгновенно, а в баньке и вовсе помог — водой поливал, пока стучащая от холода зубами ведьма, вымывала из волос все еловые иголки, да веточки и листочки, что после ночёвки в лесу завсегда в волосах найдутся. А потом уже я про мыло от русалок вспомнила, с ними всё вымылось запросто.

В избушке с мокрыми волосами и сползающим полотенцем моталась вещи собирала — на стирку русалкам. Можно было и магией, но русалки лучше стирали, да и магию сейчас побережь следовало. Потом переделалась в предпоследнюю чистую сорочку, платье натянула чародейское, сегодня тёмно-зеленое, туфли чёрные, прежние взяла, я в лесу, не до моды. С грустью расчесала волосы, с которых чернота сходить то уже начала потихоньку, вздохнула тяжело.

— Точно с ведуньей надумала? — леший от меня не отходил, видать тоже аспида остерегаться начал, али за честь мою девичью решил попереживать.

Всё ж событие-то какое — на честь эту ценители нашлись, я уж и позабыла что такое случается.

— Точно, — я вновь посмотрела на себя в зеркало и подумала, что опять мне жгучей брюнеткой ходить.

— Может отложишь? — Лешинька не рад был моему решению.

— Отложу, конечно, — вздохнула я. — Тут по ночи бой опять, от того силы придётся беречь. Да только для начала, душу, что в теле заперли, излечить нужно.

Верный друг призадумался, и тихо спросил:

— А сумеешь?

— Трансформация души больших затрат не потребует, — ответила я, вновь проводя гребнем по волосам.

Остановилась, помолчала, глядя в зеркало на себя, такую чужую и непривычную в этом платье чародейском, и тихо добавила:

— Особенно если эту душу подарили лесу.

Леший тяжело поднялся со скрипнувшего стула, ближе подошёл, на меня бледную взглянул да и спросил:

— Как это?

А как...

— Её имя — Дарима. Дарима, то есть — лесу она была от рождения подарена. И лес этот дар принял. Вот почему жизнь в ней бьётся до сих пор, несмотря ни на что.

И я посмотрела на отражение лешего, что стоял за мной. И вот и он и я понимаем преотлично — нельзя жизнью детей распоряжаться так, словно не родитель ты, а господин, и волею твоей ребёнок должен жить, но иные этого не понимают отчего-то. Савран, уж насколько человек вроде неплохой, а и тот Луняшу готов был отдать лесу. И хорошо мне предложил, а если бы Силе Лесной? Силушка согласилась бы, без слов и вопросов согласилась бы, и тогда была бы жизнь Луняши навеки к лесу прикована. Разве ж можно так?

* * *

Когда я вышла из избушки, на клюку опираясь, аспид странно на мои волосы посмотрел. А волосы как волосы, распущенные только, чего на них глядеть?

Вторым, кто поглядел странно, был Савран — достойный купец не в Нармин опосля разговора отправился, время бы потерял, а так в Весянки успел и русалки с кикиморами теперь разгружали телегу.

Вампиры, волкодлаки и моровики сидели в сумраке леса, да и тоже на меня глядели. И вот отдохнуть бы им, а нет — ждут. Интересно же всем, что ж я буду делать с ведуньей мёртвой, что в октагоне бесновалась.

Но никакого представления я для них не устроила.

Прошла тишком к границе защитного восьмиугольника, присела, на клюку опираясь, ладонь к земле приложила и, вскинув голову, посмотрела прямо в мёртвые глаза ведуньи.

Миг, и от ладони моей разрядом молнии по земле помчалась к ведунье изумрудно-зелёная сила Леса. Контур октагона был смят, оплавился горный хрусталь, пошатнулась мёртвая ведунья...

Пошатнулась, да и опала чёрным пеплом.

Вот она была — а вот её и нет.

Но я продолжаю держать ладонь на земле, и по проторенному силой Леса пути, течет уже моя, иная, ведьмовская магия. Она течет споро, да впитывается в чёрном пепле уничтоженной ведуньи.

Секунда, вторая, третья...

И среди чёрного пепла пробивается зеленый росток, рвётся к свету, раскрывается изумрудными листочками...

Когда я поднялась и направилась к ростку, вокруг меня царила тишина. Молчали вампиры, волкодлаки, моровики, русалки, кикиморы, Савран и даже аспид. Все стояли в оцепенении, сопровождая взглядом каждый мой шаг.

А я чего? Я подошла, подхватила росток с горстью земли, да и пошла сажать его, болезного.

И тут позади раздалось нервное:

— А... а госпожа лесная ведунья так с каждым может? — спрашивал неожиданно Савран.

— А чёрт её знает, — нервно ответил ему Гыркула, который обычно вообще с людьми не разговаривает. — Но впечатляет.

И затем ещё кто-то из русалок вдруг сказал тихохонько:

— А волосы-то теперь совсем чёрные.

— Чернее ночи, — поддакнула ей одна из кикимор.

Я остановилась, развернулась и сообщила очевидное:

— Вообще-то я ещё здесь и всё слышу!

— И че? — меланхолично спросил Кот Учёный, проявившись у дерева.

А действительно...

Внимательно посмотрела на Кота... Кот понятливо исчез. Глянула на русалок — те принялись за работу с удвоенной скоростью. На кикимор... кикиморы на меня смотрели как-то... необычно.

— Дааа, — протянула одна из них, поправляя мухомор в волосах зелёных. — Видать аспид как мужик того...

И все посмотрели на аспиды. Даже я. Аспид не сплеховал и не смутился, всё оказалось хуже — аспид оскалился в широкой и очень плотоядной улыбке, особенно ярко выделявшейся на фоне матового угольно-черного лица. И все как-то сразу решили, что пора бы и за работу, а не стоять тут, рот разинув.

И даже я была в числе решивших быстренько самоустраниться подальше от аспиды.

С ростком в руке, сжимая клюку я быстро, хоть и гордо, отправилась к Заводи.

* * *

И вот я иду, уверенная в том, что иду одна, тропу заповедную открыла, на неё вступила спокойно, по ней, родимой, пошла да и вздрогнула, едва позади раздалось тихое:

— Не стоит этого делать.

Остановилась, повернулась, потрясённо на аспида воззрилась. Тот стоял на тропе заповедной, незнамо как на неё вступив, терялся даже в ярком свете дня, словно поглощал солнечный свет полностью, да на меня глядел взглядом пристальным, немигающим, змеиным.

Аспид подошёл неторопливо, руки на груди сложены, взгляд напряжённый, да нет-нет и поглядывает чудище неизведанное на росток, что в коме земли чёрной, тянул листки не к солнцу — в сумраке земли спрятаться пытался. А это значит, я время теряю, а время дорого.

— Присмотрись к ростку, ведунья, ничего странного не замечаешь? — холодно спросил аспид.

— Замечаю, — я вот в этом вопросе про странность была с ним полностью согласна. — Тебя замечаю! На тропу мою встал, а я и не почувствовала... Странно это.

И развернувшись, путь продолжил.

Аспид, тоже продолжил вести себя странно, и зашагал рядом, под мой шаг пытаюсь подстроиться.

А потом возьми да и спроси:

— Почему твои волосы опять потемнели, Веся?

— Госпожа лесная ведунья, — официально поправила я его.

Промолчал зверь легендарный, чудище огненное. Ну да ничего, потом перевоспитаю, и не таких перевоспитывала.

— То как уничтожила ведунью-умертвие... впечатлило, — произнёс аспид.

— Это не я, это лес, — отмахнулась беззаботно.

Некоторое время шли молча, затем Аедан вновь разговор завёл:

— Значит, на территории своего леса ведунья практически неуязвима?

— Ага, — отозвалась, поворачивая влево, чтобы выйти к воде.

Хм, — задумчиво хмыкнул аспид. — Почему же тогда погибло столько лесных ведуний?

Пожав плечами, молвила:

— По глупости.

И тут аспид возьми да и спроси удивлённо:

— А ты как выжила?

Я и остановилась. Затем развернулась резко, на гада поглядела да и спросила гласом негодующим:

— Это ты меня сейчас глупой назвал?

Пожал аспид плечами могучими, да и ответил спокойно:

— А я в чём-то не прав?

И главное издевательский был вопрос! Вконец издевательский! И ответить у меня было желание, непреодолимое почти, да только... у меня на руке росток был дерева живого, живого, но уже скверной пораженного, а аспид, он...

— Может я и глупая, но понять, что ты время тянешь — ума много не требуется! — выпалила гневно.

Ударила клюкой оземь, путь сокращая, и поспешила к Заводи.

А сама нутром чуяла — аспид позади идёт. Легко, неслышно, и даже почти неспешно. Видать ждал, что я с крутого берега вниз к Заводи спускаться начну, да только ждал зря.

«Лesia» — позвала мысленно.

И от обрыва потянулась сплетаясь мостом лоза-лиана, до одного из островков в заводи и потянулась. И ступая по мосту плетённому, я дошла до островка, на него сошла, клюку отложила, земли пропитанной водой коснулась, та, повинувшись, сдвинулась, образуя ямку, вот в неё я растеньице задрожавшее и уместила. А после поднялась и отошла, безмолвно наблюдая за тем, как потянулась живая вода к ростку чернотой покрывающемуся, как скверна с него сходит голубым сиянием, как наливается жизнью крохотное деревце, как замирает, в свете дневном, больше солнца не пугаясь.

Сзади неслышно подошёл аспид.

— Вот оно как, — произнёс задумчиво. — Я уж думал ты тут собираешься колдовской обряд проводить. Волосы вот распустила...

— Я уже провела! — ответила, вздохнув раздражённо.

Присутствие аспида напрягать стало, да сильно. Стоит рядом, вот не смотрю на него, а чувствую — и то, что разделяет нас всего шаг, не больше, и то, что смотрит на меня Аедан, взгляда не отводит. И взгляд тот... Неприятственный!

— Что дальше будет? — спросил вдруг. И уточнил даже: — С ростком этим. С ведьмою?

— А мне почем знать? — спросила гневно. И добавила: — Я ж глупая!

И смерив аспид ледяным взглядом, направилась по мостку обратно к берегу. И главное дошла бы, спокойно дошла, да только тут позади раздалось:

— То есть, ты просто обратила ведунью в дерево?!

Чуть не зарычала в ответ.

Развернулась — аспид за мной шёл, так что вообще рядом был. Посмотрела гневно в глаза его змеиные, да и поправила:

— Я трансформировала душу в яблоню.

Глаза аспид слегка подались в форму округлую, но лишь слегка, и спросила сволочь окаянная огненная:

— В яблоню? Ты трансформировала ведунью в яблоню и это называется «спасла»?!

Я лишь руками развела, одной свободной уже, да надо бы помыть, второй с клюкой, и вот хотелось мне сказать, многое хотелось — но мы посередь моста, а это не самое лучшее место для разговоров.

— Веся, — вдруг прошипел аспид. — Пожалуйста, дай слово ведьминское, что НИКОГДА не будешь меня спасать.

Да запросто!

Плюнула ему под ноги и сказала:

— Держи!

Плевка-то не было, я ведьма воспитанная, но аспид всё равно сопровождал взглядом фантомный плевков, коей упал возле чёрных сапог чудища, опосля на меня глянул настороженно и спросил:

— Это было слово?

— Это я сплюнула с досады! — нервы определённо начали сдавать.

— Бывает, — с такой невозмутимостью произнёс гад, что сразу стало ясно — под этой невозмутимостью подразумевается весьма

паршивое мнение обо мне и моих умственных способностях. — А теперь будь любезна, слово дай, что никогда не будешь меня спасать.

Чуть клюкой не стукнула. А рука-то зачесалась, да так что удержалась вообще с трудом. Да только нельзя было аспида клюкой по башке лупить, он мне, во-первых, с ведьмами помог, а во-вторых, ему ещё войну воевать. От того вздохнула спокойно и не менее спокойно пояснила:

— Я не могла спасти её иначе. Никак. Мёртвых не воскресить. Но её душу, её суть, её сознание — я спасти в силах. И это не просто яблоня, господин Аедан, это ЖИВАЯ яблоня!

А на крик-то всё равно сорвалась в итоге, и стукнуть его хотелось всё сильнее, но... тут дело такое — Леся меня и мои желания хорошо чувствует, а потому, пользуясь тем, что и я, и аспид диалогом разъяснительным поглощены были, выросла девой голозадой, нарастила себе дубину пудовую, да и...

— Леся, прекрати! — потребовала я.

Оскорбилась Заповедная, фыркнула показательно, да и снова вернулась в ивовый мосток, но дубину никуда не убрала — наготове держала.

Видать уверена была, что сдадут нервы мои, не выдержат нагрузки таковой существенной. Но нервы у меня были крепкие, это я точно знала. А потому вскинув подбородок, с вызовом поглядела на аспида.

— Не вижу разницы между ЖИВОЙ яблоней и обычной живой яблоней, — задумчиво признался тот.

Ёлки зелёные, я всё же глянула оценивающе на клюку, собственно оценивая её на пригодность для одного-единственного, но весьма травматического удара по чёрной аспидовой голове. Однако — война и тот факт, что аспид являлся гостем моим, были не в мою пользу.

Вздохнула и терпеливо объяснила:

— Живая яблоня даст особый урожай. Яблоки те переправлю в деревню ближайшую, крестьянка али купчиха, тут уж кого себе в матери изберёт Дарима, съест яблоко и спустя срок положенный народится на свет дитяtko.

Глаза аспидовы как-то очень странно на меня поглядели, но попыток округлиться не больше не предпринимали, а опосля гад всё же уверенно произнёс:

— Поклянись, что спасать никогда не будешь. Вообще никогда. Ни при каких условиях.

Как удержалась опосля такого — даже и не ведаю.

Но удержалась.

Постояла, дыша глубоко, размеренно, затем на аспиде посмотрела и спросила недобрым голосом:

— Что-нибудь ещё, господин Аедан?

— Да, — кивнул аспид. — Ты слово не дала.

Я... сдержалась.

Сволочь же чешуйчатая, руки на груди могучей сложил и продолжил задумчиво:

— Одного не могу понять, хозяйка лесная, как ты вообще собиралась воевать-то с пятью ведуньями?

Скрипнув зубами, скупно ответила:

— Молча.

— Это-то понятно, — аспид упорно не замечал моего гнева. — Умертвия в качестве собеседников в принципе едва ли выступать способны. Но так, в общем, план-то какой-то был, али на «авось повезёт» рассчитывала?

Теперь зубами не скрипела — заскрежетала!

Позади аспиде мгновенно материализовалась Леся, пылая энтузиазмом врезать ему по башке чешуйчатой со всей дури, но я прошипела:

— Не сейчас.

Усмехнулся аспид и подметил саркастично:

— То есть, вариант атаки дубиной остаётся в резерве.

А я всё равно сдержалась. Из вредности и повышенного упрямства. Постояла, подышала и спокойно объяснила ироду:

— Ни о какой молниеносной войне в моих планах речи не шло. Я собиралась поступить проще, но рассудительнее.

Аспид изогнул бровь смоляную, почти на лице-то и не различимую, предлагая поделиться моим планом военным, раз уж он соизволил выслушать. Да только нечем тут делиться, тактика простая.

— Сила леса, — произнесла я, повернув голову и глядя на воду.

Вид на воду, говорят, успокаивает.

— «Сила леса» что? — потребовал разъяснения аспид.

И я поняла, что врут — никакая вода рядом с аспидом вообще никак не успокаивает. Но сдержалась и на этот раз.

— Сила леса, — повторила, сжимая клюку и ладонь свободную в кулак нервный. — Мы бы захватили болота, там посадили деревья леса моего, а опосля продержаться моему войску требовалось бы два месяца, покуда лес не укоренится, и вот после этого, — я резко повернула голову и с вызовом взглянула в глаза аспиды, — всю нежить Гиблого яра я уничтожила бы одним ударом.

Аспид молчал.

— Вот такой план, — произнесла, ожидая слов хоть каких-то.

Но аспид молчал.

Я стою жду.

Аспид молчит.

Я жду.

Аспид молчит, я жду, Леся бесшумно выбирается из моста и азартно замахивается дубиной стоеросовой...

— Не сейчас! — гаркнул на неё аспид.

И Чаща моя оторопела. Я тоже слегка. Дубина сдулась. Где-то в лесу соловей запел.

А аспид вдруг сказал:

— Ты очень красивая, когда так вдохновенно рассказываешь.

Я чуть клюку не обронила!

А Леся дубину не просто «чуть не обронила», она мгновенно оживилась, дубину зашвырнула куда-то в сторону Гиблого яра, выросла за правым плечом аспиды — оглядела его оценивающе, опосля за левым плечом выросла — тоже оглядела, разворот плеч обозначила, и как давай на меня глядеть выразительно! И так намекающее! И вдохновенно! И с энтузиазмом!

И тут аспид возьми да и скажи:

— К твоему сведению, Чаща Заповедная, лично я на всё согласен. Уже давно.

И на меня посмотрел тоже выразительно. Но не так как Чаща, та сияла энтузиазмом, а по-другому — нагловато-мрачно, мол и никуда ты теперь не денешься.

А вот это уже зря!

— Послушай, аспидушка, ты кракенов видел? — спросила раздражённо.

— Допустим, — ответил аспид, не сводя взгляда пристального с меня.

Гнев вскипел моментом, гневно и ответила:

— А вот теперь допусти, что ты с кракеном страстно лобызаешься!

Аспид молча изогнул бровь, а за его спиной снова выросла Леся, на меня посмотрела укоризненно, головой покачала недовольственно и... и начала мне на картинках из листьев и веточек сплетаемых, демонстрировать где, как и в чём конкретно я не права, а так же, что...

— Кракены — яйцекладущие, — менторским тоном добил аспид.

Ну это стало последней каплей.

Сжав клюку, я сделала шаг к гаду, и прошипела получше любой змеи:

— Что ж, аспидушка, вот и поняла я, отчего племя ваше повымерло-то. От незнания! Видишь ли, друг мой, змеи тоже яйцекладущие! И оттого, аспидушка, мой тебе совет, добрый да дружеский, ты на меня не взирай, ты к кракенихам присмотришься!

И резко развернувшись, как не свалилась ума не приложу, я гордо направилась вниз по мосту, и даже вполне себе отлично шла, когда услышала позади:

— Аспиды — живородящие. И, к слову, некоторые виды удавов так же относятся к живородящим. Леся, я полагаю, твоей хозяйке не помешает пространная лекция на данную тему. Образование у неё хромает, да ты и сама знаешь — в избе целая гора книг нечитанных валяется, вот и озаботься, Чаща Заповедная.

Когда я обернулась, пылая гневом — аспид лишь галантно склонил голову и исчез, в призванной алхимической пентаграмме.

А вот я замерла.

И не от гнева обоснованного. Не от ярости, что требовала возмездия.

От воспоминания.

Я вдруг поняла, что я его уже видела. Именно его, аспиды. Когда-то давно, в той, прошлой жизни. Эта поза, поворот головы, менторский тон... чёрный костюм и шляпа, тоже чёрная. Я его уже видела. И тогда он не был аспидом!

А кем был?!

— Изыди! — прошипела я раз в двадцатый, наверное.

Чаща мигом исчезла, один токмо листочек и виднелся из-под закрытой двери, но этот листочек был настороже, да не просто на стороже — выжидал он.

— Изыди, я сказала!

Листочек нехотя убрался, скользнув в щель под дверь.

Аспид фактически сказал Лесе «фас» и вот теперь Чаща радостно взялась выполнять команду. И, главное, вообще слушаться перестала. Бесит.

Посидела за столом, глубоко дыша, подержала пальцы у висков, стараясь в себя прийти да успокоиться, опосля на блюде серебряное поглядела, яблоко по нему пустила и произнесла имя ненавистное:

— Тиромир.

Несколько секунд туманилось пространственное окно, затем мигнуло серебром и взглянули на меня глаза голубые, чёрным углём подведённые.

Тиромир... Широки его плечи, подбородок квадратный героический, взгляд прямой, да в глазах ненависть.

— Валкирин!

Произнёс, что сплюнул, утереться захотелось.

Но лишь выше подбородок вскинула — прошли те времена, когда этот маг мог сделать мне больно. Больше не может. И уже никогда не сможет.

— Ты позвала, — между тем продолжил Тиромир с издёвкой. — Неужто понадобился, Валкирин? Сейчас. Спустя столько лет. Спустя столько обманов!

Я лишь улыбнулась. Что сказать? Чем ответить?

Он верил, что это я бросила его, сбежала перед свадьбой с другом его лучшим, что я предала, а Кевина убила и тем в силу вошла. Вот та правда, которую ведал он. Один нюанс в его правде был — это я забрала снятый им обручальный браслет. А потому да, всё выглядело именно так: я сбежала перед нашей свадьбой со своим любовником, я предала его, я его бросила.

— Смысла нет прошлое ворошить, — спокойно сказала. — Вопрос у меня к тебе, маг Тиромир.

Да и замолчала. Тиромир был мне врагом. Исконным, ярым, яростным, а потому слова подбирала я осторожно, и информацию следовало под контролем держать, чтобы ничем лишним не обмолвится.

— Так значит, — Тиромир усмехнулся издевательски и одной этой усмешкой так мать свою напомнил. — Валкирин, ты меня дураком набитым перед всей столицей, перед всем миром выставила! Ты друга моего ближайшего, мне дорогого — сгубила. Ты...

Договорить я не дала, перебила спокойственным:

— Тиромир, а помнишь, гуляли мы с тобой и Кевином как-то близ театра?

Маг умолк, с ненавистью взирая на меня.

— М-м, — протянула задумчиво. — Мне тогда лет сколько было? Шестнадцать-семнадцать? Не помню точно. Одно вот только в памяти вдруг возникло — возвращались мы с премьеры той примы театра, коей до того усы на всех афишах малевали. Шумно было, многолюдно, фонари ярко горели, экипажи подъезжали, и был там мужчина. Имени не знаю, лица не помню. Мы карету твою ждали, а этот мужчина помог своей даме, актрисе той, сесть в экипаж, на нас поглядел да сказал сурово, что экзамены у вас впереди и следовало бы учебой заняться, а не художествами. Кто это был?

Тиромир хотел было ответить издевкою, но вдруг осёкся, замер. Призадумался. А затем неверяще произнёс:

— Я не помню.

Помолчал, да и добавил:

— Я лица его не помню. Слова — да, карету дорогую, спутницей его точно была примадонна театра, такую не забудешь, с цветами... точно — розами алыми да в красном платье, её припомнил отчётливо. А мужчину... нет.

И на меня поглядел вопросительно, даже ненависть схлынула.

Оно и понятно — он маг, память у него отменная, магам-то память тренируют сызмальства, и вот то, что он и вдруг лица не припомнил, это уже интересно до крайности.

Неужто аспиды не вымерли, а живут себе преспокойственно среди людей, скрываясь крайне умело? Настолько умело, что боевой маг, гордость школы, и тот лица его не упомнит, а значит — не видел!

— Валкирин... — вдруг позвал меня Тиромир.

Враждебно на него взгляд подняла. А потому что недруг он мне, и я это теперь знаю. А он... он знал другое.

— Почему ты меня бросила? — и в голубых глазах бесчувственного мага, вдруг показалась боль.

Не поверила бы, никогда не поверила бы, но я ведьма, я такие вещи вижу. А вот отвечать... Отвечать мне не хотелось, и рассказывать, и доказывать. Отболело.

И потому сказала я лишь одно:

— А почему ты браслет обручальный снял, Тиромир?

И побледнел маг. Как полотно белый стал. Да взгляда моего не выдержал, глаза опустил, и лицо будто окаменело, только на скулах желваки ходуном ходят.

Ну вот и всё. И объяснять ничего не нужно.

Потянулась я за яблочком наливным, связь разорвать, да только вдруг вскинулся Тиромир, и торопливо, словно жизнь свою пытался возвернуть, выпалил:

— Ты бы выжила, Веся! А я стал бы магистром, и сумел бы защитить нас обоих! Я ради нас на это пошёл! У тебя же нестабильный дар был! Что ты могла, Веся? А ничего! Прирождённая ведьма с нестабильным даром! Два всплеска силы за всю жизнь! Последняя по успеваемости в школе! Без перспектив и потенциала! Но мне было плевать на это, Веся, мне всегда было плевать, мне ты нужна была. Такая как есть! Только ты! А ты... Ты выбрала другого! И ради чего? Оглядись — ты живёшь в прогнившей избенке посреди леса! Вокруг тебя одни нелюди! И это твоя идеальная жизнь? Ты всегда любила столицу, гулять по улочкам старого города, прорваться с боем на премьеру в театре, наслаждаться запахом кофе из кофейни на углу, ты... Ради чего?

Помолчав, я спокойно взглянула в его глаза и ответила:

— Говоришь, я бы выжила? Тиромир, ты снял обручальный браслет. Ты. Его. Снял. Мы ведь оба знаем, что это было мерой предосторожности на случай, если на алтаре я всё же не выживу.

И маг опустил взгляд.

Я улыбнулась с горечью, потянулась за яблоком и прервала связь.

Несколько секунд сидела, глядя вперёд и не видя ничего... но больно уже не было. Отболело. Ушло вместе с последним вздохом

Кевина. Всё ушло. Осталась я, только я и ответственность за лес, ставший мне домом.

И тут яркой вспышкой вдруг вспомнилось:

«Да как же ты вообще в этом жестоком мире появилась такая?!»

Мы так часто не ценим то хорошее, что происходит в нашей жизни и понимаем, что потеряли — лишь потеряв... Вот так и я. Был у меня охранябушка, а теперь нет его, потеряла. Ведь могла спасти. Остановить могла. Задержать в своей жизни хоть на денёк-другой, и все ведь тогда было бы по-другому. Не погибли бы волки, не полезла бы я в Гиблый яр так вот, по глупости, но с другой стороны Ярина погибла бы, а я об том и не узнала бы никогда.

Вот так, стоит оглянуться на всю свою жизнь, и не знаешь, что лучше-то.

И вдруг яблочко наливное, что держала в руке, из пальцев выскользнуло, само по блюдцу серебряному закрутилось, затуманилось серебро и взглянули на меня глаза синие-синющие, как летнее небо перед грозой.

— Ну здравствуй, Веся, — произнёс архимаг Агнехран, собирая волосы в привычный низкий хвост.

Я удивлённо моргнула, да на яблочко наливное предательское поглядела.

— Как ты? — продолжил маг, размяв шею и поправив воротник рубашки.

Как я?.. Эм...

— Ддда хорошо всё, — голос дрогнул от растерянности.

— Как домовой, леший, водяной, чтоб его? — продолжил светскую беседу Агнехран.

Я сидела оторопевшая, и от неожиданности даже отчиталась по всем пунктам:

— Э-м... Домовой поганки сушит, потом будет на шишки хмеля у лесовиков менять. Леший трудится рук не покладая. Водяной, чтоб его, пока никак его, вечером токмо свидимся, да и ночь коротать тоже вместе придётся. А... Вы как? И как маг тот молодой... Димитру, кажется?

— Данир, — с улыбкой тёплой поправил архимаг. И добавил тут же: — Мне приятно, что ты имя его не запомнила, значит не по нраву пришёлся, тем лучше.

— Для кого лучше? — смысл разговора ускользал ужом вёртким.

— Для меня, — Агнехран улыбнулся широко и провокационно.

Но прежде чем всё осознала, мгновенно улыбаться перестал, да серьёзно продолжил:

— Девять лешаков на данный момент схвачены. Ведьмака захватили так же. Слабоват оказался, я полагал, ведьмаки способны на большее. Ингеборг и его сын Тиромир в данный момент в розыске. Но, нам удалось засечь ваш разговор. О чём беседовали?

Последний вопрос был задан вполне мирно, вот только не смотря на спокойный тон и лицо приветливо, слышалось в том вопросе угрожающее звериное рычание, да и оскал у лорда Агнехрана чудилось что звериный.

Но мелочь одна имелась.

— Вот вам и сила ведьмака недооценённая, — улыбнулась грустно.

Агнехран бровь изогнул вопросительно. А я... Я на него смотрела и другого в нем видела. У магов кожа завсегда чуть темнее, от того что первый щит они на себя мазью наносят, а та мазь часть лучей солнечных поглощает, вот и выходит, что лицо темнее кажется. Вторая ступень защиты — подведённые чёрным углем глаза. Уголь тот не простой, две функции выполняет, первая защитная, а вторая — внимание врагов к глазам приковывает, от того проще завладеть волей противников, проще внушить желаемое. Маги опасны. Очень опасны. Настолько, что забывать об этом не следует. Никогда не следует.

А ещё — маги нам, нечисти, прямые враги. И потому я сидела и думала — говорить, али не стоит? Ведь если сказать — ведьмаку уже не выбраться и тогда у магов будет преимущество. А не скажу... преимущество появится у Тиромира с Ингеборгом. И выбор мой должен бы был быть очевидным, всё же ведьмак мне ближе, чем маги, но Агнехран был без слоя защиты, от того казался ближе и роднее, а ещё вчера по ночи маги лешаков остановили. Остановили защищая нас, магам-то лешаки и даром не сдались, а вот нам беду могли принести немалую.

И вздохнув, я сообщила нехотя:

— Если вы Тиромира не можете засечь, в то время как о разговоре нашем проводали, значит, конечную точку соединения прикрывает ведьмак.

С некоторым удивлением посмотрел на меня архимаг, устало покачала головой я, да и пояснила:

— Ведьмак — наполовину нечисть, наполовину нежить. Идёт он по грани незримой, от того неживое чувствует, да магически одарённую нечисть выследить и убить способен. А ещё ведьмак способен, даже находясь в магической темнице, использовать пограничное состояние и скрывать от магического поиска.

И потому ведьмака следует убить. Но даже в этом случае, своим последним желанием, он может скрыть от магического поиска, к примеру, Ингеборга с Тиромиром. И я собиралась сказать об этом, вот только архимаг перебил задумчивым:

— Усиление изолирующего заклинания?

Молча развела руками. Я не знала. Не знала, что такое в принципе это изолирующее заклинание, и не ведала его возможностей.

— Объясни... те что это, и я постараюсь разобраться, — это было единственное, чем могла помочь.

И любой маг от такой «помощи» отмахнулся бы надменно, но этот был не таков.

— Сейчас.

Сказал кратко, притянул лист бумаги и принялся за работу. Схему чертил сосредоточенно, даже не заметил, как прядь выбилась и упала на его лицо, лишь головой дернул, да и продолжил, а я... у меня сердце замерло на миг, а потом забилося как сумасбродное от одного этого движения. Впрочем — сумасбродное оно и есть, сердце моё.

— Вопрос у меня к вам, лорд Агнехран, — произнесла я, перед самой собой оправдывая тот факт, что всё ещё продолжаю на мага пялиться.

— Слушаю, — кивнул архимаг, сосредоточенно работая над схемой.

Ну я помолчала пару секунд, с силами собираясь, а затем и спросила:

— Каково сейчас количество аспидов на континенте?

И дышать перестала.

А занятый схемой лорд, кратко и по-военному отрапортовал:

— Зарегистрировано сто семнадцать особей. Под подозрением ещё более пяти сотен. Мы не так давно занялись...

И тут Агнехран умолк.

Затем очень медленно поднял голову и посмотрел на меня. Я всё так же продолжала смотреть на него.

Наши взгляды встретились.

Я, оказывается, очень соскучилась по вот этому удивительному цвету глаз, темно-синему, вроде так и не выразительному, а запоминается почему-то, и потом глядишь в небо, а там всё время какой-то не тот цвет, какой-то не такой. В общем, что-то давно дождя с грозой не было.

Улыбнулась неловко архимагу, повернув голову, посмотрела в окно. Значит установлено сто семнадцать особей... То есть, на мой зов мог явиться не один аспид, а сто семнадцать. Даже если бы пришла треть — Гиблый яр мы отвоевали бы за день.

— Обидно, — прошептала я.

— Ты... о чем? — неожиданно напряженно спросил маг.

— Об аспидах, — дождя, судя по погоде, в скором времени не предвидится, тем более с грозой. — Могли бы и откликнуться на зов.

Удивительно, вроде хорошую новость услышала — не повывелись... в смысле не повыродились ещё аспиды в нашем мире, а с другой действительно обидно мне стало, как ведунье обидно, что возвала к нечисти, а они взяли и не пришли.

— Среди аспидов мало достойных магов, — почему-то вступился за огненный народ архимаг. — В основном бытовая магия и, естественно, способности к перевоплощению, без них никого не выпускают из закрытых территорий.

Я вновь на него поглядела, да с нескрываемым недоумением, Агнехран улыбнулся мне краешком губ, и, вернувшись к схеме, продолжил:

— В основном аспиды не покидают исконных земель обитания, предусмотрительно дистанцируясь от человеческих поселений. Но те, кто сумел преодолеть испытания, некоторое время живут среди людей, иногда достигая весьма высоких должностей.

И он вернулся к схеме.

Умный, сразу видно. Умный, уверенный и упорный — такие маги добиваются многого, а дальше... Сила рождает власть, власть даёт вседозволенность, вседозволенность порождает пороки и ослабление контроля. И... сколько ещё раз я должна себе напомнить об этом,

чтобы перестать видеть в данном маге того, кого в нём никогда не было?!

Или был, но где-то глубоко внутри, на уровне инстинктов и гордости. И от чего-то захотелось спросить кто он? Где родился? О чём в детстве мечтал, глядя в синее небо? Был ли счастливым или рос одиноким, а к власти шёл, стиснув зубы и не оглядываясь на потери? О многом хотелось спросить, но я не спрошу. Никогда не спрошу.

— О чём с Тиромиром разговор был? — вдруг задал вопрос архимаг.

И растерявшись, я почему-то даже сразу ответила:

— Я спросила о встрече давней, он ответил... — и на этом моя растерянность закончилась.

Поднял взгляд на меня Агнехран.

Непримиримо сложила руки на груди я.

— Видимо больше ничего не скажешь, — понял маг.

Понятливый.

— Что ж, перейдём к делу.

И Агнехран продемонстрировал мне схему, в которой было два встроенных круга, символ огня, символ воды, символ камня, символ воздуха. Вот воду, огонь, землю и воздух контур и блокировал. Их, да и только.

Я протянула руку, воспроизводя схему перед собой сияющим зелено-огненным рисунком, коснулась пальцем, вливая силу свою и та, минуя все преграды, потекла во все стороны.

— Понял. Сейчас исправлю.

И вернув лист на стол, архимаг стремительно начал дописывать символы, дорисовывать схемы и формулы.

И вдруг произнёс, словно невзначай:

— Тиромир Мережский убежден, уверен и свято верит в то, что его возлюбленная в ночь перед свадьбой сбежала с его лучшим другом Кевином Ланнероном. Мне показалось, или магистр действительно в неведении по поводу причин твоего побега?

Я вновь молча сложила руки на груди. Отвечать не собираясь вовсе.

Маг мельком взглянул на меня, усмехнулся, дёрнул головой, прядь с глаз убирая, и быстро завершил рисунок.

Протянул, позволяя рассмотреть.

И всё повторилось — я воспроизвела рисунок в пространстве перед собой, пустила ведьминскую силу и потекла та сила, да о препятствие ударилась! А где оно взялось то препятствие, мне и неведомо было. Но я ведьма, а у нас порой сила одно, а разум совсем другое. И пока мой разум понять не мог, в чем тут дело то, сила выход нашла, исподволь, минуя магические барьеры и стремясь на свободу. Ведьмы в целом всегда стремятся к свободе.

— Так, уловил где недоработка, — произнёс Агнехран и вновь за работу взялся.

И вдруг там, у него, дверь распахнулась, вошёл кто-то, да сказать ничего не успел:

— Вон! — не поднимая головы, приказал архимаг.

Но вошедший хоть и поколебавшись, всё же робко сообщил:

— Мой лорд, к вам... ведьма.

Замер Агнехран, затем повернул голову и взглянул на визитёра так, что я бы на месте того визитера бежала бы прочь сломя голову.

А пришлому магу на такое ума не хватило, от того затараторил он запинаясь:

— Ннне ваша ведьма, вашу, как полагается, мгновенно сопроводили бы, но это тоже ведьма и... она настаивает и...

Архимаг медленно сузил глаза. И взглянул так опасно, что даже настойчивому докладчику нехорошо стало. Тот заткнулся, да торопливо вышел и даже дверь закрыл осторожненько за собой.

Безмятежно вернулся Агнехран к работе своей, задумчиво сидела я, размышляя лишь об одном — кто ж та ведьма то?

— Утолить твоё любопытство? — вдруг словно невзначай произнёс маг.

— О нет, не стоит, перебуюсь. А ты поторопись, недосуг мне тут... сидеть с тобой.

Вскинув взгляд, улыбнулся мне Агнехран, да так улыбнулся, что сердце снова зашлось, а маг силу свою призвал.

И в сиянии появившихся формул и схем я всю крепость магическую увидела, со всеми этажами да уровнями, полигонами и ристалищами, магами и магистрами, чудовищами да чудищами, коих в зверинце никак для изучения держали. А шагах в ста от лорда Агнехрана увидела я группу магов, щиты призвавших и ведьму на месте удерживающих.

Древнюю ведьму.

Такую древнюю, что её магия шлейф оставляла, словно бы королевский или даже императорский. И такая сила от неё исходила, что внезапно поняла я — ведьму на месте удерживают вовсе не маги... её держал архимаг Агнехран. А вот сейчас в единый миг препятствие на пути ведьмы убрал. И та, решив, что одолела охрану, ринулась к тому, кого видеть столь сильно жаждала.

Сминались преграды на её пути, рушились стены, сгорали двери.

И лишь последняя дверь распахнулась издевательски-радушно.

И на миг приостановилась ведьма, осознав, что не вторглась — позволили, что не нарушила приказ — а чужому плану следовало. Но отступить не стала.

Поколебалась лишь миг и плавно — пантерой гибкой, кошкой грациозной, тенью лёгкой, весной сияющей полной жизни вступила в кабинет мага сильнейшая из всех существующих ведьм.

Велимира!

Самая красивая из нас. Волосы её были чернее воронова крыла, глаза синее королевских сапфиров, губы, словно лепестки алой розы, чёрное платье белизну кожи оттеняло да тонкий стан подчеркивало. А и подчеркивать имелось что — прекрасна была Велимира, высока грудь её, тонка талия, круты бедра... Красивая ведьма, самая красивая из всех. Ведьма, что семьи не имела, любви не знала, и весна её — ещё впереди.

А значит... ей, в отличие от меня, было, что предложить архимагу.

Но Велимира не стала бы старейшей из ведьм, если бы сразу начинала с козырей. О нет, эта ведьма была слишком умна, чтобы делать деловое предложение ещё до того, как его пожелают услышать. И она сделала всё, чтобы пожелали...

Плавно шаг сделала, поклонилась аки лебедь белая, выпрямилась царицею гордой да величественной, локон волос, чернее вороного крыла, на спину откинула, медленно взгляд от пола подняла, да и...

Да и дошло до неё очевидное!

Осознала она, что на гостью хозяин и не взглянул ни разу... Вообще не взглянул. Вот вообще. И я даже на миг пожалела её чисто по-женски — ведь столько стараний, платье вот на ней же красивое, волосы небось долго укладывала, глаза сурьмой подведены, губы алые

идеально покрасила, а всё зазря. Архимаг всё так же на неё и не посмотрел даже.

На меня он с усмешкой смотрел, мою реакцию отслеживал, и от того... Покраснела я, осознав, что на меня вот всё это время лорд Агнехран и взирал, глаз не отводил, и это пока я...отвлеклась значит, а он вот... он...

Мрачно посмотрела магу в глаза. Маг нагло и широко улыбнулся в ответ.

Я губы поджала. У него улыбка стала лучезарнее.

Я нахмурилась. Он укоризненно головой покачал, да и спросил у гостьи незваной:

— Зачем пожаловали, неуважаемая?

Вспыхнули алым сапфировые глаза ведьмы и на миг, всего на краткий миг прожитые годы отразились на прекрасном лице, а после так, что аж у меня в груди заныло, произнесла-пропела Велимира:

— И от чего же, позвольте узнать, такое неуважение?

И так она это сказала! Это надо же так уметь говорить! Много я про Велимиру слышала, да что говорить — мы её деяния на уроках по Истории Магии изучали, но в жизни не ведала, что вот так проникновенно, проникающее, прочувствованно говорить-то можно. Такая слово произнесёт — а ты уже заслушался, и внимать далее готов до бесконечности.

Но то я, а вот архимаг, всё так же даже не взглянув на гостью, холодно ответил:

— Неуважение без причины не возникает. У вас десять секунд.

Маги, они завсегда на цифры упор делают, так у них заведено, а для нас, ведьм, это противоестественно. Ведь что такое десять секунд? Для кого-то миг, для кого-то вечность, разве могут цифры передать хоть что-то?

Но Велимира в маговской крепости была, а в чужую магическую крепость со своими правилами не лезут. Вздохнула судорожно, выпрямилась величаво, да и сообщила гласом своим проникновенным:

— В Заповедном лесу, о коем вы заботитесь столь... ненавязчиво, появился враг.

Что?!

Меня ни на миг не взволновал намёк, недвусмысленно допущенный ведьмой — я знала о том, что лорд Агнехран о лесе моём

заботится, да объяснение тому простое было, маг не любил должным быть, а я ему жизнь спасла, вот и заботился, как мог долг за жизнь возвращая. Он в принципе оказался очень гордым — когда охранябушкой был, был мне всеми силами налаживал, платил стало быть за лечение, а теперь, когда силу вернул, помогал уже иначе. Так что, о заботе слова были мне понятны, но кого ведьма сочла врагом, вот что было мне неведомо.

И тут архимаг меланхолично констатировал:

— Пять секунд.

И это для Велимиры ударом стало. Вздогнула ведьма, на Агнехрана, так ни разу на неё и не взглянувшего, поглядела с ненавистью, да прошипела яростно:

— Аспид!

Безразлично пожав плечами, архимаг добил педантичным:

— Две секунды.

Ведьма чуть не взревела, и от того по звериному прорычала:

— Он алхимик!!!

И я застыла.

Алхимия на континенте была под запретом. Под строжайшим запретом. А в нашем королевстве и вовсе смертную казнь за собой влекла, а потому... побледнела я. Ведь аспид, тот что у меня, его магам и даже архимагам не достать никак, но что с теми, кто среди людей жил и о коих лорд Агнехран знал? С ними что будет теперь?!

Вот змея же, а! Кто бы ей язык укоротил, твари такой?!

И в смятении посмотрела я на Агнехарана, а тот сидел, насмешливо глядя на меня, на губах его играла улыбка загадочная, в глазах смешинки плясали, и в целом — взбешенным и гневным архимаг не выглядел. Авань... пронесёт?

А маг, весело подмигнув мне, властно и холодно ответил ведьме:

— Время вышло. Где выход вам известно.

И вернулся к схеме, безразличный совершенно к тому, что позади него стоит самая могущественная ведьма современности! А это было зря! Очень-очень зря! Потому что он не только одну из Верховенствующих оскорбил, он с пренебрежением отнёсся к женщине, абсолютно уверенной в своей неотразимости и красоте. И именно это привело её в бешенство и ярость, которые ведьма почти не контролировала.

Вспыхнул гнев, заискрилась бедой-опасностью сила ведьмовская, взметнулись чёрные волосы, воссияли синие глаза, вскинула руку ведьма и сорвались с её алых губ слова страшные, слова вечные, слова... которые каждая ведьмочка учила перво-наперво, ведь любимой каждая быть хочет, а соблазн приворот использовать он всегда есть!

И не сдержала я испуганного возгласа, в порыве прижав ладонь к блюдцу серебряному...

Да кто бы знал, чем всё обернётся!

Ладонь, к холодной поверхности блюдца серебряного прижатую, вдруг обхватили пальцы горячие, да обхватили с такой силой — что и не высвободишься! А после рывок и пространство сминается, а я потрясённо смотрю на мага, что протащив по столу моему и своему, прижал к себе, обнял, в защитном жесте вскинул руку и отшвырнуло заклинанием самую древнюю ведьму современности! И с нею часть стены, и окно, и шкаф какой-то. И от того стали видны мне горы, самые вершины снегом покрытые, а ещё холод ворвался зверский... А я три года ни холодов ни снега и в глаза не видела, но несмотря на запах мороза, чудился мне другой, родной аромат леса моего Заповедного, словно охранябушка весь им пропитался, а теперь вот и со мной делится.

Секунд десять мне так казалось!

А опосля рванулась я, из тёплых объятий пытаюсь безуспешно вырваться, но жестче стали руки, крепче объятия, и дыханием тёплым коснулись моих волос тихие слова:

— Веся, не украл — лишь обнял. Только обнял, вреда не причиню. Я скорее руки себе отгрызу, чем тебя обижу. Ещё миг, одно мгновение... пожалуйста.

И застыла я. Замерла. Руки, что кулаками в грудь мага упирались, раскрылись ладонями, и ощутила я, как сердце его бьётся сильное. Быстро бьется. Так скоро-скоро, словно настучаться не может. И вроде так и есть — не может.

— Маг, — тихо позвала, щекой к груди его прижимаясь. — А долго держать будешь?

— Ннне знаю, — а сам лишь крепче обнял. — Не хочу отпускать. Не хочу... Знаешь, платю твоему завидую — оно с тобой, к коже твоей прикасается. Клюке завидую — та всегда с тобой. Лесу

завидую — он тебя видеть в любой момент может. А я нет. Видеть не могу, обнять не могу, рядом быть не могу.

Замолчал он, губами к волосам прижался, дыхание тёплое ощутила, да как всё быстрее бьётся сердце ретивое.

— Не могу без тебя, — хрипло прошептал Агнехран. — Ты в мечтах, ты во снах, ты в надеждах... Глаза закрою и ты перед внутренним взором, как наяву. Ощущение, что вся жизнь серой мутью была, а в лесу твоём сказочном вдруг стала светлой, озарённой, волшебной.

— Так... Заповедный же лес, от того там и светло и сказочно, — прошептала я.

Маг усмехнулся, вздохнул и сказал негромко:

— Да бывал я в лесах Заповедных, Веся, часто бывал, так что не в лесу дело. Это ты освещала для меня весь мир, это ты его озаряла, и это ты волшебная. Ты, а не лес.

Я... волшебная...

Так приятно стало, улыбнулась даже, и точно почудилось — охранябушка это, мой охранябушка, такой родной. Вот только...

— Ты никогда со мной не будешь, — произнёс Агнехран то, что знали мы оба.

Я промолчала. Глаза закрыла да и сердца стук его слушала, сердце слушать хотелось, а вот мага нет.

— Прав я, да, Веся? — спрашивает ожесточенно, а обнимает так нежно. — Даже если сама полюбишь, всё равно никогда?!

— Никогда, охранябушка, — едва слышно прошептала в ответ.

— Потому что маг?!

— Да.

Вздохнул судорожно, будто не слово сказала, а удар ему нанесла, да не словом — орудием острым, и молвил:

— А мне как жить, Веся? Ты лесная хозяйка, ты по ночи снов не видишь, а я ведь вижу, Веся. И в каждом из снов моих — ты. Абсолютно в каждом.

Что я сказать могла? Ничего ведь. Обняла только, к магу прижалась, глаза хоть и закрыла, а чувствую — слезы жгут невыплаканные.

Только... не изменишь уже ничего. Поздно менять.

— Ты маг, — сказала тихо. — Ты маг, Агнехран. А знаешь, чем маги от людей-то и нечисти лесной отличаются?

Хотел было он сказать что-то, да не стал, лишь спросил глухо:

— Чем?

— Эгоизмом.

И отстранилась я от архимага, в глаза его синие, как небо летнее перед грозой заглянула, каждую чётточку запомнить пытаюсь, чтобы сохранить, хотя бы это сохранить.

Улыбнулась горько, да и пояснила:

— Ты меня без спросу из лесу порталом вытащил. А я лесу хозяйка, Агнехран, последнего Заповедного леса единственная хозяйка. А потому, едва исчезла я из лесу, ощутил это леший, да искать кинулся. Сначала он у водяного осведомится, опосля у чащоб моих заповедных, а вот когда поймёт, что никому ничего не ведомо... Вы ведь о нечисти моей даже не подумали, да, лорд Агнехран?

Замер маг. На меня глядит, дышит тяжело. Что в уме его творится было мне не ведомо, а на лице ничего не отражалось — архимаг он, эмоции скрывать умеет.

Но имелось и то, чего и архимаг не умел.

Он попытался открыть один портал. Ещё одни. Третий, четвёртый, пятый. А опосля был вынужден признать:

— В избушку открыть проход не могу.

— Так-то дело понятное. А вот если бы смог, тогда бы уже я встревожилась, — ответила с улыбкою.

Протянула ладонь, прижала к щеке его, и глаза на миг прикрыла... И не хотелось. Ни глаза открывать, ни руку убирать. Охранябушка небритый был, щетина жёсткая, а всё равно тепло кожи человеческое сердце согревает, и вот стою я, и... и дальше стоять хочется.

— Веся, — тихо произнёс маг. — Я люблю тебя.

И распахнулись ресницы. На Агнехрана гляжу, по щекам слезы ручьём, а ответ... Один у меня ответ:

— Вот сюда открывай, — прошептала я, и отправила видение места нужного архимагу.

И вот я на него смотрю, он на меня...

Засиял портал.

Подхватил меня маг, шагнул на пригорок травую поросший, и отпустил.

А я всё так же на него смотрю, не отошла, не отодвинулась.

До леса моего шагов десять, я это ощущаю, даже не оборачиваясь. Леся и Ярина ошетинились разом, видать с ног сбились меня разыскивая. Рык лешего разъярённого на весь мой лес Заповедный раздался. Клюка верная примчалась, передо мной негодуя остановилась — сжала её не глядя даже.

Я на Агнехрана глядела. Всё так же на него. Ему и сказала:

— Ты не ходи так, без крема защитного да сурьмы магической. Нельзя так. Береги себя.

Усмехнулся маг, и молвил тихо:

— Не хочу я себя беречь. Я кроме тебя ничего больше не хочу. И жизнь без тебя мне не нужна тоже.

И не выдержала я. Клюку отпустила, к магу шагнула, обняла крепко, изо всех сил, к груди его прижалась и прошептала:

— А ты всё же береги, охранябушка. Ты береги, пожалуйста. Хотя бы ради меня.

И отстранившись, на него не глядя, зашагала к лесу своему, клюка рядом скакала.

А уже на границе, в шаге от Ярины, обернулась я — маг там стоял.

— Уходи, — попросила, с трудом молвив.

— Уйду, — устало ответил Агнехран. — Ты сейчас еще два шага сделаешь, в безопасности, окажешься, вот тогда я и уйду.

Улыбнулась я, сама не зная чему.

Попятилась назад, те самые два шага и сделав.

А маг стоит.

Ещё шаг назад, на него смотрю.

Стоит и улыбается.

И я стою.

Впереди меня Ярина, позади Леся и леший злой. Ох и злой, трещит корой так, что на весь лес слышно. А я стою и на охранябушку смотрю.

Он стоит, руки в карманах, и на меня смотрит.

— Я уже в безопасности, — сказала, голос повысив. — Можешь уже идти.

— Могу, — согласился маг.

И остался стоять на месте.

И хорошо нам так было, да только подошёл леший, взял клюку мою, оземь ударил и всё на этом. Закончилось всё.

Вот только Агнехран меня и перед другом верным защитил, громко сообщив на прощание:

— Я её через блюдо серебряное вытащил, её вины в том нет. Коли надобность есть — с меня спрашивай.

* * *

Леший метался по моей избе мрачной грозовой тучей. Ну, это если бы туча могла так топать, чтобы сотрясалось всё. Даже домовый не выдержал и сбежал к русалкам с кикиморами. За окном день сиял, русалки столы накрывали, кикиморы к огню попривычнее были, оттого супец варили, леший гневался, а мы с Агнехраном... а работали мы.

— Так? — спросил маг, находящийся по ту сторону блюда серебряного.

Я схему ту просмотрела, воспроизвела — утекала моя магия из круга изолирующего. Не вся, крупинками аки каплями, но утекала.

— Хм, — произнёс Агнехран задумчиво, снова схему водрузив на стол перед собой.

Сидел задумчиво, я просто сидела и на него смотрела. Хорошо мне было. Просто вот хорошо. А вот леший гневался и не скрывал того.

— Веся, а аспид где? — вдруг спросил друг верный.

— Дык мне почем знать? — удивилась я.

И так как на охранябушку смотрела неотрывно, заметила, что замер он, вот что-то писал, формулу высчитывая, а тут рука словно окаменела.

— Так ты ж его последняя видала, — леший сел на стул, последний заскрипел жалобно.

— Был разговор, — признала нехотя. — Тактику обсуждали со стратегией. А как закончили, я в избу возвратилась.

И тут вдруг архимаг возьми да и скажи:

— Возвернулась, да... Тиромира на связь вызвала и разговор с ним имела.

И замерла уже я, как гимназистка на экзамене за подглядыванием в учебник с поличным пойманная.

— Ввввесся?! — взревел леший.

А я на мага смотрю и об одном думаю: «Ах ты ж... маг!»! И я ему потом отвечу, я ж ему так отвечу, что мало не покажется! Но леший то тут, ему пришлось признаться:

— Союзник наш неожиданный, да полезный очень, во время беседы знакомым мне вдруг почудился. Словно видела ранее. И когда видела, не одна была, а с Тиромиром. Вот и спросила, кем человек тот был-то.

Лешинька нахмурился. Агнехран тоже призадумался, да так, словно о своём о чём-то подумал.

— И шо? — спросил леший. — Вспомнил этот выродок-то?

— В том то и дело, что нет, — с тяжёлым вздохом призналась я.

Помолчав, леший предположил:

— Да дело то прошлое, забыл небось.

— А вот это вряд ли, — возразила я. И пояснила другу верному: — Лешинька, Тиромир — маг. Он маг, а у магов память тренируют сызмальства. И коли не помнит он лица мужчины того, что описала я, то дело тут не чисто.

Леший покивал сурово, да и молвит вдруг охранябу:

— А ты, раб бывший, по гордости своей едва ведунью мою жизни не лишивший, скажешь может что?

Видеть Агнехрана Лешинька не мог, блюдце ко мне обращено было, вот только я и увидела, и как побледнел, и как сглотнул судорожно, и как взгляд опустил. Терзался Агнехран, виной своей до сих пор терзался, да так, словно себя поедом ел, словно себя за случившееся взаправду ненавидел.

— Агнехран, то дело прошлое, — тихо сказала ему.

Маг лишь усмехнулся криво и отвернулся вовсе. Мучился он, хоть и скрыть пытался, а мучило его сотворённое. И тогда добавила я:

— Волков мне жаль безмерно, правда это. И скорбь моя по ним велика, но волчий век короток, а твоя ошибка и моя ошибка разом благое дело сотворили — я Ярину сохранила. Её жизнь ценнее волчьих, маг, для леса во сто крат ценнее.

Поднял на меня взгляд Агнехран, посмотрел так, словно удостовериться хотел — правду сказала али только утешить его пытаюсь.

А леший он того взгляда не видел, он и сказал:

— Чаща да, она и сотни волков дороже, тысячи волков нужнее. Но давай-ка к аспиду вернёмся, Веся. Браслет на тебе, вызови-ка сюда союзника-то нашего.

И тут замерла я. На архимага смотрю напряжённо. Да на лешего выразительно. Менее всего сообщать самому лорду Агнехрану о том, что у меня в союзниках аспид хотелось мне. Аспиды они ж вне закона, по закону-то.

И понял то леший, осёкся, на блюдо покосился, мол «да заканчивай уж разговор-то», но маг, вместо того, чтобы вопросы задавать, сам вдруг сказал спокойно:

— Про аспиды вашего ведаю. В отряде моём ещё шестеро служат. Да только то тайна существенная, разглашению не подлежит, и ты, леший, об этом знать должен.

И тут протянул лапищу леший, блюдце моё скрипнувшее к себе развернул, на архимага поглядел сурово и как молвит вдруг:

— Ведаешь значит... А может и лично знаком?

— Может и знаком, — всё так же спокойно ответил Агнехран.

Но Лешиньку-то уже было не остановить, вёл он себя как зверь лесной, аки хищник, добычу почуявший, да и попросил голосом елейно-ласковым:

— А не затруднит ли вас, архимаг имперский, закатать рукав рубашки, на рученьке то правой?!

И тут дошло до меня!

Вот всё разом и дошло!

Леший мой решил, что аспид — это архимаг!

Я от подобного предположения чуть дара речи не лишилась, но всё же только чуть, потому как слишком невероятно это было бы.

Да и ко всему прочему:

— Лешинька, силы такой нет, чтобы маг мог бы в личину аспиды себя облечь, да в ней по лесу Заповедному без труда передвигаться!

Но леший мой на меня лишь зыркнул недобро и снова в блюдце на Агнехрана уставился пристально.

— Это абсолютно невозможно, — я на спинку стула откинулась, руки на груди сложила непримиримо. — Ни с магией, ни без неё. Ты ж пойми, друг мой верный, чары иллюзии зрительной — те больших затрат энергетических не требуют, а вот чары осязаемые, чары, что полностью структуру кожи передают — они весь ресурс сожрут как пустыня в полдень стакан воды впитает. Невозможно это.

Абсолютно таковое невозможно было, вот только леший от чего-то иначе думал.

— Дык, а ежели вместо стакана воды мы реку полноводную имеем?

— Да хоть озеро.

На меня взглянув недобро, леший всё же от своего не отступился, и попросил:

— Рукав-то, уважаемый, закатайте.

Я лишь головой покачала удручённо и пояснила Лешиньке:

— Только что ж про иллюзию зримую сказала. Агнехран не просто маг — архимаг он, и ему что один браслет, что сотню тебе как скрыть так и продемонстрировать труда не составит. Больше скажу — он и создать таковой может, и даже держаться тот будет долго — до недели, а может и двух. То ж браслет, его даже я создать могу... — подумала, и мрачно поправила себя же: — Могла... А вот как чернота с волос сползет, опять смогу. Да не об том речь. Лешинька, родненький, нам сейчас ведьмака изолировать надобно, это нынче важно сверх меры.

Последний раз недобро в блюдце поглядев, леший развернул его блестящей поверхностью ко мне, и спросил у меня:

— От чего это так важно-то?

Леший как и я знал — ведьмак к нам завсегда ближе по сути, чем маг. Всегда. Но не сейчас.

И опустив глаза, тихо призналась:

— От того, что прикрывает он Тиромира да Ингеборга. И Тиромир не страшен мне, ведаю... лучше всех ведаю, на что способен он. А вот Ингеборг дело другое. Опасен он. Коварен, умен, силен, хитёр. И чутьё у него как у волка матерого.

— Вижу, его боишься, — проскрипел друг сердешный и самый близкий.

«Боюсь», — ответила мысленно. — «Очень боюсь. Есть на то причины».

И на блюде серебряное посмотрела. Да от чего-то взгляд за рукав правый магов зацепился. Не закатал его охранябушка. Даже не попытался. Оно из гордости должно быть, потому как правду сказала — иллюзию наличия или отсутствия браслета создать не сложно, но левый рукав Агнехран закатал давно уж, когда с третьего раза не вышло у него с изоляционной схемой, а вот правый нет. Правый даже застегнут был, закреплен запонкой золотой, что костер изображала... И оно ж мелочь, несущественная вовсе. Да и глупость несусветная, я точно знала — аспид это не охранябушка. Охранябушка бы не целовал насильно. И не обнимал бы во сне... стыд-то какой. Как вспомню, что остаток ночи с аспидом коротала, жар на щеках и гнев в душе поднимается. Да только кто ж знал, что намерения у аспида не самые мирные... или вконец мирные, если посмотреть в контексте желания семью завести.

— От чего покраснела? — поинтересовался словно невзначай маг.

— Да так, — волосы невольно поправила. — Проблемы расового непонимания, сложности взаимодействия, и я потом об этом подумаю.

Агнехран с тем согласен не был, и спросил осторожненько:

— Обидел кто?

Вздохнув тяжело, отмахнулась усталым:

— Разберусь.

И на мага посмотрела вопросительно. Агнехран допекать вопросами не стал, а к схеме вернулся — честь и хвала ему.

Закончили быстро — я лазейки находила, он их запечатывал. Споро работалось, интересу ещё ведьма добавляла, всё никак не унималась-то, и в окно лезла, и в трубу печную, и даже в щель под дверями пыталась, но архимаг это дело такое — хрен поспоришь. Это я тут, на своей территории даже архимагу была не по зубам, а любая ведьма, пусть даже и древняя, супротив него это так, на один зуб.

Да только менее всего ожидала я, что вдруг спросит Агнехран:

— А всё же, кто обидел тебя, Веся?

Промолчала я. В окно поглядела, не вернулся ли аспид, но того ещё видно не было... И вот видно его ещё не было, а мне уже не по себе было. Что скажет? Что ему скажу? Как выпутываться-то? Аспид в

моём лесу мне не соперник, это я точно знаю, да только... не я в лесу сила главная, это вот меня беспокоить начало.

— Веся, — позвал маг.

Повернула голову, взглянула на него и на губах солнечным лучиком расцвела улыбка. Улыбнулся и он в ответ. И хорошо вдруг так на душе стало, словно лежу в траве, под лучиками солнечными нежусь, а и в лесу всё хорошо, и у людей в округе, и Водя очередной бунт русалок разогнал — те по весне каждый год бунтуют, утопленниц требуют, а Водя им действительно «размножайтесь естественным путем, все естественное, оно завсегда лучше-то и правильнее».

И...

И тут леший проскрипел:

— Веся, время-то чай не резиновое.

И вот весь настрой позитивный мой смело набежавшей тучей чёрною. Вздохнула печально и подумала, что вот Гиблый яр отчистим от нежити всяческой, и тогда я себе належусь в травке, да наотдыхаюсь под солнышком. А то и на бережку у заводи устроюсь, всласть наплаваюсь, потом лежать буду, в небо синее смотреть и... и вдруг подумала, что мне чего-то хватать-то не будет. А чего?

Чего же?

— Схема, — произнёс Агнехран.

Уныло вздохнула, силушку по конструкции пустила и... и всё. Я её и так пустила, и эдак. Силу леса призвала, её по лабиринту сверкающей схемы магической пустила — и снова ничего.

К изображению сверкающему пригляделась — а хитро сделано! Архимаг так устроил всё, что выпущенная магия обратно в круг возвращалась, да не потоком цельным и заметным, а каплями незримыми.

— Вот это да! — воскликнула не удержавшись. — Это потрясающе!

Улыбнулся мне Агнехран.

А вот леший нахмурился зело да и спросил вдруг:

— А скажи мне, Воська, это что ж получается, таковой конструкцией и тебя удержать можно, да? Верно я это дело понял?

Хм.

Призадумалась я, голову к правому плечу склонила, вглядываясь в линии магические, к левому плечу, да и вынесла свой вердикт:

— Нет, меня нет. Я же частью к тебе привязана, Лешинька.

И посмотрела на архимага, а он от чего-то улыбаться перестал, нахмурился.

— Чай обидела чем-то? — спросила встревожено.

— Нет, что ты, — усмехнулся как-то странно охранябушка. — Тиромиром и Ингеборгом сейчас и займусь, откладывать не стану.

Я кивнула, соглашаясь, и тут вспомнила:

— А ведьма-то как?

На меня Агнехран посмотрел задумчиво, опосля нахмурился, будто только сейчас про ведьму то и вспомнил, пожал плечами могучими:

— А чего ей будет? Я с ведьмами дел не имею и никогда не име... — и тут осёкся охранябушка.

Не понятно мне было, от чего маг закручинился, зато леший смекнул и слово своё вставил:

— Чай и в прошлый-то раз ведьму какую недооценил?

И сжались челюсти у мага, ярость в глазах промелькнула, но врать не стал, признался честно:

— Недооценил.

Заинтересовалась я живо и спросила:

— Это Славастену что ли?

Исподлобья глянул на меня маг, кивнул нехотя.

— Не печалься, не ведьма она, — поспешила я Агнехрана успокоить. — Но притворялась всегда знатно, это да. А так, по существу, не ведьма.

Посмотрел на меня архимаг задумчиво и спросил:

— А как вы, ведьмы, определяете, кто ведьма, а кто нет?

О, это вопрос сложный был.

Очень сложный.

И время то оно конечно не резиновое, но объяснить то надобно.

— Ну как, — начала я слова подбирать. — Ведьмы бывают разные... очень разные. Делятся они на три основные категории. Первые — это прирождённые. Таких большинство, они годятся слово злое сказать али доброе, заговорами лечить могут, травы лечебные чуют, судьбу увидеть способны. И с ними не ясно — пробудится сила в них али нет, в основном не пробуждается, и живут себе всю жизнь как и все, как люди. Вторая категория — природные ведьмы. К этим сила

приходит, как из детского возраста выйдут. Такие силу получают от земли-природы, от того и зовутся так — природные. А вот третьи это категория особая — ведьмы в силу вошедшие. Настоящие сильные ведьмы. Такие на многое способны, ведь не только свою магию имеют, а и того кого на алтарь возложили получают. Вот третьи-то, они и видят — кто какая ведьма.

Выслушал мои объяснения путанные архимаг, да и спросил вкрадчиво:

— А ты, стало быть...

— Прирождённая, но в силу вошедшая. От того в третьей категории я, от того и вижу — кто ведьма, кто нет. Над кем несправедливость повисла грозовой тучею, кто светел как солнышко, а кому злоба и тщеславие глаза застилают.

И тут вдруг охранябушка возьми да и скажи:

— Я бы хотел, чтобы ты была только прирожденная и прожила свою жизнь счастливо, как и все хорошие люди.

И скользнули слёзы по щекам непрошенные. Вытерла поспешно. Я бы тоже этого хотела. Такого бы я хотела, всем сердцем. Всем моим сердцем! Но позади меня четыре могилки цветами распускаются по утру.

— Пустое то, — сказала негромко. — А Велимиру удержи, сделай милость, не то бед натворит — мало не покажется.

Вздохнул Агнехран и тихо сказал:

— Да я всё для тебя сделаю, Веся. Абсолютно всё.

Замерла я, на охранябушку гляжу потрясённо, слов нет.

Да тут кто-то взял яблочко наливное, да и забрал его, связь между мной и магом разрывая.

И погасло блюдце, чуть не кинулась трясти его, чтобы обратно всё возвернуло, но помрачнела под суровым взглядом лешего.

— Веся, — протянул друг сердешный. — А дальше-то что?

Вздохнула я, взгляд подняла на лешего. Знали мы, что дальше будет. Оба знали.

Ничего не будет. Ничего...

И всё же лешему я призналась:

— Не хватает мне его. Хочется в окно выглянуть, а там охранябушка мастерит чегось.

— Угу, избёнку твою разбирает по брёвнышкам, крыши над головой тебя лишая.

— Только на три четверти разобрал! — вскинулась тут же, справедливость отстаивая. — Это не считается! Четвёртая-то часть осталась!

— Ага, одарил нас архимаг милостью великой, четвёртую стену снести не успел, низкий ему за то поклон! — злой сегодня был леший.

Вусмерть злой. И вот от чего, спрашивается?!

— Веся, не люблю я магов. Этого особливо.

И стоит, смотрит пасмурно.

Я на него мрачно.

Он на меня хмуро.

И тут не сдержалась я да и высказала:

— Ведаю, что он маг! Ведаю, что чуть Гиблый яр не сгубил! Ведаю, что недруг он нам! Я всё ведаю, Лешинька, всё знаю, да только... не хватает мне его. Чтобы суп сварил, да не по просьбе-приказу, а от сердца чистого. Чтобы одеялом прикрыл, ибо понимает по-человечески — хоть и ведунья лесная, а неуютно мне на сырой земле, холодно. Чтобы... просто чтобы он был... Просто где-то рядом.

И тут дверь открылась и увидели мы аспида.

И что последние слова мои слышал, то ясно было как утро ясное, потому как не скрипнула лестница, покуда поднимался по ней, значит за дверью стоял. Вот только вопрос — сколько он там стоял? И неужто всё услышать успел?

— Вернулся? — спросил леший от чего-то недружелюбно.

Промолчал аспид задумчиво. Ничего говорить не стал лешему, а вот мне сказал:

— Водяной мне надобен. Самому позвать али подсобишь с вызовом?

Переглянулись мы с лешим. Поднялась я, клюку свою захватила да и отправилась к водяному. А то, что аспид шёл позади меня, это я не просто знала — это я чувствовала. Взгляд у него какой-то был — всей спиной чувствуемый.

К водяному шла неспешно. Поначалу на берег Заводи вышла, перекинулась словом с русалкой подоспевшей, и оттуда уже открыла тропу заповедную к болотам, где по словам русалки, и находился Водя.

И вот иду, стало быть, никого себе не трогаю, а позади раздаётся:

— Скажи, ведунья лесная, отчего на тропе той, поглядела на меня странно так?

Интересный вопрос. Я даже оглянулась, словно надеялась что может птица какая спросила, али олень, или может даже волк. Понадеялась на чудо, но увы, пришлось принять суровую реальность — спрашивал аспид. Аспиду и ответила:

— А ты когось ещё поцелуй-то насильственно, я и не так смотреть начну.

Хмыкнул насмешливо, да и спросил:

— А если и поцелую, что тогда?

«Охранябушке тебя сдам!» — подумала мстительно.

— По обстоятельствам, — ответила, шагая неспешно. — Могу магией обидеть, а могу и клюкой промеж глаз. И знаешь, аспидушка, клюкой-то оно, думаю, надёжнее будет.

Рассмеялся аспид, ничего больше говорить не стал.

А вот меня любопытство взяло.

— Скажи, коли не трудно, аспид, а не встречались ли мы с тобой раньше?

И вот вроде иду легко и свободно, а сама напряглась. И боязно, и любопытственно, и точно знаешь — соврёт ведь сейчас.

Но аспид оказался не таков.

— Не то чтоб встречались, — произнёс он безразлично и даже надменно слегка. — Но однажды, помню, видел девчонку в платье ученическом, счастливую и цветущую как все вёсны разом за сто лет. Тебя видел.

И замерла я.

Обернулась.

Стою, гляжу на аспиды через плечо, клюку сжимаю, на правду проверяю.

И надо же, правду сказал, не стал лукавить. Удивительно так. И неожиданно.

— Двое магов было с тобой, — продолжил аспид, остановившись в шаге от меня. — Один силен, и твоя аура с его переплеталась,

полагаю — ты ему помогала часто, да ценой для тебя великой, а второй любил тебя беззаветно и преданно, но ты того не замечала, другом его считала. Прав я, хозяйка лесная?

Прав. Да не скажу никогда о том.

— Обознался, — солгала неожиданно.

Сама вообще удивилась, просто с чего врать-то взялась?

— Ну-ну, — произнёс аспид.

Я о дальнейшем спрашивать не стала, дальше по тропе пошла, да и перевела тему разговора:

— А, говорят, много вас среди людей живёт.

— Кто говорит? — вкрадчиво аспид поинтересовался.

— Кто-то! — жестко осадила чрезмерно любопытствующего.

Да и остановиться пришлось, потому как поняла, что глаза зеленыю на клюку отсвечивают. Не заметила бы, а отполированная она у меня, ухоженная, вот блеск глаз своих заметила. Вот только от чего гневом-то засветились яростным? Отчего сердце сжалось? Почему в душе словно холод зимний да студёный? Что со мной?

— Отчего ж негодуем? — аспид ближе подошёл, на меня с улыбкой глядит.

Не ответила ему, стояла молча. Слова его припоминала, да и вдруг поняла, что так не понравилось — аспид правду сказал. О Тиромире правду. О том, что пользовался маг силой моей, да дорого мне это стоило. Очень дорого. Только сейчас не о цене речь-то, цена то дело второе. А я... стыдно мне стало. Оно ж как — когда тебя обманули, да дурой набитой считали, но об этом лишь тебе ведомо — так легче. Для гордости, для равновесия душевного, для меня. А если о том, что Тиромир мной пользовался, даже посторонний ведал, тогда хоть волком вой, хоть и поздно уже страдать.

— Скажи, — молвила, постояв. — Ты то, что сказал мне, ты это по ауре видел?

Подошел аспид ещё ближе, в глаза мне посмотрел, да и кивнул утвердительно.

Вот значит как...

Выдохнула с шумом, нахмурилась и уточнила:

— А кроме тебя кто ещё видел?

— Из людей? — уточнил аспид, да только томить не стал, ответ дал сразу: — Архимаги. От чего ж по-твоему Тиромир звание магистра

получить не мог никак? Видели, что не по силам ему испытания, что без помощи твоей не справляется.

Аж нехорошо стало мне, от осведомлённости такой. Тиромир и Славастана скрывали. Хорошо скрывали. А я... помогала им в этом. Потому что хотела, чтобы Тиромиром гордились все, потому что любила. Просто любила, отдавая всю себя. И оно может и отдала бы безропотно, да только хоть бы спросил, а он не спросил даже...

Ну да то дело прошлое.

И дёрнув головой, я то прошлое от настоящего как отрезала. Потому что незачем теперь о прошлом думать. Да, глупая была, но на ошибках учатся. Да, позволяла собою пользоваться, но больше никому не позволю. Да, любила, но больше не люблю.

Урок получен — урок усвоен, и я закрыла ту страницу жизни моей раз и навсегда. Теперь моя жизнь — этот лес. Мой Заповедный лес. И уж если о чём и тревожиться, так это о нём, о судьбе его, процветании существ его населяющих. Об этом думать надобно, а прошлое... прошло оно уже. Не вернёшь, да и не хочется.

И вздохнула я, спину распрямила, подбородок запрокинула, в небо синее поглядела. И перестала. Думать о себе перестала. Ещё успею, потом, когда-нибудь.

— Что ж, — сказала, не глядя на аспид. — Поторопимся.

— Вот как? — лениво осведомился зверь вообще не лесной, чудище огнелюбивое. — И что, небось и вопросов более не задашь? О прошлом может ещё, что узнать хочешь?

— Не хочу, — холодно ответила, обойдя аспид, да вперёд направившись.

— Отчего же? — алхимик не торопясь за мною направился.

Не торопясь, но шаг у него был такой, что это он шёл неспешно, а вот я... гордость моя страдала опять, да не покажу никогда.

— Не интересно, оттого и не спрошу, — ответила сдержанно.

Усмехнулся господин Аедан, а не сказал более ничего. Оно и понятно — злая я, глаза сейчас зелёные, а душа стылая. Но прошлое это прошлое, отпусти и забудь. Вот и я — отпустила и забыла.

Всё забыла, только отчего-то, всё равно на аспид злая почему-то. Правду, конечно, сказал, но бесит!

Я сменила одну тропу заповедную на другую, кружным путём пошла, чтобы мимо болот пройти — там и так сейчас сутолока, а тропа моя заповедная в месте, где проходит, время то замедляет. И оно можно бы и пройти, да не хотелось болотникам с болотницами мешать. И так натерпелись-намучались, меня им ещё не хватало.

— Отчего кружим? — поинтересовался невзначай аспид.

— По границе болот идём, не хочу напрямик, — ответила ему, о болотном народе думая.

Тяжело им сейчас, ох как тяжело.

И вот идем с аспидом, а тот возьми и спроси:

— Скажи, хозяйка лесная, а не изумилась ли ты количеству болотников, да тому, что прибыли быстрёхонько?

Оглянулась на него через плечо, плечами пожала, да и ответила:

— Аспид, сколько раз тебе говорить — это Заповедный лес. Здесь не спросят, откуда ты пришёл. Не будут терзать вопросами, как без крова, без дома остался. Здесь не осудят, не упрекнут, и не попрекнут ничем. Заповедный лес — он всех принимает, всех привечает, всем помогает. Заповедный лес он, понимаешь, такой... добрый, да заботливый.

Помолчал аспид, а опосля всё же спросил:

— То есть, на бумаги разрешительные ты и не взглянула?

Пожала плечами снова, ответила беззаботно:

— Леший навродь смотрел.

И тут догнал меня аспид, дорогу мне заступил, наклонился к лицу моему страшный весь, и как прорычит:

— То есть, ты даже не ведаешь, кого в лес свой пустила?!

Нет, ну достал же уже!

Постояла, губы кусая, на аспида неодобрительно глядя. Опосля клюкой сдвинула листочек ближайший, за ним в своей добротной сплетенной паутине паук мирно отдыхал.

— Скажи-ка мне, аспидушка, — молвила вежливо. — Вот кто ж это такой?

Выпрямился господин Аедан, на меня поглядел, на паука, снова на меня, а в глазах змеиных одно сплошное непонимание, да в разумности моей очередное сомнение.

— Паук это, — подтвердила я все сомнения аспида. А опосля подалась к чудищу, да и прошептала вкрадчиво: — И вот, ты не поверишь, аспидушка, но мне абсолютно всё равно, откель прилетел-приполз он, и какова была его прежняя жизнь-судьбинушка. Живёт себе и живёт, правил не нарушает — мне этого достаточно.

Аспид глаза сузил, а я добавила:

— Болотники да болотницы, что в лес мой пришли, не несли в себе злобы, подлости и желания вред причинить. Другие у них дела-заботы, и обязанность моя — им в беде помочь, а не про беду ту расспрашивать. А если уж совсем начистоту говорить, вот совсем откровенно, то опаснее тебя, аспидушка, в моём лесу и нет никого!

И обойдя застывшего монстра, я весело по тропе зашагала. Настроение отчего-то стало светлое, и на душе как-то тепло. И так сразу и не распознать от чего, но тепло же, хорошо, солнечно.

А потом впереди Водя показался. В рубахе льняной, шароварах чешуйчатых, да как меня увидал и с улыбкой широкой. Подошла я, волосы его светлые аки пшеница зрелая поправила, да на болотников опосля поглядела. Сидели болотники полукругом перед водяным, сидели суровые, но как я подошла отожд встали все, поклонились поясно, молвили: «Тины болотной тебе, хозяйка лесная». Я в ответ поклонилась, всё чин по чину.

— Присядешь, Вась? — спросил Водя заботливо.

— На коленку? — недобро и с издевкою, поинтересовался аспид.

Я на аспида глянула хмуро, хотелось бы ответить, но он моего ответа не ждал, к водяному холодно обратился:

— О чём речь ведёте, водяной? О делах внутренних али о войне, где не ты один в поле воин?

Ну, тут я на болотников поглядела, опосля на помрачневшего водяного, затем только на гневного аспида. Дело ясное, что дело тёмное, а в целом-то видать Водя свои военные инициативы затеял, о том и говорил ныне с болотниками.

— Господин Аедан, дело-то общее, ваша правда, — заговорил один из болотников. — Да токмо суть то в чём — вы своё дело хорошо знаете, а мы своё. Прав уважаемый водяной Водимыч, коли соберёмся всеми силами, да удар нанесём, пятьсот шагов лесу гиблого за ночь-то отвоюем!

Но посмотрел на него аспид скептически, опосля ко мне повернулся и у меня почему-то спросил:

— Водимыч?!

А что тут сказать.

— Ну да, — плечами пожимать уже устала. — По отцу. Отца-то звали Водим, вот Водомир по отцу-то и Водимыч. А что не так-то?

Выражение лица асида, хоть и было трудно определяемым, но все же показалось странным слегка.

— Отец, значит, был, — всё так же странно протянул аспид.

— А то, — поддакнул болотник. — Великий был водяной Водим Водимыч, мудрый, справедливый, хозяйственный. Ох и настрадались мы с ним.

Аспид от чего-то опять на меня посмотрел, да взгляд его выражал уже вообще полное непонимание чего-либо.

— Ну, — я сглотнула, пытаюсь как-то так слова подобрать-то, чтоб не обидеть никого. — Тут, аспидушка, дело такое — водяные да болотники враги исконные по природе своей. Водяные они, особенно коли сильные, стремятся из пруда в озеро, из озера в реку, из реки в моря, а там и до океанов недалече. Карьера у них, понимаешь? Карьерный рост таковой.

Судя по взгляду, аспид уже ничего не понимал.

Вздыхнула, рукава закатала, да и попыталась с другой стороны зайти:

— Не каждое семя становится деревом!

Аспид моргнул. Водя на меня поглядел очень скептически. А болотники ничего, эти свои, нечисть мы, друг друга завсегда поддержим, и они с интересом слушать принялись.

И даже поддакнули мудрым:

— Не каждый конь борозду испортит.

И покивали сей мудрости всем своим мудрым советом. Ну я тоже кивнула, деваться некуда, своих надоть поддерживать. И на асида посмотрела с вызовом.

А тот возьми да и скажи:

— Честно? Я уже даже знать не хочу, что вот это всё значит.

— Ну вот! — взбодрилась я. — Вот и чудненько! Так бы и сразу.

И обратилась к Воде:

— Так о чём речь-то?

Водяной видать ещё пытался понять фразу про коня и борозду, но мне ответил всё-таки:

— Уважаемый болотник Засор Гнилович верно сказал, совещаемся мы тут, расчёты провели, да и подсчитали, что единым ударом часть Гиблого яра отвоюем за ночь эту.

И на меня поглядел одобрения ожидая. Но я нахмурилась. Опосля головой укоризненно покачала, да и сказала как есть:

— Не дело это, Водя. У нас одна война, общая, это так, но есть у неё главнокомандующий, — и я клюкой в аспида ткнула.

Не рассчитала слегка, в грудь ткнула с силою, даже удивилась, что устоял.

— Прости, пожалуйста, — повинулась искренне.

— Ничего, переживу, — мрачно ответил аспид.

Ну вот и чудненько.

— Таки вот, Водя, у нас есть главнокомандующий, — повторила ранее сказанное, и просто по инерции на него указала.

А в руке-то клюка.

Разом охнули все болотники, а мне стыдно так за свою неловкость стало, что покраснела аки маков цвет.

— Пппрости, пппожалуйста, — прошептала, на всякий случай клюку в другую руку переставив.

— Ничччего, пережжживу, — прошипел аспид.

Как неудобно-то получилось, и ведь не со зла, а стыдно-то как.

Но собралась, вновь заговорила велиречиво, и начала с:

— Есть у нас главноко...

И тут у меня клюку отобрали. Молча. Без слов. Просто отобрали, а опосля любезно предложили:

— Продолжай, госпожа лесная хозяйка, что-то мне подсказывает, что без клюки речь твоя плавне будет, и... безопаснее.

Да какой продолжай? Болотники от смеха чуть не хрюкают, водяной улыбку с трудом сдерживает, а клюка сменой руководства определённо недовольна, ещё секунда и призовет лешего.

— Клюку отдай, — попросила вежливо.

Аспид молча отдал. И главное отдать отдал, но сам на меня смотрит, и по глазам ведь вижу, что тоже с меня забавляется. Лешего на них на всех нет!

И тут я подумала — а действительно, у меня ж леший есть. Вот как есть леший!

И понеслась по лесу мысль потаённая, другу верному адресованная:

«Лешинька, Водя тут воду мутит, аспид о том проведал и гневается. Что делать-то?»

Друг сердешный понял всё сходу:

«Водяной договорился с болотниками об одиночных военных действиях? Не дело это, аспид по праву гневается. Буду сейчас, не тревожсья.»

И помчался ко мне.

А я стою и думаю — вот хорошо же, когда леший есть. Да такой, на которого в любой беде положиться можно, кто поймёт, когда сама себя понять не можешь, да защитит... пусть и от разговора неприятного.

Леший появился кряжистым сучковатым, с корой трещащей — то есть, гневаться изволил. На водяного поглядел так, что даже этому охальнику стало совестно, ему и молвил:

— Коли сплести прутья вместе — вовек не разломать, а коли по одному — и дитя малое справится. Война у нас дело общее. Коли какая инициатива — так не болотников, а всех созывать надобно, и моровиков, и вампиров, и оборотней, а пуще всего — главнокомандующего нашего!

И тут леший ткнул пальцем кряжистым в грудь аспида.

И хороша была речь, и слова правильные, и по делу все... а только повалились болотники со смеху прямо в болото, водяной пополам сложился от хохота, а аспид ничего, выдержанный, только лапу лешего от себя отодвинул, да и произнёс сдавленно:

— Как много общего у тебя с хозяйкою.

Опосля вспыхнул пентаграммой алхимической и исчез.

А леший затоптал пепел оставшийся, на меня поглядел, да и спросил недоуменно:

— Весь, что не так-то?

Болотники ушли под воду и гоготали уже там, над ними токмо пузыри виднелись. Водя тоже смеху предавался, по каменюке бил кулаком и всё никак успокоиться не мог, а я... я...

— А что я? — возмутилась спасительно. — Почему сразу я? Я им вообще тоже самое говорила, а видишь вот что творят, ироды.

Ну леший при всех чинить расспросы не стал, объявил только повелительно:

— На закате у избы Весиной. До совета военного, так и быть, допущу, за твои прошлые заслуги, водяной. Но коли ещё о сговорах за спиной хозяйки моей проведу, на себя пеняй.

И клюку у меня отобрав, ударил леший оземь.

* * *

В лесу дел было много. Савран как раз привёз саженцы, так что требовалось рассадить, полив организовать, да защиту от зайцев, а то знаю я их — только отвернёшься, тут как тут, и сразу давай грызть саженцы.

Работала магией, леший направлял да подсказывал, коли что где не туда. Иной раз под землю уходил, менял потоки воды подземной, чтобы и полив был, и не загнили в болоте корни.

Вообще действовали мы и не по правилам, и не по инструкции. Сажать купленные деревца не стала бы ни одна уважающая себя лесная хозяйка, но... я как-то не очень себя уважала, если уж на чистоту. Да и ждать, покуда из семени проклюнется росток, опосля гадать выживет не выживет и стоять в природный процесс не вмешиваясь, природе первую роль отводя, это не по мне было. Нет, я за природу и естественный рост подлеска, но то подлесок — а мне сады плодородные надобны сейчас. Мне кормить чисть да нечисть, мне зверьё прокормом обеспечивать надобно. Ну и не последнюю роль в деле моём игнорирования инструкций играло то, что... не дочитала я их. Ну не смогла я. Месяц пыталась. Как есть месяц. Да только как проклятое это пособие по лесоводству — токмо открою, пол странички прочту и всё, сплю. Как есть сплю. Хорошо так за весь месяц тот отоспалась, прямо на поправку пошла, на мир другими глазами открыла, а инструкция та... По-хорошему, надо бы её из-за печи достать бы.

— А знаешь, что не нравится мне? — высунулся вдруг леший из земли.

— Криво посадила? — встревожилась я.

Просто магия дело такое — концентрации внимания требует, а я о своём задумалась, могла и дел наворотить.

— Да нет, — Лешинька вылез весь, постоял рядом, в ряды яблонь вглядываясь. — Тут-то всё по делу. Ты мне вот что скажи, Веся, как аспид проведаль-то, об том, что водяной затевает?

Призадумалась я, да и признать пришлось:

— О том не ведаю.

Постояла ещё.

Клюка верная рядом была, я стояла, протянув ладони в сторону стремительно поднимающегося сада, одной ногой ведьма, силу из себя черпала, другой ведунья — у леса брала. И сейчас самое сложное начиналось — нужно было плоды заложить, чтобы урожай был, чтобы не зря, не пропали труды наши втуне.

Леший позади встал, одна его рука кряжистая крепко обхватила, вторая, та что с ведуньей стороны, по руке моей протянулась корнями-лианами, леший теперь в мою магию свою направлял, корректируя действия мои исходя из своего опыта и знаний. Они у него были, и опыт и знания, а всё, что имела я, только магию. И то запас её ограничен был.

— Слабеешь, — заметил Лешинька.

Кивнула, поток ведьминской магии ослабила, опосля к магии леса перешла.

— Из Гиблого яра можно взять, — подсказал леший.

Соблазн был, да соблазн великий, вот только:

— Коли силу Гиблого яра возьму, а войну проиграю — вся эта роща погибнет.

И силу леса отпустила я, прошептала заклинание ведьминское, да обмякла на руках лешего.

Поддержал меня друг верный, упасть не дал и посмотрели мы с ним на яблонево́й сад. Поднялись деревца, чуть выше роста человеческого, да хоть и молоды, а урожай уже дать могли. И зацветут сады через несколько дней, пчелы налетят, им корм будет, а опосля начнут зреть яблоки. На этом этапе снова вмещаюсь, нам урожай чем скорей, тем лучше.

— Не бережешь ты себя, — укорил леший, поднимая на руки.

* * *

Уложил на хвою во сосновом бору. Кряхтя сел рядом, да на меня старался не смотреть. Оно и понятно, зрелище то не самое приятное — трясло меня как в ознобе, колотило, зуб на зуб не попадал, и... так хотелось, чтобы пришёл охранябушка, да укрыл тёплым пледом. Есть такие вещи, что только человек поймёт да посочувствует — холодно мне было, тепла хотелось, а леший ему что зима, что весна, что лето — всё одно. И мне так было. Казалось, позабыла уже о том, что тепло бывает. Свыклась с ролью ведуньи лесной, с тем что спишь на сырой земле, что на озноб и внимания не обращаешь, что о жизни своей не думаешь вовсе, а жизнью леса живёшь, и думать больше не о чем.

— Аспид тебя ищет, — сказал вдруг леший.

— Чеггто еммму? — говорила с трудом.

— Кто ж его ведает? — задумчиво отозвался Лешинька. — Но сказал, коли не отвечу я, али ты не отзовешься, браслетом обручальным тебя призовет.

— Эттого только не хватало, — сил на разговоры не осталось. — Отзовись, скажи не могу я пока из лесу выйти.

Кивнул леший, поднялся, собираясь уйти.

— Клюку захвати, — прошептала я.

Ему ж аспиды с войском через лес вести, ему клюка нужнее.

И глаза закрыла, в сон проваливаясь.

И как только погрузилась в сон лесной, отступил холод, озноб ушёл, всё ушло.

* * *

Дел в лесу всё так же непроворот было. Болотницы под присмотром Рудимы сажали морошку болотную, волки зайцев

непослушных от свежепосаженной рощи гоняли, Савран вёз последнюю на сегодня телегу со снедью да саженцами.

А потом вдруг изменилось что-то.

По губам что-то тёплое потекло, чьи-то руки держали крепко, да связь с лесом стала иной, не такой прочной, не сливалась я более с лесом-то, словно с земли меня подняли.

Глаза распахнула, да в сумраке наступающих сумерек и увидела аспида. Тот крепко меня держал, на колени к себе усадив, и поил тёплым супом, да так держал, что волей-неволей, сонная, а сглатывала.

Да только это пока спала!

А как проснулась, губы сжала, на аспида взглянула, гнева не скрывая.

— Гневайся не гневайся, а суп придётся допить, — глядя мне в глаза, зло уведомил аспид.

Сильнее зубы стиснула.

— Ну, тебе решать, леса хозяйка. Допьёшь, я твоего Водимира Водимыча так и быть, не трону, а не допьёшь...

— Ассспид, — прошипела я. — Предупредила ведь — только тронь кого в лесу! Вот только попробуй!

Усмехнулся Аедан змееглазый, да и сказал насмешливо:

— Так то оно так, хозяйка лесная, да только водяной же не в лесу.

И на меня посмотрел, выразительно и намекательно очень.

А затем вдруг вздохнул тяжело и махом единым выговорил:

— Угрожаю, да. И плохо это, тоже понимаю, не дурак. Веся, ну а что я делать должен был? Ты лежишь на сырой земле, бледная, холодная, дрожишь вся. А я ждать не могу, у меня бой сейчас. Выпей суп, об одном прошу, и спи себе дальше, я перину принёс, одеялом укрою, и спи, никто ж тебя не трогает.

Да как же не трогает? Вот, сидит, на коленях своих держит, а там, даже леший не ведаёт что дальше-то будет, глядишь и опять с лобызаниями своими-то...

— Отпустить? — спросил настороженно аспид.

Кивнула, с колен его сама слезла, на перину. Суп взяла как был в миске глубокой, пила торопясь, и ото сна отойти пытаюсь, и взгляд на аспиде сфокусировать. А не фокусировался. Сумрак он тёмный, аспид — чёрный, то ещё зрелище.

— А что с боем-то там? — поинтересовалась, так, на всякий случай отодвинувшись слегка.

Аспид за действиями моими проследил молча, но выразительно, затем сообщил:

— Спи сегодня. Водяной с болотниками в деле, так что к Заводи тебе ходить смысла нет. О вампирах и волкодлаках позабочусь, прикрытие леший обеспечит.

— Мой леший? — встревожилась я тут же.

Не то чтобы другой какой в лесу моём имелся, а всё же куда ж они моего лешего забрать засобирались-то?

— Не твой, — сказал, как отрезал аспид. — Маги в деле, они на себя первый удар примут, опосля и мы удар нанесём.

Потянулся аспид, укутал плечи мои одеялом, поднялся, шею размял, да и спросил вдруг:

— А что, в избенке тебе не спится?

— Спитесь, — отозвалась задумчиво, и добавила о своём всё так же думая: — Только когда силы нужны, сон в избе он и последним стать может. Последним в жизни. А бор сосновый лечит и восстанавливает.

Постоял аспид, поглядел на меня странно, помолчал.

Снова на меня посмотрел.

Я на него.

Жуткое зрелище — аспид чёрный во мгле наступающей словно растворялся, и чем темнее становится, тем меньше чудище видно, только глаза горят змеиные. Да так горят, словно магию вот прямо сейчас господин Аедан и использует.

— Алхимия? — спросила невзначай.

Кивнул.

То, что кивнул, только по глазам-то и отследить можно было.

— Спать ложись, — сказал задумчиво. — Доброй ночи тебе, хозяйка лесная.

Развернулся аспид, да и уже почти вспыхнул в круге алхимическом, когда прошептала вслед:

— И тебе... доброй.

На сей раз от аспиды даже искорки не осталось. То ли нарочно так сделал, обо мне позаботился, то ли так получилось. Но аспид-то исчез,

а вот магия его — нет. Будь я ведьмой и не почувствовала бы, а так... ведунья я, и коли магию в моем лесу применяют, я ощущаю это.

Вот и сейчас ощутила.

Леший появился неожиданно — вылез из земли, на меня посмотрел глазами, что зелёным светом в сумраке светились, да и молвил:

— Тебе это не понравится.

— Что именно-то? — я взялась суп допивать.

— Их «план», — леший вылез, прошёл ко мне, сел рядом.

И выглядел мой Лешинька как-то странно. Завсегда спокойственный да уверенный, ныне сидел понурившись, и глядел не на меня — в землю перед собой.

— Леш? — я миску с остатками супа отставила, к нему ближе подобралась. — Лешинька, что случилось-то?

Помолчал друг верный, наверх поглядел — там, где небо начинало сиять звёздами, да и так молвил:

— Агнехран-маг и аспид наш — как-то связаны. Как не ведаю, но действуют вместе и согласованно. А ещё, Весь, ошибки они совершают... одинаковые.

Но мне не до рассуждений сейчас было, тревога страшная змеей подлой заползала в душу.

— Лешинька, не томи! Говори как есть! — потребовала повелительно.

Леший говорить не стал.

Подивилась я тому, но не стал, и на землю как оказалось — неспроста глядел.

Повернулся ко мне, ладонь кряжистую к моей щеке приложил, в глаза заглянул, да и увидела я — круг алхимический он не простой магией был, он передавал. Всё передавал. Каждое произнесённое здесь слово, каждое действие, да даже всплеск магический. За нами следили самым бессовестным образом!

«Уничтожим?» — спросил леший мысленно.

«Где этот гад сейчас?» — так же мысленно спросила.

Леший показал — аспида он мне показал. Аспид, что стоял на краю болот, там где до Гиблого яра было ближе всего потому, как река в том месте сужалась, да напряжённо молчит. А подле него ждут указаний вампиры и оборотни, набирают силу моровики, разминаются

бадзулы... Но медлит аспид. А от чего медлит дело ясное — неладное заподозрил, разговор наш услышав, и следит сейчас за мной и лешим.

«Мы ему что, скоморохи в ярмарочный день?!» — от чего-то злость нахлынула да такая, что с трудом на месте усидела.

«Видать навроде того», — подтвердил леший. — «Что делать-то будем?»

Я ещё не знала, что делать, но уже злилась и не без повода — за мной следить, в моём же лесу, да что ж это деется?!

И хотелось разрушить круг подглядательный, снести, снести, уничтожить, да показать аспиду кто в лесу главный, вот только...

«Лешинька, ты ж глянь, он стоит, ничего не делает, ждёт», — сказала другу верному.

«Да», — согласился леший. — «Твоя правда, ждёт. Вопрос в одном — чего ждёт?».

«Действий», — ответила, на аспиде мрачно взираючи. — «Он ждёт моих действий. Видимо, планов у аспиды два, один воплотит коли я в круге этом останусь, другой коли выйду из него».

«Твоя правда», — поразмыслив немного, снова согласился леший. — «И что ж теперь?».

Помолчала я, возможности свои прикинула, да и ответила:

«Возвращайся к нему. Я следом».

Склонил голову леший, связь нашу разрывая, да согласие выражая, и как был, под землю ушёл.

А я вот в этот момент об одном подумала — где клюка моя? Где лежит она, бесхозная? И каково ей там, одинокой...

Маленькая деталь, о которой едва ли подумает аспид.

А я легла на перину, в одеяло теплое закуталась, глаза закрыла... и скользнула из кокона теплого, бесшумно, да незримо.

Аспид-аспид, я же ведунья, меня в моем лесу кругом алхимическим не удержишь.

Постояла вне границ аспидовой магии, полюбовалась собой спящей на перине, поёжилась в платье лёгком, да и позвала мысленно:

«Лешинька?»

«Славно справилась, не заметил ничего, по первому плану действуем», — отозвался мой верный друг.

Поразмыслив, спросила осторожненько:

«А что за план-то?»

Просто ведь знать не знаю, ведать не ведаю ни про какой из планов.

А и леший от чего-то вдруг с ответом помедлил, словно размышляя о чём-то, да без меня размышляя!

«Лешинька!», — позвала гневно.

И словно издали вздох тяжёлый услышала, а мой соратник, ответил нехотя:

«Хороший план, Веся. Очень хороший. Любая ведунья одобрила бы, сто пудово одобрила бы, да только... ты ж у меня ведьма».

Подумал, и добавил:

«И я у тебя тоже, не того уже, не расчётливый. План хороший, Веся, но мне он не по нраву, потому что я точно знаю — тебе он вообще не понравится».

Задумчиво по хвое опавшей прошлась, плечи зябко обняв, да и топнула ногой, путь себе открывая.

* * *

У Дуба Знаний никого не было. Ни Кота Учёного, ни Мудрого Ворона, видать там они, с лешим, аспидом, вампирами да волкодлками, в гуще событий самой.

Подошла к дубу, к самым корням, что вглубь земли уходили. Глубоко, до самой воды подземной, до глинистого слоя, до воды, что и в реку впадала. Одной рукой себя обнимала, озябла ж совсем, второй прикоснулась к коре дуба, ладонь распластала, да пустила магию по стволу, по корням, до водоносного слоя, до самой до воды, по ней до реки, а уж в реке-то всё было просто.

«Покажи!» — не попросила, потребовала я у водяного.

Водя показывать не хотел, ох как не хотел, всей кожей чувствовала, что против он, да только не в тех мы отношениях, чтобы водяной солгал.

И как наяву увидала озерцо, что близ моей избы появилось неспроста — Водя постарался, ради болотников, чтобы силы не тратили понапрасну, да опосля воду отчистил, мне прозрачный водоем оставляя.

И пытался Водя слукавить, и так озеро показал, и так, и как кувшинки на нем распускаются, и как в нем луна отражается, и как рыбки мелкие, красивущие резвятся, и...

«А может хватит уже?» — вот сил моих иногда с ним нет.

Расстроился, и остальное показал.

Как провез Савран последней ходкой провизию купленную, как устроили пир совещательный мои славные воины, да как на карте-картине раскрывается план аспидов... да и не только аспидов. В этом плане Агнехрана рука чувствовалась незримо!

На востоке, со стороны степей ветряных, две ловушки установили. В одной билась, бесновалась, металась от края к краю великая древняя ведьма Велимира! В другой, скрытой до поры до времени, понуро ведьмак сидел. Сидел, да не дёргался.

А Водя мне и слова аспида передал так, словно своими ушами слышала:

«У нежити есть одна особенность — если её поднимает из мёртвых ведьма, она помнит того, кто отнял её жизнь. Запоминает, в каком бы невменяемом состоянии не находилась».

И я содрогнулась всем озябшим телом.

Да, это правда — запоминают. Не ведомо как, но помнят.

И страшным воспоминанием из прошлого пришел дикий смрад гниющей плоти, ритуальный зал и труп. Труп, который я заставила восстать. Забавно, но нежить отчётливо запоминает лишь того, кто её убил, а того, кто заставил восстать из мертвых — нет. И я этому рада. И тогда была рада, и сейчас всё-таки рада. Скольких я подняла для Тиромира? Многих.

Тиромир мечтал о славе. О том, чтобы о нём говорили. Чтобы узнавали. Чтобы славил. Чтобы не называли, ни в глаза, ни за глаза ублюдком ведьмы и бастардом Ингеборга. Он мечтал об этом, и я мечтала тоже. К этой мечте мы отправились вместе.

Идея и путь её воплощения пришли спонтанно — мы гуляли по улочкам центра столицы, я с Тиромиром, счастливые, не размыкающие рук, и Кевин, наш верный рыцарь Кевин. Он первый и почуял неладное — а мы не видели, мы едва ли что-то видели кроме друг друга. Мы веселились как дети, забавляясь тем, что магией, на расстоянии, рисовали славные усики примадонне королевского театра. Тиромир шептал мне на ухо заклинания, а я колдовала — ведьмы ведь

не оставляют следов, в отличие от магов. И вот когда я уже завершала правый ус заливхватски загнутым кончиком, Кевин увидел мужчину, и среагировал первым — заслонив меня с Тиромиром, и окликнув несчастного. Сначала окликнув, после потребовав, чтобы тот остановился. Но человек не останавливался. Ни когда услышал требование, ни когда Кевин призвал магию. Для этого человека остановиться — значило уже никогда не подняться. И он упал, сначала тяжело рухнув на колени, после завалившись на бок. Я кинулась к нему первая, едва ли осознав, что багровое пятно расплзающееся по его рубашке — это кровь. Я кинулась к нему первая, именно поэтому слышала предсмертный хрип: «Дочь... моя дочь».

Тиромир создал и отправил призывающее заклинание, а мы с Кевином, не слушая его предостережения, бросились по дороге в парк, откуда пришёл этот мужчина. Это было и удачей, и поражением одновременно. Кевин повёл себя как котёнок при виде цепного пса — котенок выгибает спину и топорщит шерсть, пытаясь казаться больше, а Кевин призвал магию иллюзии, чтобы казаться не студией, а полноценным могущественным магом, и преступник бежал, бросив жертву, которую ещё не успел добить. Но проку с того? Догнавший нас Тиромир рвал и метал — этого убийцу, тихого убийцу, разыскивала вся стража и все маги. Он убивал юных. Мучительно и долго. Вырисовывая лезвием и кровью узоры их чудовищной смерти, и рисунок на той девушке он только начал, а потому Тиромир разразился бранью на Кевина, спугнувшего убийцу, ведь если бы не Кевин, Тиромир его схватил, вот тогда бы, только тогда бы, он прославил бы своё имя.

К сожалению, в тот момент мы с Кевином любили его одинаково. Я как единственного возлюбленного и целый свой мир, Кевин преданно и верно, как настоящий друг. Нам не понравилось Тиромиром сказанное, оба мы сочли сохранение жизни девушки важным, куда более важным, чем слава от поимки её мучителя. Но Тиромира мы любили. Оба любили. От того в отделении городской стражи мы взяли вину за усы примадонны на себя, и честно отсидели положенные пятнадцать суток за хулиганство.

Отсидели бы и больше, по закону положено было двадцать пять суток, но появился Ингеборг. Ему хватило ума понять, что шептать мне заклинания если кто и мог, то только Тиромир, никого другого он бы и

на шаг ко мне не допустил, а путанные объяснения сына архимага не впечатлили.

Нас выпустили из тюрьмы аккуратно до чёрной кареты Ингеборга, а оттуда, после непродолжительного пути, препроводили в тюрьму магов. И Ингеборг пригрозил, что если сами всё не расскажем, Тиромир отправится в нижние камеры, где нет ни света, ни доступа к магии, за то, что обучал ведьму, то есть меня, заклинаниям, коие ведьма, то есть я, знать права не имею. Пришлось рассказать. И слово своё архимаг не сдержал — Тиромира посадили в магическую тюрьму. На двадцать пять суток. Сына Ингеборг никогда не жалел, а вот я жалела, места себе не находила, каждый день к нему приходила и Славастена не препятствовала — меня к нему пропускали, а вот её нет. Из всей этой истории можно было бы вынести массу выводов и извлечь не меньшую массу уроков, но Тиромиру двадцать пять суток в заключении пошли на пользу, и тюрьму он покинул с конкретной и определённой целью — найти «тихого убийцу».

Сначала он искал вместе с Кевином, сам поднимал убитых, пытаюсь узнать последние предсмертные воспоминания, но убийца был не только жесток, но и хитёр, а потому лицо скрывал маской. Тиромир терпел неудачу за неудачей, и тогда за дело взялась Славастена. Закон о нераспространении магических заклинаний? Да плевать на него Славастена хотела. Ученица исчезала за ученицей, класс пустел, а меня Тиромир не трогал до последнего, жалел, берег, любил... Искренне любил, действительно искренне — пока я в тюрьме сидела, ночи у меня под дверью проводил, сказки рассказывал, иной раз и пошлые, чтобы стражники заслушались и не прогоняли его.

Когда же всё изменилось?

«Surge! Surge! Surge!»

«Валкирин, любовь моя, ты сможешь, ты справишься, я уверен в этом»...

И я справилась. Подняла мёртвого.

Мы многого от этого не ждали — лишь предсмертные воспоминания требовались, да такие чтобы убийцу найти можно было, но нежить поднятая ведьмой, от нежити поднятой магами отличалась и отличалась сильно. Скоростью отличалась, силой, и... памятью. А ещё чутьём, почти звериным.

И поднятая мной девушка отправилась к своему убийце.

Тиромир, подхвативший меня, когда я упала, передал Кевину и ринулся за нежитью. В итоге нежить привела к тому, кто отнял её жизнь, Тиромир заключил нежить в магический контур на пороге дома преступника. Сам он отважно схватил убийцу, а Кевин нашёл в подполе картины — те самые ужасающе-чудовищные, что этот мерзавец рисовал на телах своих жертв, и тем однозначно доказал причастность мужчины к убийствам.

Это был оглушительный успех. Все газеты пестрели заголовками, Тиромира наградил сам король, маги-сыскари кинулись наперебой к Ингеборгу, чтобы сына талантливого тот одолжил, да только Ингеборг идиотом не был. В себя я пришла в лазарете от его внимательного взгляда, да только — все знали, что Тиромир его сын, а потому Ингеборгу я была выгодна. И от того, что ради Тиромира не то чтобы молчание хранить — жизнь отдать готова была, и от того, что сыновний успех самому Ингеборгу славу нёс.

И всё же, когда всё изменилось? Когда? Когда в глазах любимых чувство вины исчезло, а губы, что целовать хотелось без устали, произнесли словно невзначай: «Валкирин, а сможешь ещё раз?».

Смогла.

И ещё, и ещё, и ещё...

Каждый раз себя не жалея, каждый раз всё отдавая до капли, до последнего вдоха...

Да только чем больше отдаешь, тем меньше в ответ жди. И не осталось: «А сможешь ещё раз?», стало: «Его нужно поднять сейчас, в четыре утра у стражи пересменка, незаметно пройдем. Поторопись, Валкирин».

Больно.

Уж казалось бы отболело, прошло, забылось, скрылось за мутью необходимости выживания и яркой вереницей светлых добрых дней, ан нет, стоило вспомнить, и заболело сердце ретивое. Больно.

Ну да боль мне сейчас не поможет, о другом думать надобно. О том, что я, видать, оказалась явно не первой ведьмой, кто из мёртвых поднимал нежить. И архимагу Агнехрану то, получается, было ведомо. А ещё стало ведомо, что нежить поднятая ведьмой своего убийцу помнит и жаждет отмщения. Он это знал, точно знал, иначе как объяснить, что весь план строился на том, что нежить, почуяв древнюю ведьму Велимиру, ринется к ней?!

А в том, что ринется, аспид не сомневался, даже стрелки из лесу прямо к ловушке вели, да у ловушки той имелась и особенность — ведьма, что бесновалась в ней, выйти не могла, а вот нежить... для неё проход открыт был полностью. И это почитай, как если бы привязали Велимиру к дереву посреди леса, сковали по рукам и ногам, да и оставили на растерзание ночному зверью! Впрочем, драматизирую — руки с ногами ничем не сковывали, но что сможет сделать ведьма с таким количеством нежити? Ничего. Будет бороться, до последнего сражаться, да только бой этот заранее проигранным считать следует, не сдюжит ведьма, даже самая древняя и могущественная. Не сдюжит. Нет у неё ни шанса.

Да, леший был прав — не понравится мне этот план, совсем не понравится.

«Дальше что?» — спросила безрадостно.

«А дальше ведьмак», — ответил Водя. — «Как ведьма останется без сил, нежити озверевшей путь к ведьмаку укажут».

Содрогнулась я. Да и было от чего — ведьмак он по грани ходит, нежить, нечисть, чудища всяческие в нём своего за версту чуют, а коли на тёмную сторону перейдёт, то и поднимать нежить, и повелевать ею самолично может. А ещё магией наделить. И от того, любая ведунья лесная, быстро смекнет, что ведьмак ей необходим, крайне необходим. А значит да — ринется вся нежить Гиблого яра к ведьмаку, едва падет Велимира.

«Дальше...»

Водя на сей раз не ответил, Водя показал — как вмешиваются маги, как из-под земли вырастает стена каменная, лес от нечисти изолируя, да как наносят удар водяной с болотниками, поднимая ручейки серебряные по всей границе каменной. Сам бы Водя не сдюжил бы, а вот с болотниками, в едином порыве, учитывая количество имеющихся болотников, шанс был.

«Ты не злись», — виновато Водя сказал. — «Коли выгорит всё, за одну ночь с нежитью покончим».

А я... я не то чтобы злилась, мне на душе муторно было, и гадко. Победим, да, возможно, только есть у меня сомнения, и повод для этих сомнений есть тоже.

Поднялась, ладонь от дерева убирая и связь разрывая, опосля ногой топнула, заповедную тропу открывая, да и пошла по ней,

прямиком к аспиду.

* * *

У аспиды меня не ждали.

Едва явилась, отшатнулись от меня волкодлаки, кровью да нечистотами измазывающиеся, вампиры, картинно, филигранно да изящно нанося грязь на свои идеальные камзолы, моровики, парики из тины гнилой себе мастерищие.

А аспид так вообще выдал всего одно, но очень ёмкое слово:

— Дьявол!

— Не поможет ни один, — сообщила уверенно. — Не их территория, да и проку им с войны-то нашей нет никакого.

И подойдя, посмотрела я на аспиды. Аспид на меня смотрел едва ли, зол был, да собой недоволен — не ожидал, что так легко я из западни выскользну, вовсе не ожидал. Да тут дело такое — коли со мной клюка моя, вместилище силы моей, со мной была, тогда да, уйти незамеченной не вышло бы, а так как леший без клюки явился, бросив мою несчастную где-то у болота, никакой магической фиксации не произошло.

Но об этом я господину Аедану рассказывать не собиралась вовсе, да и вообще, я с вопросом пришла.

— Так значит с архимагом Агнехраном заодно действуете? — спросила прямо.

Тогда вот аспид в глаза мне посмотрел и ответил холодно:

— Да.

Даже пытаться солгать не стал, приятно.

— Что ж, — пытаться не стала, это Заповедный лес, здесь вопросов не задают, здесь помогают. Вот и я пришла, чтобы помочь. — Господин Аедан, есть кое-что, что вы упустили.

Прищурил глаза змеиные, смотрит внимательно. Жаль, самое главное проглядел.

— У природных ведьм есть одно преимущество — для вхождения в силу, они убивают врага. Всегда считалось, что достаточно одного, и в силу в принципе входят один раз. Но ведьма, которая сейчас в

капкане магическом мечется, убивала не раз. И среди её жертв, как вы, судя по вашему плану догадываетесь, есть лесные ведуньи.

— На том план и строится, — произнёс аспид.

Вздохнула, раздражение сдерживая, головой укоризненно покачала, да и пояснила несведущему:

— Когда природная ведьма убивает — она получает силу того, кто пал от её руки. Мне дальше продолжать?

Непонимающе на меня поглядел аспид, опосля резко повернув голову, на Гиблый яр глянул, снова на меня и спросил сиплым голосом:

— У Велимиры есть сила лесной ведуньи?!

Молодец, догадливый.

— И не одной, — вздохнула я.

Сильнее аспид помрачнел, а может показалось то просто, вот только:

— То есть, ты против плана, — сходу всё понял Аедан.

Отрицать не стала.

— А знаешь, как понял? — спросил аспид.

И даже мне интересно стало, как именно он это понял.

Но любопытством терзаться алхимик не дал, лишь произнёс почти обвинительно:

— Была бы «за», ты меня не поучать стала бы, а подсказала, что делать и чего от Велимиры ждать. Но ты не скажешь, не так ли?

Даже отвечать не стала, лишь взгляд его мрачный выдержала и глаз не отвела.

— Знаешь, Веся... в смысле, хозяйка лесная, ты уж выбери, на чьей ты стороне, и вообще о целях подумай. То ты войну затеваешь, да бой вести нормально не даешь. То навроде я и план придумал, да такой, что не пострадает ни один из твоих воинов, но вот ты снова против. И как воевать теперь прикажешь, Веся?

И в чём-то он был прав, определённо прав.

— Знаешь, не стоял бы в избе твоей, не видел бы всего, чем эта ведьма тебя «одарить» пыталась, я бы, может, ещё как-то понял жалость твою к ней. Но я стоял. Я видел. Я знаю. А ты хоть на миг, хоть на секунду единую задумалась о том, что будет, если на волю её отпустить?

Об этом-то я не думала, другое из головы не шло:

— При лучшем для нас раскладе, нежить её на клочки растерзает, а то и сожрёт. И как мне опосля с этим жить предлагаешь?

Аспид на миг глаза прикрыл. Постоял, подышал, шею размял, затем глаза открыл, на меня посмотрел и тихо, очень тихо, совсем тихо взял да и сказал:

— А ты о другом подумай, леса хозяйка, о цене моей, за победу запрошенной. Сопоставь сию цену с процессом деторожательным, да и... сходи, что ли, распашонки повышивай, всё толку больше будет!

И огорошив меня этим, зычно скомандовал:

— Начинаем!

Да ко всему прочему и магический зов кинул, я его увидела, а значит прав леший — аспид с магами заодно действует. И не только с магами — Водя мост мигом наладил. А потом прозвучал на весь лес магически усиленный крик Велимиры, и разом, в порыве едином, взревела нежить, взревела и ринулась — туда, мстить. И оно понятно, что не всех тут Велимира умертвила, да только ведуний-то похоже именно она, а три оставшиеся ведуньи всю нечисть Гиблого яра контролировали.

И вот стою я, с трудом устояла вообще, а аспид, помедлив немного, обернулся да и сказал:

— Не бойся, и вины на себя заранее не бери — ловушку от нежити закроют, Велимиру магам верну в целости и сохранности. А вот про ребёнка всё серьёзно, уж прости.

С этими словами аспид первый пошёл на мост, его обогнали моровики с бадзулами, анчутки серебристой стайкой летающих плотоядных рыб унеслись вперёд, следом вампиры, за ними ауки и оборотни.

А я стояла. Как статуя. Как самая что ни на есть окаменевшая статуя!

Как...

Леший появился рядом как и завсегда неслышно. А вот то, что он каждое слово аспиды услышал, в том даже сомнений не было — один лес ведь на двоих делим.

— «А вот про ребенка всё серьёзно»... — повторила я слова аспиды потрясённым шепотом.

Потому что даже шёпот был потрясен.

Мой леший тоже был потрясён и припомнив, повторил слова аспиды:

— «Крови — втрое меньше, чем в твоём теле сейчас. Кров — сроком на два месяца менее года».

Помолчал, и проскрежетал гневно:

— Кров сроком на два месяца менее года. Вот оно что! Два месяца менее года это десять месяцев. Время на зачатие, вынашивание и рождение. Это...

И на меня посмотрел друг верный. Я в ужасе, в смятении, в страхе нарастающем на него. Потому как... если бы речь о моей крови шла, вот тогда Лесная Сила бы вступилась, а коли о ребёнке слова — защиты и заступничества от неё не жди! Хуже того — Заповедная моя Чаша, она уже потенциал аспиды оценила, ширину плеч измерила, да добро дала!

— Лешинька, — голос дрожал. — Лешинька, он ведь пошутил, да?

— Уже, — мрачно проскрипел друг мой верный. — Нагнал, пошутил, опять догнал и сызнова пошутил.

На меня леший не смотрел, оно и понятно — себя винил.

Вместе ведь решение принимали, но за ним последнее слово было, а он, как и я, о подобном-то и помыслить не мог. Да и а кто бы смог?!

Но теперь-то уж, когда слова сказаны, а обещание дано — мне что делать? За Лешинькой, конечно, слово последнее было, но цену приняла я, мне и расплачиваться! Мне. Вот только как? Кров сроком на два месяца менее года, это как понимать? Если бы на всю жизнь, тогда я бы поняла. Страшно мне, чудовищно жутко, принять подобное невозможно, но... ночь с аспидом, это то, что я бы пережить смогла бы. С трудом, с ужасом, но смогла бы. Дитя выносить? Природа поможет, и дитя бы выносила. Но что дальше? Что будет с ребёнком? Ведь по всему выходит, что дитя аспид себе заберёт! Вот только я не отдам! Никогда ребенка своего, пусть и от аспиды, а не отдам никому! И многое для меня и для леса Аедан сделал, обратной, вампиров, волков, бадзулов с ауками мне сохранил-сберёг, и благодарна я за то, за каждую жизнь спасённую благодарна, но ребёнком платить не буду! Никогда! И ни при каких условиях!

— Веся, — позвал леший.

А я... я тихо вымолвила:

— Эту цену я заплатить не сумею. Никак. К чертям правила, но это больше, чем я могу дать!

Леший ко мне повернулся и прямо спросил:

— На обман пойдём?

— Другого выбора нет, — ответила с ужасом да с содроганием.

Обмануть того, кто собой рисковал мою нечисть оберегая, да мой лес завоеывая? Обманывать того, кто и сейчас за лес мой борется? А нет у меня другого выбора. Коли меня затребовал бы — отдала бы. Коли попросил жизнь любую спасти — спасла бы. А детьми я платить не стану, ни своими, ни чужими!

— Мы пойдём на обман! — сказала решительно.

Кивнул леший, и напомнил:

— Цена прозвучала и цена была такова: «Крови — втрое меньше, чем в твоём теле сейчас. Кров — сроком на два месяца менее года». Вот и выполним, честь по чести, каждое слово исполним. В лесу пусть живёт хоть весь год, даже дом ему справлю, коли пожелает. Кровь твою сейчас беречь надобно, в тебе её немного осталось опосля спасения Агнехрана, но за год нацедим. Ровно треть, как и было указано. И тогда, почитай...

Я его мысль уловила, улыбнулась грустно и его мысль продолжила:

— И тогда без обмана всё будет.

— Да, — кивнул мой верный друг. — Всё без обмана. Всё честь по чести. Всю цену выплатим, ни в чём должны не останемся. А опосля — сам из лесу выставлю!

Улыбнулась благодарственно, прошептала:

— Спасибо, Лешинька.

— Да не за что, моя то ошибка, ты ведь сразу сомневалась, сомнения были, а вот я сплеховал.

Мы помолчали, и я тихо сказала:

— Лешинька, он мне волкодлаков и вампиров с анчутками бережёт. Так что, за их кровь своей заплачу, и это справедливо будет.

— Кровь соберём осторожно, — леший уже о справедливости не думал, он к делу перешёл. — Чтобы не заподозрил ничего. У Гыркулы добудь сосуд, в котором кровь не свернётся, да не испортится. И запомни, Веся, что ты магу Агнехрану говоришь, о том аспид

неведомо как, но узнаёт... подумай об этом. Хорошо подумай. И осторожнее будь.

И молча мне клюку передал.

* * *

Эту ночь я коротала не с Водей, а с друзьями-соратниками моими верными — Ворон Мудрый прилетел, Кот Учёный из ближайшего дерева появился, леший рядом сидел, хмуро на другой берег смотрел, лесовики и те подобрались поближе, и ауки — их почему-то пока тут оставили. Но они ждали, забавные нескладные деревянные человечки листвою покрытые, стояли строем (и как только построил?) и ждали чего-то.

Через несколько минут стало ясно чего.

В Гиблом яру, куда ступило мое воинство, вспыхнуло пламя, словно горел кто, или что, и рев уносящейся нежити сменился тишиной, да такой что по спине холодок недобрый пробежал, но вспышка на мосту и все ауки разом вдруг издали адский вой нежити, сумели повторить скрип и грохот ломающихся деревьев, и даже гул земли.

В моём лесу все звери насмерть перепугались!

Совы прилетели, чуть на аук со злости не нагадили, насилу выгнала.

Следом волки явились, да в основном самцы матерые — они решили, что нежить на наш берег перебралась и вот на защиту примчались. Успокоила серых стражей, объяснила, что мост водяной контролирует, а берег по-всякому я, от того переживать не о чем.

А вот потом появилась Ярина. Ей я была не рада, но Чаша, возникнув тёмным силуэтом женщины (никак у Леси моду переняла), остановилась на берегу, да к Гиблому яру потянулась, словно вслушивалась.

— Ярина, — я поднялась. — Случилось что?

Чаша руку в мою сторону протянула и тёмный побег, извиваясь лианой, потянулся ко мне, моей ладони коснулся и я услышала. Зов! Я

зов услышала! Зов лесной ведуньи, той, что владела этой Заповедной чащей.

А Ярина голову повернула, да посмотрела на меня чёрными провалами пустых глазниц, словно сказать хотела: «Я доверяю. Тебе доверяю».

И доверие было велико. Любая лесная ведунья на моём месте в такой ситуации эту Чащу уничтожила бы. Любая. Но я любой не была, Ярине то было ведомо, оттого и показала, что происходит, оттого и доверилась.

— Не отдам, — тихо сказала я чаще, вновь на пригорок опускаясь.

А лешему, что на меня глядел обвинительно, он знал, что делать надобно, высказала с нажимом:

— И не уничтожу.

Покачал головой мой друг неодобрительно, но настаивать не стал. Я же на Ярину смотрела и чувствовала — тяжело ей. Балансирует на грани. Знает, понимает всё — а противиться зову истинной хозяйки ей сложно. И становится сложнее с каждой секундой.

— Иди ко мне, — попросила осторожно.

А Лесе приказ передала:

«Оборону держи, сложная ночь будет».

Ярина скользнула ко мне кошкой древесной, на руки забралась, прижалась, дрожит. Обняла её, погладила успокаивающе, а зов нарастал. Всё сильнее и сильнее. Я его чувствовала. И тут снова сигнал от аспиды, и всё то же самое повторяют ауки, да втрое громче от прежнего, я от их рева чуть не подпрыгнула!

Но успокоилась вдруг Ярина.

И я начала понимать, что происходит что-то дурное, очень дурное.

Посмотрела на Гиблый яр, на душе было тревожно, напряжённо, но я решилась.

— Веся, не... — начал было леший.

Да кто ж меня остановит.

Держа чащу на руках, я спустилась к воде, и прошептала:

— Водя, мост мне нужен или какая другая переправа на берег тот.

Водяной не ответил — видать занят был, но зато прислал кракена.

Чудище глубинное явилось, блестя в лунном свете, да щупальце ко мне протянуло — ступила осторожно к нему, в воду по колено

заходя, вздрогнула, когда щупальце обхватило поперёк живота, а дальше уже не так страшно было.

Кракен плыл рывками, а меня держал по пояс в воде, или поднимал вверх, когда очередной рывок совершал.

Плыл быстро, за несколько минут, у Гиблого яра оказались. Я направляла, а потому высапил меня монстр чуть левее от места высадки войска моего войска. Но не уплыл, рядом остался, щупальцами вокруг меня заслон выставив — Водя знал, чем рискую, вот и берег.

«Веся», — позвал леший мысленно.

И получилось, я слышала. Ярина моей связью с лесом была, на Ярине связь и держалась. И держа кошку древесную на руках, я опустилась на землю и попросила:

— Покажи, всё покажи.

И едва глаза закрыла, хлынуло в меня всё существо Гиблого яра, вся мощь, и вся тяжесть. Да такой силы был этот погибший лес, что не сиди я на земле — упала бы. А так лишь рукой уперлась, чтобы усидеть — на этой траве лежать было опасно. Понимала это и Ярина — оплела ладонь мою, а следом и меня лианами, так словно сижу я на лежанке со спинкой, и на спинку эту опереться можно было, а то для меня большим облегчением стало.

Села удобнее, глаза закрыла, да вновь вдохнула жизнь этого леса и почувствовала всё, весь лес. Как если бы по мне нежить бежала, да по мне уверенной поступью шёл аспид, я всё чувствовала, но увидеть не могла.

«Я послал филина, знаешь его — крыло ему по весне лечила», — сообщил леший.

«Спасибо»...

Рывок и я вижу всё глазами филина.

Чёрно-белым лес видится, тёмными фигуры по нему следующие, да чернее всех нежить, от того тяжело разглядеть её, тяжело различить, лишь инстинкты птичьи и дают понять — не чисто дело тут, опасность великая. Великая, да только... не согласованная, разрозненная и нервная. Оно и было от чего нервничать — лесные ведуньи мчась к своей убийце Велимире, от нежити требовали подчинения и чтобы тоже мчались умертвия ведьму убивать, да только у нежити свои инстинкты имеются, и каждый раз, когда слышали они рев да вой аук,

что имитировали нежити крик, то и останавливались. Дилемма у них была — с одной стороны к окраине леса бежать надобно, ведуньи требуют, а с другой рев от реки раздается, а значит туда бежать надобно-то. Но и третья сторона в этом была — ведуньи тоже крик слышали, от того медлили, хотели дождаться подкрепления, не ведая, что не воинство мёртвое там, а фантом-обманка. Умён аспид, ох и умён, хоть сиди, да и восхищайся — разобщи́л он нежить, ослабил, растянул по лесу, заставил в инстинктах нежить сомневаться, и теперь бери и уничтожай умертвия хоть мечом обычным.

Вот только права я была — Велимира стоять да смерти ждать не собиралась.

Она, именно она убила ведунью Гиблого яра, она её погубила, а потому... потому именно Велимира и силу ведуньи этого леса и имела. И силу, и власть. И сейчас, чувствуя что происходит, Велимира призывала подвластную ей Заповедную чашу. И зов становился всё сильнее! Велимира была ведьмой, и как ведьма, она Чашу не ощущала, только власть свою над ней чувствовала, и потому не ведала — не до боев сейчас Ярине, не до сопротивления, Заповедная чаша ныне на соломинке держится. И вот любая ведунья бы это поняла, а ведьме то неведомо, да и не интересно, плевать ей на Чашу, и на Лес этот тоже. Велимира как квинтэссенция зла — оголтелого, безжалостного, бессмысленного зла.

— Держись, — мне вслух того говорить не надобно было, Чаша моя и мысли мои услышит, если обращаюсь, но я сказала, мне так проще было.

Сказать-то проще, а вот что делать я не знала, и времени на раздумья у меня не было.

Велимира звала, зов нарастал, зов становился сильнее. Сколько ещё продержится Ярина? Минуту, две, может три, а после подчинится ведь, и, подчинившись, погибнет — беречь её ведьма не станет, и о сохранности её не подумает даже.

Вмешаться, но как? Магии моей не хватит. Магию леса использовать я не в праве — моему лесу Заповедному то не пойдёт на пользу, и так неведомо на чём держимся, на упрямстве моём одном. А самой в бой вступить — то дело гиблое — не противник я Велимире, а коли я погибну и лес мой падёт.

И что делать-то?

По здравому размышлению следовало мне назад вернуться, да Ярину магией своей не удерживать — знаю ведь, что не удержу, не в моей власти то. Остановить бой-сражение? А тоже не выйдет — уж коли начала Велимира Чашу призывать, то не остановится, покудова не призовет.

И что же делать-то? За какую соломинку спасительную ухватиться?!

И тут вдруг как молнией ударило — соломинка! Мне нужна была соломинка! В смысле клюка! Клюка ведуньи лесной — проводник силы прямой! Много ведунья без клюки может, да с клюкой вдесятеро больше! И главное то вот в чём — Велимира клюки не имела. Бесновалась, бесилась ведьма-то, но клюки при ней не было. Клюка осталась у ведуньи, да только той ведуньи уже и не было, видать сгинула, да сгинула давно, а клюка? Клюка где? Коли сгорела — пепел должен остаться. Сгнила? Сила её в воде и траве значит. А унести из Гиблого яра не могли её, клюка она к лесу накрепко привязана, а значит здесь она!

— Ярина, — прошептала я, мокрую пожухлую траву рукой сжимая. — Клюку ищи.

Доверяла мне Чаша Заповедная. Всей душой доверяла. От того и за мыслями моими потекла, как капли дождя в ручеек стекают, в единое русло вливаются. Вот так и сила наша потекла — каплями незримыми, нитями неосязаемыми, потоком незаметным. Мчалась по нам нежить растерянная, топали по нам ведуньи взбешенные, ступали по нам воины мои да маги Агнехрановы, а мы искали, не отрываясь, не отвлекаясь, и не думая. Одна цель была, на иное не распылялись. И яр Гиблый прочесывали, весь как есть, весь каков был, вдоль реки, у подножья скалистых гор, в низинах уже занятых моими болотниками болот.

Искали, искали, искали.

Я дышать забывала, Ярина уж дышала на ладан, но занятая единой целью, сопротивлялась зову Велимиры, всеми силами сопротивлялась. А я всеми силами искала магию, крохи её, капельки, осколки, щепки, пепел...

И вдруг нашли!

Ярина первая уловила, а я за ней устремилась да и увидела — на самой окраине леса, в ста шагах от беснующейся ведьмы в ловушке,

подле мшистого пня, что ещё территорией Гиблого яра был, она и лежала. Да так лежала, что видно было — не уронили её тут, не бросили, сама вернулась, из сил последних возвернулась в лес родной, тут и гибла, и погибла же почти.

Да только у меня не забалуешь. В смысле забалуешь-то, я не против, но точно не погибнешь — супротив я погибели всяческой, и как ведьма, и как ведунья супротив! И коснулась моя магия клюки гниющей, да хоть и почти разложилась та, а силой ударила так, словно моя собственная, в идеальном состоянии пребывающая.

Я взвыла. В голос. Подскочила, Ярину удерживая, да запрыгала, чтобы не взвыть повторно — в этом лесу быть опасно было, глядишь какая нежить сомневающаяся сомнения то отбросит и моей воющей персоной закусить возжелает. От того дальнейший танец боли происходил в полном молчании и потрясании правой рукой, которой от клюки-то и досталось. Да так досталось, что поняла я — правой рукой не сдую, мне её вообще лечить придётся похоже.

Остановилась, тяжело дыша, да стратегию продумывая. Клюка, хоть и почти сгнившая, оказалась невероятно сильна. Вот так, гниёт себе сук и гниёт, а потом как ударит магией, рад не будешь, что тронул-то. И по здравому размышлению, трогать бы мне эту клюку не стоило, а по не здравому — трону, знаю ведь, что трону, мне без неё никак. И остается лишь одно решение — как-то так тронуть, чтобы левая рука не отнялась.

Размышляла я недолго — глаза открыла, огляделась. Мне нужно было что-то, проводник нужен был, да такой, чтобы клюка всей мощью по мне ударить не смогла бы, а вот я её подчинить сумела. Для дела того надобно было что-то, что ни рыба ни мясо, в смысле не совсем к Гиблому яру принадлежит. И нашла я — шагах в пятидесяти у самого берега реки ива росла. А ива она то, что надо — на границе она, между лесом и рекой, на самой-самой границе.

Встав ровно, Ярину больной правой рукой обняла, левую к дереву направила.

— Abscindere!

Длинный тонкий ивовый прутик отделился от ивы, и, скользя концом по воде, подлетел ко мне. Ухватила, встала ровнее, глаза вновь закрыла. Взглядом филина к окраине яра Гиблого перенеслась,

да сжимая прутик тонкий, решительно вдавила его в прогнившую клюку.

Вспышка! Яркий свет ослепил парящего в небе филина и я на миг утратила возможность видеть, а когда зрение вернулось, я крепко держала клюку — прогнившую, местами исключительно призрачную, но сохранившую свою магическую силу и подчинившуюся мне. И я держала тонкий ивовый прутик, а ощущала тяжесть дубовой клюки, тяжесть и мощь.

Об одном не подумала — в Гиблом яру три ведуньи полноценные, хоть и мёртвые давно, и для каждой клюка вторая заветнее мести ведьме, что жизни у них отняла. И первый удар по парящей в воздухе клюке был нанесён очень быстро. Быстрее, чем я даже подумать могла. Но мысли это одно, а вот тело совсем иное — я перехватила удар на клюку, как перехватила бы его держа в руках меч. Удар, и я отбросила первую из ведуний. Вторая атаковала в тот же миг и бой на клюках, перешёл на новый уровень — наиболее примитивный.

Думать было уже некогда. Я сражалась отчаянно и упорно, Ярина, уже накрепко привязанная ко мне через клюку, осталась где-то на земле, ей в битву вмешиваться не следовало, в другом была её задача — как только отброшу ведуний в клюку силу влить, дерево сгнившее восстановить, да помочь мне клюку призвать сюда, ко мне.

И в этот момент я услышала негромкое:

— Хм.

И голос был знакомый очень.

Одним глазом там, одним здесь — думала так не бывает, но у меня получилось. И остервенело сражаясь на посохах с тремя ведуньями разом, я таки одним глазом поглядела на хмыкающих подле меня.

Оказалось — аспид.

Стоял он у ближайшего дерева и смотрел на меня очень странно. Его ж понять-то, так если подумать, то можно было. Он же аспид, всё, что он видел, это меня, носящуюся по полянке и прутиком ивовым тоненьким, который от любого движения гнулся, размахивающей.

— Интересный... танец, — заметил аспид, с некоторым потрясением.

Увы, я придала зрелищу ещё больше несуразности, атаковав вторую ведунью с воплем:

— А в челюсть не хочешь?!

Она не хотела. Она даже и вопроса не услышала, но в челюсть получила всё равно, а мне пришлось изворачиваться, избегая захвата первой ведуньей. Эти трое сговорились, и атаковали слаженно, а мне пришлось от них от всех отбиваться, причём одной.

— Кий-йя! — и концом клюки, я отправила в кусты вечно тянущую свои ручонки куда не нужно первую ведунью.

Я не знаю, зачем кричала, просто ощущение такое, что с криком удар он сильнее получается. Но не рассчитала я силушки ведуний, особенно их умение кричать погромче моего. Ведунья номер один, вылезла из кустов, раззявила пасть, уронив челюсть до уровня груди, и огласила лес таким рыком, от которого я тут, находящаяся от неё за три дня пути, и то пошатнулась. Но своё отдавать не собиралась! Совсем не собиралась! И не думала даже! От того, бросилась улепетывать с клюкой вместе, но только по кругу — околото, где меня кракен высадил, он не большой был по окружности, шагов двадцать в лучшем случае, и вот по этому кругу я и припустила, с прутиком ивовым наперевес.

А там, в трёх днях пути, три лесные ведуньи оторопело глядели, как улепетывает от них клюка волшебственная, и понять не могли, отчего мчится-то шагами почти человеческими. Понять поведения моего и аспид не мог, глядел он всё более с оторопью, зато Ярина была мне опорой и подмогой. И кинулась Чаша с пути моего убирать ветки деревьев, как растущих, так и давно землю устилающих, и вообще дорожку вытоптала, чтобы сподручнее мне было, но только вмешаться в бой попыталась, окрикнула я отрывисто:

— Не смей! Себя береги! Не смей, кому говорят, там три ведуньи, а ты одна у меня!

И Ярина послушалась, мешаться не стала, умничка она... а вот аспид нет.

— Ну что ж, раз об том речь пошла, то и ты у меня одна, хозяйка лесная, — сказал он.

И если б только сказал — вмиг рядом оказался, за талию обнял, к себе резко прижал и руку мою с прутиком ивовым перехватил. А я только-только на пару шагов как от ведуний оторвалась-то в забеге немыслимом. А тут этот схватил и держит. А я главное и обоими

глазами на него возмущённо поглядеть же даже не могу, мне вторым глазом неотступно за ведуньями обозлёнными следить надобно было.

— Пусти! — прошипела взбешенно. — Не до тебя сейчас!

А он возьми да и скажи:

— Не отпущу.

Ну и сам виноват. Протянула я ладонь правую, к щеке его матово-угольной прижала, да и отправила прямиком в разгар схватки моей с ведуньями. И увидел всё аспид, своими глазами увидел — опушку по ту сторону Гиблого яра, трёх ведуний, что стояли, свои клюки сжимая, да уже мою клюку, полугнилую-полупризрачную, что висела в воздухе. И казалось бы увидел ты, не полоумная я, не ради забавы по полю ношусь, так отпусти и не мешай же. Но нет. Рывком аспид меня к себе спиной развернул. Левую руку мою, ту что с прутом, сжал крепко, правую к щеке своей прижал, снова за талию обхватил накрепко. И стоим вот, натурально обнимаемся! Даже Ярина оторопела, а что если бы Леся тут была?

— Аспид, — сипло прошептала я. — Аспид, ты чего это делаешь?

Не ответил он, лишь крепче сжал и руку мою, и талию.

А вот затем начался бой!

Это я ничего в сражениях посохами не ведала, а аспид похоже мастером был, да таким, что всем на зависть. Ну по крайней мере я точно обзавидовалась, а ведуньи мертвые вообще не поняли, с чего вдруг у клюки, что так хотели своей сделать, маневренность невиданная проснулась, да ударная сила разов в двадцать возросла.

Аспид сражался молча, без криков, без боевых кличей — просто молча и сосредоточенно. Удар, перехват удара на клюку, новый удар, да такой, от которого клюка у второй ведуньи треснула, и тут же парирование атаки первой ведуньи. Я себя в процессе куклой матерчатой чувствовала, ноги мои болтались как бельё на ветру, но талию аспид держал крепко, а я все силы прилагала, чтобы моя ладонь с его щеки не соскользнула, ведь если соскользнёт — аспид видеть бой не сможет.

На том и сосредоточились — я на нём, он на бое магическом. Но дураком аспид не был, сходу сообразил, что таким путём с лесными ведуньями не справиться, они-то мёртвые, драться могут без усталости, а потому дошло до него очевидное:

— Ты когда по кругу бежала, это ты оторваться хотела? — спросил напряжённо, от очередного выпада ведуньи третьей уворачиваясь, да ударом клюки первую ведунью подсекая так, что та наземь грохнулась.

— Ага, — ответила, тяжело дыша.

Кто б знал, что тяжело так ладонь на чужом лице удерживать. Никто. Даже я до боя этого, о тяжести дела сего и не предполагала. Аспид же кивнул, да и рванул наутёк аккуратно по тому самому кругу, который для меня Ярина вытоптала. И вот мы бежим. В смысле бежит-то аспид, я грузом бессловесным на нём болтаюсь, но отпускать чудище и не думало, держало крепко, и об одном только аспид спросил:

— Сколько?

— Двадцати шагов хватит.

— Ясно, — ответил, тяжело дыша, и припустил быстрее.

Бежим. Тут, на околотке, бежим сами, а там, в трёх днях пути от нас, за полусгнившей летящей клюкой бегут все три мёртвые лесные ведуньи. И тут увидела я, что и ведуньи-то со стороны если так посмотреть, ненормальные на всю голову. И главное стоят оторопев и маги и нежить, стоят да понять не могут, что происходит-то.

— Весь? — хрипло позвал Аспид. — А от чего нежить не вмешивается?

— Лесные ведуньи не дают, — мне уже изрядно надоело болтаться, но бой штука такая — коли начал, отступать уже некуда. — Тут, аспидушка, дело вот в чём — это клюка прежней хозяйки Гиблого яра, сила в ней немереная, ту силу лесные ведуньи терять не хотят, вот и держат нежить далече.

— Ясно, — снова коротко ответил аспид, и побежал втрое быстрее, перекинув меня через плечо.

Держать ладонь на щеке его мне было оооочень удддно, но аспид бежал по кругу, я тряслась и подпрыгивала на его плече, из воды вылез кракен, и глаза у него стали раза в два больше обычного, а ещё округлились существенно.

И тут аспид объявил, не сбавляя ходу:

— Двадцать!

— Кидай на землю! — крикнула ему.

— Кого? — не понял аспид.

— Меняяя! — неудобно было кричать подпрыгивая животом на жёстком плече.

Но господин Аедан всё равно услышал. Резкая остановка, от чего я чуть не слетела вниз, но аспид подхватил, затем осторожно и бережно уложил на пожухлую истоптанную нами чёрную траву Гиблого яра.

— Ну не на спину же! — возмутилась я.

А аспид почему-то улыбнулся.

Но мне не до улыбок было — рывком перевернувшись, я впечатала прутик ивовый в землю, и зашептала голосом срывающимся:

— Когда голосом позову из глубин, из небытия, из тьмы,

Ты лети ко мне за облака, ты за моим голосом лети!

И не надо воскрешать надежды и мечты,

И не надо искать то, что никогда не найдут,

Ты на голос мой упорно лети,

Здесь тебя любят и здесь тебя ждут!

Три секунды на заклинание, и ещё одна, крохотная, на то чтобы клюка откликнулась на мой зов, отсекая подоспевших к ней лесных ведуний.

И я продолжаю шептать слова уже отработанного на первой моей клюке заклинания:

— Не думай о цветах, что уже не спасти!

Не верь в слова, что скрываются в древних книгах!

Поверь, ты воскреснешь опять!

Отзовись, поверни время вспять!

Свет ударил в грудь взрывной волной, в попытке отбросить меня от клюки, что воскресала повинуюсь моему зову. Но я удержалась, частью по причине того, что держалась крепко, а частью потому, что меня, заболтавшуюся как былинка на ветру, удержал аспид... поблагодарю его, потом... когда-нибудь. А сейчас сжимая пальцами раскалённую, обретающую плоть клюку, я прошептала:

— Стань моим продолжением, и мы пойдём по облакам!

Стань моим продолжением, и мы вернём, что утратили!

Стань моим продолжением, мы отомстим всем врагам!

Стань моим продолжением, только не погибай!

И свет угас, ветер перестал выть, а клюка засияла успокоенным магическим мерцанием. Я упала наземь, ощутимо приложившись к траве и, кажется, ногу слегка поцарапав. Рядом со мной присел аспид, в воду ошарашенно опустил кракен, а Ярина цвела. Она стояла недвижимо, снова в виде деревянной девушки, и черна была всё так же, но в её ивовых волосах цвели цветы. Белые, крохотные, но такие красивые.

А я перевернулась уже на спину, всё так же клюки не отпуская, и лежала теперь глядя в небо и пытаюсь отдышаться.

— И... что это было? — спросил аспид.

— Призвание, — выдохнула я.

— И... кого призывали? — так спросил, словно вообще его тут не было.

— Клюку! — спорить сил не было, объяснять что-либо сил не было тоже.

И тут аспид возьми да и скажи:

— То есть, одной клюки тебе было мало, так?

На столь провокационный вопрос я даже отвечать не стала. Молча воззрилась на сидевшего рядом со мной аспиды, и задала вопрос, который с самого начала следовало задать:

— Господин Аедан, а что это вы тут делаете?

Но вместо вразумительного ответа, аспид издевательски сообщил:

— А вот вы не поверите, госпожа лесная ведунья, именно это я собирался спросить у вас!

И на последнем слове издевательства не осталось, а вот гнев в голосе послышался, да существенный.

Поразмыслив, решила:

— Я первая спросила. И я женщина. И я тут хозяйка. Так что соизвольте ответить, уважаемый аспид.

Уважаемый аспид, судя по взгляду, готов был меня прибить, и даже на клюку, что уже вовсе не ивовым прутиком была, а могучим дубовым посохом, внимательно поглядел, видать примеряя в качестве орудия убийства одной определённой ведуньи, меня то есть. Но вновь посмотрев на распростёртую хозяйку леса, грубить господин Аедан передумал, и сухо ответил:

— Лес, внезапно, стал крайне проблематичным в магическом плане, и мой портал начал самоуничтожаться.

Секундное молчание и злой вопрос:

— Это имеет отношение к вашим одиночным танцам, госпожа лесная хозяйка?!

— Непосредственное, — заявила я, закинув ногу на ногу и в целом устроившись поудобнее на сырой земле.

Но прежде, чем взбешенный аспид, высказал всё, что в данный момент обо мне думает, я вспомнила, что мы всё-таки союзники, и даже больше чем союзники — этот гад вообще-то на меня работает, а потому милостиво объяснила:

— Я же сказала тебе, что Велимира вероятно убила не только тех ведуний, что ты видел, но так же и ведунью этого леса. А значит, до призвания мной клюки, фактически, территория Гиблого яра подчинялась ей. И когда ты натравил нежить на ведьму, ведьма задействовала свой главный козырь, и начала призвание.

Аспид помолчал, затем спросил:

— И кого призывала?

Пожав плечам, устала ответила:

— Говорила же уже — клюку, ну и Чашу.

И подняв правую руку, мрачно рассмотрела имеющееся — у меня теперь были потрясающе-чёрные ногти. Все. Конечно, я понимала, что это не просто чернота, это объемный синяк на всю ладонь, но выглядело всё равно зловеще. А ещё больно было.

— Да, это ты учудила, — неодобрительно констатировал аспид.

— А, ерунда, — отмахнулась я. — Это ты ещё не видел, что с первой клюкой было, я её вообще почти месяц призывала, синяков тогда было не счесть... потому что проще было сосчитать, в каких местах синяков да ушибов не было.

И с этими словами я попыталась встать. Аспид молча помог, и чуть не поплатился за это, когда его плечо оказалось слишком близко возле клюки.

— Поберегись! — воскликнула я, быстро убирая излишне агрессивный аппарат управления лесом там, и прочими штуками.

На вопросительный взгляд аспиды, пояснила:

— Она агрессивная ещё, вдарит магией так, что не рад будешь.

— Я уже не рад, — процедил аспид.

— А зря! — воодушевленно высказалась я. — Всё, строй свой портал, можешь хоть десяток, и даже сотню, если потребуется. А я

это... пойду сдохну, что ли.

— Что?! — прорычал аспид.

Поняв, что оговорилась, поправила:

— Отдохну пойду. Отдохну, а не сдохну. Наверное. Но это не точно.

И с этими словами я ударила клюкой оземь, открыла тропу заповедную, и спокойно, без моста, без помощи чужой, без проблем вообще — ушла прямо в свой лес.

* * *

Когда я шагнула на берег реки уже в своём лесу, клюку молча отобрал леший. Клюка в отместку ударила по другу сердешному так, что снесло лешего и им же пару деревьев чуть пополам не сломало, ну да леший у меня был опытный, сильный, знающий. И пока клюка скакала диким жеребцом невзнузданным, упорно брал верх, привязывая её к себе и лесу.

И тут со спины кто-то подошёл, да взял меня за руку. И только взял — тут же боль ушла.

— Э, благодарствуем, — поблагодарила аспид.

— Пустое, мне не трудно, — ответил тот.

Ну коли пустое, то и говорить не о чем — мы все дружно наблюдали за битвой лешего с клюкой моей новой магической.

— Что происходит? — аспид отчего-то руку мою всё так же продолжал держать.

— Что происходит? — переспросила, сосредоточенно за битвой наблюдая. — Так это — процесс воспитательный.

И вздохнув, объяснила подробнее:

— Я — леса хозяйка, но хозяин в лесу — леший. Я — привечаю, он — подчиняет. Весь порядок в лесу, он же на лешем держится, на силе его основывается.

— Эмм, а как это к посоху относится? — любопытствовал аспид.

— К клюке, — поправила я. — Да просто относится — на призвание я, как ведьма, могу потратить не более тридцати секунд. Но

подчинить призванный дух я не в силах, для этого мощь лешего требуется. В процессе подчинения клюка магическая сбрасывает часть агрессии и ненависти, и становится более спокойственной, стабильной, знающей. Оно ж как — ненависть ослепляет, вот и не видит клюка сейчас всего в истинном свете. Тяжело же ей, и трудно.

Противостояние лешего и клюки тем временем нарастало — сильная была клюка, ох и могучая, но и леший мой не из слабых, держал крепко, в землю врос, а всё равно держал. Но я вот так смотрю, и ощущение такое, что с первой клюкой у него дело легче прошло, это меня она измучила основательно. А вот сейчас словно другая ситуация.

— Вызов духа, — вдруг произнёс аспид. — Я всё не мог понять, на что похоже твоё лепетание, но теперь понял — на вызов духа.

— Ну, как-то так, — не стала спорить я.

А вот аспид спорить вдруг пожелал.

— Ведунья, — произнёс он. — Подчинить эту клюку мог и я, мощи бы хватило и сил тоже.

Обернувшись, я посмотрела на лицо его угольное с глазами змеиными и прямо спросила:

— Аспидушка, а ты у нас разве леший?

Промолчал, смотрит зло и мрачно.

— Не леший, — констатировала я.

И вернувшись к наблюдению за сражением, авторитетно добавила:

— Ты аспид, алхимик, и я сильно подозреваю, что ты ко всему прочему маг, иначе маги бы с тобой не сотрудничали. Но ты не леший, а потому с клюкой тебе, так, чтобы ей не навредить, не управиться.

И тут замер леший, засияла в руке его клюка магическая, озарила лешего сиянием, и Кот Учёный сказал:

— Всё, ховайся кто может.

— Я... полетел, — мудро решил Мудрый Ворон.

Домовой слился вообще беззвучно.

А аспид возьми да и спроси:

— А что это с ними?

— Предусмотрительные просто, — пояснила я.

— В смысле? — не понял аспид.

Непонятливый.

— В смысле, — я теперь совсем тихо говорила. — Агрессия и раздражение они никуда не деваются, и от того, всё это сейчас в Лешиньке. Шел бы ты отседова, а, аспидушка?

Но аспид с места не двинулся, лишь у меня спросил:

— А ты, Веся, ты что делать будешь?

— Терпеть, — вздохнула я. — И молча.

* * *

Тёмный сосновый бор сегодня был особенно мрачен — ещё бы, по нему, взметая опавшие сосновые иголки, метался мой леший, уже третий час к ряду выплескивая всю свою ярость:

— Привела мага приبلудного, все силы на него истратила! В любой бочке затычка! Где у нас Веся, когда начинаются неприятности?! Правильно — в неприятностях! С головы до ног! Войну она затеяла! Клюки ей одной мало было! В Гиблый яр сунулась без спросу без вопросу! Режим дня не соблюдаешь!

Чуть было не спросила, а это тут причём, но вовремя вспомнила, что возникать сейчас не просто бессмысленно, а и чревато.

Из ближайшего дерева высунулся Кот Учёный, и по причине того, что был учёным, тут же засунулся обратно — умный, уважаю.

А леший не унимался.

— Тебе что было сказано? Выжить! На тебе лес держится! Ты за лес в ответе! Не можешь ты собой рисковать, как есть не можешь! А она в Гиблый яр как домой к себе туды-сюды, а у меня сердце не железное! Я с тобой поседею раньше времени! Клюку она себе завела! Приблудной чащи Заповедной мало было?!

Не, серьёзно, в прошлый раз он как-то меньше серчал, а не вот как сейчас три часа к ряду.

Рядом со мной лежала клюка Гиблого яра, я аккуратно её коснулась, и тут же как на ладони весь Яр и увидела, и яр, и своё в нём воинство — возвращались воины мои. Скверны в Гиблом яру было много, и опасна она была сверх меры, а потому, через час от начала боя аспид отослал оборотней, и теперь Водя излечивал их от спор гнилых да скверны опасной. Потом покинули поле боя вампиры — сначала те,

кто ранен был хоть немного, потом и остальные. Больше всего аспид с моровиками продержался — моровикам им вообще никакая скверна не грозит, а аспид это аспид.

— Не отвлекаться! — рявкнул леший.

Я быстренько вид прилежной ученицы приняла, и сижу, слушаю его внимательно, не отвлекаюсь. Но больше всего мысли мои сейчас были об... Агнехране. Самый большой удар не на аспида и воинов моих пришёлся, самый большой удар нанесли по магам. Ведуньи это сила, и это расчётливость. Вот они и просчитали все вероятности боя, и поняли — первостепенной задачей уничтожение Велемиры является. И тогда перекинули свои силы ведуньи, им это не сложно, они тропами заповедными пользуются, и попытались прорваться к ведьме, что отняла их жизни. В этот момент я вмешалась, и ведуньи кинулись к найденной мной клюке заповедной, в надежде силу свою увеличить. Оно-то просто было — выпить силу у клюки куда проще, чем призвать, да к себе привязать. Но эту битву выиграла я. Эту и другую, о которой только я и догадывалась — Велимира не знала о возможностях клюки заповедной, просто не знала, иначе призвала бы сама и ей то далось бы легко и просто. А вот последствия... о последствиях подумать страшно.

— Ну и о чём задумалась, голова моя бедовая? — прорычал леший, оказавшись совсем рядом со мной.

— А об том, Лешинька, что иногда мне просто везёт, — сказала честно.

— Сам поражаюсь, — леший тяжело опустился рядом, пододвинув клюку. — Только одно меня тревожит, Веся, что делать будешь, когда везение-то закончится?

— Не знаю... — прошептала я.

И леший того тоже не знал.

— С магом твоим озабоченным что? — спросил мрачно.

Я руку протянула, к клюке притронулась, да не видно ничего. И ведуньи и нежить Гиблый яр покинули, а потому и мне были не видны.

— Не знаю, — и сердце сжалось так. — Не знаю, что с ним. И где он не знаю тоже. Кровь чувствую, кровь, что на опушке леса Гиблого пролилась, и кровь та человеческая, а увидеть ничего не могу.

— Ох, Веся-Весенька, — вздохнул леший.

— А что, если поги... ранен? — о смерти думать не хотелось мне.

— Сама в то веришь? — прямо друг верный спросил.

Вспомнила я архимага, силу его, как с ведьмой самой сильной из всех ведьм, разобрался влѣгкую, да ведьмака же поймал, тоже без труда. Силѣн был Агнехран, очень силен... но это Гиблый яр, он не силой берѣт, а коварством и подлостью.

Вздыхнул устало леший, да и спросил:

— Что с клюкой было смотреть станем?

Мы могли. Всю жизнь её просмотреть могли, всю как есть, вот всё чему клюка была свидетелем, вот ровно то же и мы могли увидеть. Да не хотелось мне, никак не хотелось. Хватило того, что моя первая клюка нам поведала, и страшно то было — умирала моя коллега по лесу Заповедному в лесу, клюка с ней рядом была да свидетельницей стала и смерти, и гниения, и трупа разложения. Хорошо у меня сон ведовской лесом заполненный, а иначе от кошмаров и не спала бы вовсе.

— Не хочу я, Лешинька, — призналась с содроганием.

— Ладно, сам гляну, — принял решение леший.

Хорошо лешего иметь, на него завсегда положиться можно. И я положились. Лешинька клюку Гиблого яра взял, сжал дланью могучей, глаза закрыл.

А потом леший молчал. Хмурился и молчал. Долго молчал. И вот пока гневался да негодовал, оно как-то поспокойнее было, а теперь, когда молчал... морозец по коже пробирал так ощутименько, и напряжение. И испереживавшись, уж хотела сама посмотреть, что было, но леший клюку от меня отодвинул, и сказал властно:

— Не лезь.

И я лезть не решилась. Леший меня берѣг, как мог берѣг, от всего, что возможно оберегал, я то ценила всем сердцем, а потому не полезла. В молчании дождалась, пока леший заговорит.

И он сказал:

— Веся, а помнишь, злилась ты, на программу учебную, и на экзамены с зачѣтами, а пуще на правила, что соблюдать была обязана?

Ну, кивнула я, такое ж не забудешь.

А леший глаза открыл, мне в глаза посмотрел, да и сказал:

— И правильно гневалась, Веся, видать всем нутром чуяла — погибель в тех правилах! А знаешь от чего гибельны они?

Не знала я.

И тогда леший сказал:

— Велимира их составляла, Веся, Велимира!

Я бы расстроилась, да и прозвучавшее оно чудовищным было, но... это оказался тот приятный момент, когда я вдруг подумала о себе.

— То есть, экзамены теперь можно не сдавать! — просияла я.

Лешинька на меня посмотрел внимательно. Мне даже стало совестно, но совсем немного.

— Но ведь экзамены-то теперь можно не сдавать? — уже полувопросила.

Леший нахмурился, но был вынужден признать:

— Так, если подумать, то можно и не сдавать, — понуро произнёс он.

А больше мне говорить ничего не стал, а я малодушно и не спрашивала. Не хотела я знать, совсем не хотела.

— Не серчай, — вдруг сказал леший. — А только ведьму эту пусть на части мертвяки рвут, заслужила она не одной смерти, а с десяток самых зверских смертей.

Опустила я взгляд, голову понуро свесила, а все ж сказала:

— Не мне её судить, Лешинька.

— А если не тебе, то кому? — прямо леший спросил.

Лучше бы серчал, да негодовал далее.

— Раньше бы сказал, что ведьмы с ней пусть разбираются, а теперь так скажу — если ты её не уничтожишь, не уничтожит никто. Даже Агнехран не сумеет. Аспид может, возможно, да по поводу него сомнения у меня большие. А ведьму нужно уничтожить, Веся.

Опустив голову ещё ниже, я ответствовала едва слышно:

— Лешинька, я не смогу.

— Потому что ведьма? — зло спросил друг верный.

— Потому что ведьма, — подтвердила тихо.

— Да, проблема, — нахмурился леший.

Это всегда было проблемой у нас с ним. Он говорил «Добей медведя, старый уже, ходит только мучается», а я схожу да и вылечу, и потому что сердце жалостливое, и потому, что ну что толку в Волшебном лесу, если в нём волшебства не творить?! Но потом от лешего пару дней тихариться приходилось, серчал он у меня, сильно гневался.

И тут вдруг Леся знак подала, да какой — из земли выпрыгнул саженец дубовый и давай на всех корешках как на лапках пританцовывать.

— Что? — спросила я, причины радости не понимая.

Леся тут же и продемонстрировала — на самом краю леса моего заповедного, да не со стороны деревень, что с лесом соседствовали, а со стороны полей, сидела девица в слезах да соплях. Рядом с ней на земле свёрток пищал явно младенческого содержания. А девица, лицо мокрое рукавом утирая, вещала-ведала о происхождении дитя незаконнорожденного, и что мамка с тяткой назад с ребёночком не примут, и что делать ей нечего, кроме как отнести в лес, а там уж как лесная ведунья решит, таковой судьба дитятки и будет.

И Леся счастливая сложила из лиан восторженное: «Берем?»

И вот любая лесная ведунья на месте моем сказала бы «Да», и взяла бы бесспорно. А я ведьма. Я на девицу ту посмотрела и поняла-почувствовала — не её это дитя. Она вообще не рожала ни разу!

«Леся, сколько дней дитятке?» — спросила у Чащи.

Чаща-то моя Заповедная, она на детях помешанная, она всех детей окрестных знает, и даже всех беременных матерей.

Леся, призадумавшись, ответила цифрой четыре.

Значит четыре дня отроду.

«А кто у нас рожал четыре дня назад?» — полюбопытствовала.

Тут Леся долго не думав, выдала мне пять образов находящихся на сносях дев. Первой была дочь кузнеца Варя — косая сажень в плечах, калёная сталь в глазах, кулаки пудовые. У такой кто дитя украсть попытается, тот далеко не уйдёт. Второй девой была Путята — девушка милая, добрая, часто у меня в Заповедном лесу ягоды да травы собирала для матери, такая дитятко отстоять не сумеет, да только муж у неё брат Вари и сын кузнеца. И пусть имя у него тихое Тишило, зато характер как и у сестры, а кулаки поболее будут, и удар поставленный — года два назад на него разбойники напали близ деревни. Леший у меня быстрый, шустро на помощь кинулся, да только если кому и помогать пришлось, так это разбойникам. Третья дева Неждана. В Веснянках она была чужачкой, муж жену из похода военного привёз, любил и берёг зело сильно, тяжелой работы не давал, от того невзлюбили девушку в деревне, ох и невзлюбили. Что ж, кажется я уже знаю, кто мать.

«А что, Леся, дитятко хочешь?» — спросила я.

Леся хотела, но уж сама поняла — не чисто тут дело.

«Вот и бери себе дитятко, — милостиво разрешила я. — Воспитай, как полагается, да посуровее с ней будь. Тут ведь вот какая незадача, Леся, родители её воспитали явно паршивее некуда, придётся тебе перевоспитывать».

И поднявшись, взяла я клюку, свою взяла, а клюку Гиблого яра пришлось взять лешему, за ней покудова особый присмотр нужен был.

Я же иллюзию на себя накинула, да клюкой оземь ударила, тропинку заповедную открывая.

* * *

Когда перенеслась на опушку леса, Леся уже за дело принялась со всем тщанием — девица подлая была спелёнута, в рот, орущий, наиболее удобственную шишку вместо соски ей Чаща приспособила, а малыш орал звонким голосом недавно в мир рождённого. Подошла, подняла, подержала на руках, разглядывая — хорошенький карапуз, славный и справный. Такого бы беречь и любить, но нет пределов злобе завистью порождённой. Улыбнулась я мальцу, тот беззубой улыбкой улыбнулся в ответ, на душе теплее стало. Прижала его к груди, клюкой оземь ударила, да и перенеслась к Веснянкам, да не со стороны ворот и тракта торгового, а туда, где лес мой так нечаянно увеличенный в размерах, до самих домов крестьянских подступил.

Появилась я там уже под утро самое — но никто не спал в деревне — метались люди с факелами, слышался лай собак встревоженных, да собак охотничьих, словно спустили их по следу.

На миг я остановилась, иллюзию на себя накидывая, опосля дальше пошла. Малыш, уже привыкший к биению моего сердца, страшной обrazyны не испугался, и продолжал агукать, да лепетать что-то. Он продолжал, а вот вся деревня неспящая в предрассветный час, при виде меня затихала, люди расходились испуганно. А я шла горем ведомая — я же ведьма, я горе вижу, и дом, сумраком отчаяния охваченный, я видела тоже.

К нему и подошла спокойно, не таясь. А чего таиться то? О моём появлении уже знали, и даже оповестили пронзительным звуком горна. Гордей сын Осмомысла-охотника прискакал на коне своём военном, коего выкупил у короля за службу отменную, спрыгнул наземь шагах в пяти от меня, опосля подошёл. Сжавшийся, собранный, чуткий. Одна рука на рукояти меча, другая явно скрывает кинжал метательный.

— Экий ты Аника-воин, — сказала насмешливо голосом скрипучим старой карги. — На меня, Гордей, с оружием идти бессмысленно. Мальца забери, горемыка.

А замер тот, не шевельнется, и на дитя смотрит как на подменыша.

— Бери, кому говорят! — из толпы вышел староста, поклонился поясно, произнёс с почтением: — Здравствуй на века, госпожа лесная ведунья.

— И тебе не хворать, Вазим-староста, — с достоинством ответила ему.

И тому же отцу нерешительному:

— Мальца забери, кому говорю? Богатырь он у тебя, крепкий, славный да справный, держать тяжело, я же женщина старая.

Тогда только шагнул ко мне Гордей, про меч и кинжал позабыв, забрал малыша осторожно, а тот возьми да и зареви на всю деревню — у меня-то руки без перчаток, и держала не в пример бережнее, а Гордей он мужик как мужик, руки мозолистые, хватка железная.

— Да что ж ты с дитём делаешь? — возмутилась я.

Отпустила клюку, забрала мальчика, тот у меня затих мгновенно.

— Да что ж за народ-то пошёл! — возмущению моему предела не было.

И держа ребёнка, решительно в дом направилась, в полнейшей тишине люда окрестного.

А как порог переступила, так и окончательно злость меня взяла, да такая, что ни словом сказать, ни матерным описать. Из избы вышла тут же, остановилась на пороге, оглядела крестьян застывших, да нашла лицо искомое.

Путятишна, жена Осмомысла-охотника и мать этого, который мальчика нормально взять на руки не может.

— Путятишна, — громко сказала я. — Ты же травница известная, неужто вех ядовитый определить не сумела?

Жена Осмомысла-охотника из толпы вышла, смущённо передник сминая, да и сказала, стыдливо:

— Так, живот прихватило у меня, опосля пирога с брюквою, четыре дня в нужнике обреталась поди.

Вот же люди! Не зря говорят — сапожник без сапог!

— Путятишна! — у меня голос со старческого, на вполне себе женский сорвался. — Ты же травница! И скажи ка мне, травница, что по вкусу брюкву да репу напоминает?

И побледнела женщина. Как есть побледнела, да и ответила голосом дрожащим:

— Вех ядовитый...

И тут же кинулась к избе своей, уж у неё-то противоядий имелось всяческих, хорошая баба была, хозяйственная да прагматичная, а ко мне остороженько сам Осмомысл-охотник подошёл. Отдала ребёнка ему. Счастливый дед в улыбке щербатой расплылся, а всё потому, что не нужно было ему с лешим моим спорить, с Лешинькой вообще лучше никогда не спорить.

— Внук, — сказал мне восторженно Осмомысл.

А то я не в курсе, что внук.

— Ты внука-то береги, — посоветовала я, хватаясь за припрыгавшую ко мне клюку. — Ты мою Чащу знаешь, у неё к дитяткам особые чувства и если ей кого дают, она же возьмёт, а вот отдаст ли — уже вопрос.

И тут голосом сиплым, нервным, Гордей да и спросил:

— Это ж выходит, что кто-то сына моего лесу Заповедному отдал?!

Я по ступеням дома его ступила, к воину бывшему подошла, руку протянула — не отшатнулся даже, силен мужик. Даже почти уважаю. И заглянув в глаза его тёмные, образ матери фальшивой и передала.

— Иввваника! — прорычал Гордей-воин.

Селяне разом ахнули, а кто-то и запричитал.

— Убью! — прошипел Гордей.

— А вот это, мил-человек, не получится, — я руку от щеки его убрала и в лес отправилась, обронив напоследок: — Чаша моя зело

младенцев жалует, но коли девица попадется невоспитанная, то воспитанием не брезгует.

И тут из толпы крик истошный раздался:

— Доченька! Моя доченька!

Я обернулась, плечами пожала, да и ответила:

— Отдадим. Вот как только перевоспитаем, так и отдадим. Если перевоспитается, конечно. В таком-то возрасте перевоспитывать оно дело сложное.

И уже когда в лес входила, услышала крик Осмомысла:

— Спасибо тебе сердешное, госпожа лесная ведунья!

Обернулась, голову склонила, благодарность принимая, и весело обратно зашагала. Настроение такое стало возвышенное. На небосклон посмотрела, там солнышко яркое по-утреннему свежее на небо поднималось. Самое паршивое время для нежити это когда солнышко на небо поднимается.

И тут они ударили!

Разом, едиными силами, всей мощью!

Я захрипела, да на колено свалилась, из последних сил за клюку свою держась. А где-то там, взревел от боли мой леший, у него же клюка Гиблого яра была! Он удар и принял весь!

И я бы упала, там же на месте упала бы, но леший, мой леший, он ведь погибнуть мог! И ударила по земле, ладонью открытой, ближайший источник до поверхности земли поднимая, а едва воды коснулась, отправила Воде одно единственное словечко-сообщение: «Стой!».

А вот опосля и рухнула.

* * *

«Валкирин, проклятая тварь! Уничтожу!!! Я тебя уничтожу, девка беспутная, кровью своей клянусь — уничтожу! И могилы у тебя не останется!»

Мне говорила это ведьма. Самая прекрасная ведьма на свете. Глаза её были, что озера синие, а глубины в них имелось поболее, чем в море-океане. Красивые глаза. Такие красивые, что смотреть в них

хотелось, глаз своих не отводя, и тонуть, во глубине тонуть, и чтобы легко было и хорошо, и невесомо так. В самую глубину не хотелось, там опасность таилась, я то чувствовала, но отдохнуть, хоть на миг отдохнуть да позволить себе вот так плыть по течению теплему, мне хотелось.

— Веся, посмотри на меня! — а то другой голос.

Властный, повелевать привыкший, сильный голос, и требовал он подчинения.

— Веся, пожалуйста, посмотри на меня...

И руки тёплые. Шершавые чуток, сильные, да вместе с тем нежные, по щеке пальцы скользят, но в движении этом и ласка, и напряжение чувствуется.

— Веся, просто открой глаза!

Снова повелевает, повелительный мой охранябушка. Точно охранябушка, касается осторожно, бережно, ни на что не покушаясь, ни на чём не настаивая. А я глаза его вспомнила — красивые у него глаза, цвета неба синего, что тучами предгрозовыми частью закрыто. Только вот в таком небе, в нём угроза лишь на поверхности, только на первый взгляд, а потом, потом-то знаешь точно, что снова засияет солнышко, дождём омытое, и засверкает каждый куст, каждый листочек, каждое дерево, каждый цветочек, засияет и заискрится, от того и не страшно в глаза архимага смотреть. Мне не страшно.

— Веся...

— М? — отозвалась я.

Усмехнулся, обнял крепче, да и спросил:

— Стало быть, слышишь?

— Стало быть, слышу, — согласилась я.

— А чего тогда молчала? — мрачно спросил он.

— Ну, я сравнивала, — призналась сонно.

— Сравнивала что? — снова голос требовательный, сразу очарование теряется, и уже понимаешь, что не охранябушка это, а Агнехран-маг.

— Глаза ваши сравнивала, — раздражённо ответила я, и голову повернув, уткнулась лицом в рубашку маговскую.

И хорошо так.

И спокойно. И вот так отдыхать мне понравилось больше, чем в глазах ведьмы тонуть, и безопаснее оно как-то.

— И... как? — спросил Агнехран.

— Твои лучше. Нет у ведьмы красивше, с этим не поспоришь, но твои роднее, и добрее, и лучше. Хоть ты и маг.

Хмыкнул, к себе на миг так крепко прижал, что не вздохнуть, но сразу помягче стал, хоть и не отпустил. А я тогда уж и спросила.

— А что ты тут делаешь? Это ж лес Заповедный.

Усмехнулся снова, к виску моему губами прикоснулся, и прошептал:

— А до леса Заповедного, Весенька, ты два шага не дошла.

Вот тут-то я глаза и открыла.

Смотрю — а надо мной полог натянут тканевый, светлый такой, да со знаком маговским. Голову приподняла, гляжу — маги лагерь прямо под лесом разбили, ходят по-деловому, столбы какие-то заклинают. На лес свой поглядела — там, слава силам небесным, Лешинька мой стоит. Злой аки дьявол какой, которого посреди сна разбудили, да к работе приспособили. В руках клюка яра Гиблого, с правой стороны от него Ярина стоит, нервная, слева Леся, вот она счастливая, делает предположения по поводу того, что мы тут скрытые ото всех делаем, и предположения те — одно другого пошлее.

«Лешинька, очнулась я» — сообщила другу сердешному.

Тот облегчённо выдохнул, глаза прикрыл, и поняла я — сам едва держится.

«Что случилось-то?» — спросил он.

«А мне бы и самой понять, — призналась ему. — Догадки смутные есть, но обмозговать то надо, обдумать крепко».

«Пока что так вижу, — ответил Лешинька. — Водяной да болотники Гиблый яр серебряной водой наполнять начали. От воды той только нежити только и вред же, но от чего-то по нам удар пришёлся. От чего так?»

«Не знаю, — призналась я».

«Архимаг с тобой?» — зло спросил леший.

«Он».

«А аспида не видать, к слову».

«Да и не велика потеря», — ответила я. И тут же спросила: — «А он в порядке?».

И глухое рычание из самого леса мне послышалось.

«Был, меня поднял, да и исчез в портале алхимическом.»

«Значит в порядке», — успокоилась я.

«В лес вернись!», — потребовал леший.

А я глаза открыла.

И утонула. Или взлетела. Или ещё что-то, но я или парю, или плыву, или лечу — хорошо так. Охранябушка мой, без глаз подведённых, в рубашке белой шёлковой, чёрные волосы чуть растрепались, а взгляд добрый такой, и улыбка тёплая. Не удержалась я, руку протянула, к улыбке прикоснулась, и на улыбку его, своей улыбкой ответила.

— Хорошо с тобой, — прошептала тихо.

— Вот и мне с тобой, — сказал он в ответ.

Я руку уронила обессиленно, да теперь груди его касалась, а там под пальцами биение сердца ощущалось, да я и ладонь прижала чуть крепче. А он своей накрыл, и с силой прижал, и спросил вдруг:

— Чувствуешь, как бьётся твоя собственность?

— Почему это моя? — возмутилась я сразу.

Потому как если собственность, это же мне ответственность нужно нести же.

— Потому что это сердце — твоё, — спокойно сказал Агнехран. — Для тебя бьётся, и всегда для тебя биться будет.

Я руку быстренько-то и убрала.

Маг настаивать не стал, и продолжать тоже, лишь сел удобнее, спиной о столб полог удерживающий опираясь, подушку на которой я лежала поудобнее перехватил, да и спросил о делах:

— Что произошло?

— Вот если бы я ещё и знала, — созналась виновато.

А лишь попыталась приподняться, охранябушка удержал, затем магией притянул к себе кувшин с бокалом хрустальным, воды в бокал налил, мне подал. Пить вот очень хотелось, но едва к губам вода прикоснулась — чуть не обожгла. Я дернулась, маг быстро ту воду от меня убрал, другой кубок притянул. И вот в нём было вино.

— Пей, в нём серебра нет, но и в воде его практически не было, — сказал Агнехран сдержанно, только в той сдержанности напряжение ощущалось. И тревога.

А я, пить собравшаяся, вдруг на руку свою посмотрела — она была вся рука как рука, да только на самых кончиках ногти чёрные. И я вдруг поняла — чёрные они не от клюки, и не синяки это

подногтевые... это скверна. Это могильная чернота. Это признак нежити!

— Пей, — потребовал маг.

Молча я выпила, бокал ему вернула, да и села, на руки свои глядя внимательно. А потом вдруг поняла — руки, это ведь только вторая стадия. Первая — глаза. И я на мага посмотрела потрясённо, и спросила хриплым шёпотом:

— Охранябушка, что с глазами моими?

— Глазки? — он вгляделся оценивающе и уверенно сообщил. — Очень красивые глазки. Мне нравятся.

Глянула на него с подозрением, только вот врать мне не стоило.

— *Speculo!* — выкрикнула заклинание, словно в другой жизни изученное.

Да едва зеркало появилось передо мной — содрогнулась. Глаза у меня были чёрными. Самыми что ни на есть чёрными! Без белка, без зрачков. Чёрные. Абсолютно чёрные. И губы им под стать — на белом бледном лице они чёрными казались! Я... стала нежитью. Вот почему Агнехран закрыл меня и от своих и от моих, вот почему не отпускал, вот почему...

Стоп, но я не нежить!

Уж я-то это знаю точно!

— Я не нежить, — сказала уверенно.

— Я знаю, — спокойно отвечал Агнехран.

И так он это сказал, что мне интересно стало:

— А если бы стала нежитью, тогда что?

В ответ услышала разъярённое:

— Убью!

Взяла и язык ему показала. Порадовалась заодно, что язык-то мой розовый, нормальный, и авторитетно напомнила архимагам всяческим.

— Нежить нельзя убить, только упокоить!

— Тебя успокоить? — мгновенно предложил маг, да только в вопросе от чего-то угроза послышалась.

— Упокоить, — указала на ошибку его. — Упокоить-то можно живых, а упокоить...

Рывок, и к губам моим чёрным, я сама бы к ним ни на миг не притронулась, губы тёплые, сухие, твердые прижались. И я бокал с вином обронила. И зеркало. А руки, от чего-то не уронились, они

обняли, и вот как только они его обняли, поцеловал меня маг уже по-настоящему, да так, что сердце моё забилося, быстро-быстро, как птица пойманная, или как на свободу выпущенная. И словно взлетаю я, только и держат, что руки его сильные, да дыханием опаляют губы тёплые. И хорошо так, так хорошо, словно весна в душе расцветает, а все цветы морозом побитые, распускаются нежданно-негаданно, ароматом леса-поляны наполняют, радостью сердце наполняют и цветут, так отчаянно цветут, как в последний раз...

Вот только цвели они уже свой последний раз, и цвели и отцвели!

И замерла я.

А вот маг нет — сжал в объятиях крепких, губы безвольные поцелуем согреть пытается, а момент упущенный вернуть, хоть на миг, да не вернётся уж, и Агнехрану пришлось это принять.

Остановился он, в глаза мои заглянул, да и спросил:

— Что не так, ведьма ты моя лесная?

Улыбнулась невольно — хорошее было прозвище, где-то даже самое правильное. Только проблема одна имелась, и сказать о ней следовало.

— Послушай, маг, — на его руках я вольготно лежала, и будь воля моя, может и ещё бы полежала, да только... — Ты гордый, охранябушка, ты шёл даже когда ходить не мог, ты за топор взялся, когда руки ещё дрожали, потому что должен быть не хотел.

И сказав это, поднялась я. Не сразу, и не надолго — пришлось обратно на траву сесть, голова кружилась, пить хотелось, а ещё плакать от чего-то.

— Вся, что ты сказать пытаешься? — тихо спросил Агнехран.

Что я сказать пытаюсь? То, что уже говорила, а ты не услышал или услышать не захотел.

И посмотрела я в глаза тёмно-синие, такие тёмные и такие синие, улыбнулась безрадостно и сказала честно:

— Вот и я не хочу должной быть тебе, Агнехран-маг, а потому сразу скажу, уж не помню в какой раз — не выйдет у нас ничего. Ты хоть и старше меня по годам прожитым, да только я тебя старше на целую жизнь, пойми это. Ты на себя посмотри, охранябушка, ты ещё молод, вся жизнь у тебя впереди, а я хоть и молода, но жизни у меня больше нет.

Странно поглядел на меня архимаг, да и произнёс:

— Speculo.

Да и заискрилось по приказу его в пространстве зеркало. Большое, гладенькое и от того хорошо всё отражающее. И вот отразило оно — меня. Меня, да только почти прежнюю. И глаза мои цвет свой прежний вернули — сине-зелёные стали, и тьма вся исчезла, и даже губы вместо чёрных теперь были красные. Уж зацеловал так зацеловал, и вот как мне сейчас лешему моему показаться?

— А вообще это странно, — заметила я, придвинувшись ближе к магу и оперевшись на ногу его, в колене согнутую.

Тяжело мне пока даже сидеть было.

— Согласен, — согласился охранябушка, да к себе притянул, чтобы на него опиралась-откинулась, на грудь его широкую, на плечо сильное.

Так оно было удобнее, а то совсем я что-то ослабела-то.

— Губы словно огнем горят, — вздохнула я, пальцами осторожно к устам прикасаясь.

— Прости, переусердствовал, — покаялся не слишком искренне охранябушка.

Простила уж, да и не злилась вовсе. Хорошо мне с ним было. Хоть и знаю, что маг, что веры им нет, что ничем хорошим это всё не закончится, а только... хорошо мне с ним было, здесь и сейчас, так бы вот сидела бы и сидела.

Руку подняла, на пальцы посмотрела — не осталось черноты под ногтями, черноты вообще не осталось, и синяков не было, что странно вообще-то.

— Попробуешь воду? — мягко предложил охранябушка.

— Давай, попробую, — согласилась безрадостно.

Оно как — вроде и надо бы, но когда есть шанс, что вода эта на языке огнём обернётся, пробовать не слишком-то и хочется. Только вот куда деваться-то?

Подлетел кубок стеклянный ко мне, магией охранябушки призванный, сам Агнехран его подержал, пока я первый глоток делала. За первым второй, третий, четвёртый... так вся вода в бокале-то и закончилась.

— Это ключевая? — спросила, пока бокал по воздуху обратно летел к кувшину.

— Талая, — ответил маг, платком белым осторожно губы мои мокрые вытирая. — Как тебя увидел, родниковую дать не решился, послал в горы за снегом вечным, вот его и растопил здесь.

Странно, а по вкусу вода и вода, от родниковой не отличить.

— Спасибо, — прошептала, голову запрокинув и на Агнехрана поглядев.

Тот улыбнулся в ответ, и, вздохнув, сказал:

— Всё для тебя, ведьмочка моя.

А вот опосля подушку к себе притянул, меня наверх подтянул, да и лег, голову мою на плече своём уместив.

Лежим, в полог, над нами натянутый, смотрим, и друг на друга украдкой.

А всё потому, что вопросов у нас обоих хватает, только я благодарственно молчу, право спрашивать ему уступая, а он от чего-то тоже молчит. Видать из вежливости. Ну, раз вежливый, сам и виноват.

— На краю Гиблого яра много крови пролилось человеческой, — сказала словно невзначай, руку подняв, и теперь к солнцу сквозь ткань проглядывающему, через пальцы присматриваясь.

Но так вообще вопрос был для меня важный, это я исключительно вид делала, что мне не интересно и так, от скуки спросила-то.

— Крови пролилось много, — сдержанно маг ответил. — Но ни одна жизнь не была потеряна.

Вот тогда-то я и вздохнула с облегчением.

— Волновалась, да? — с насмешкою доброю спросил охранябушка.

— Нееет, — заверила с самым невозмутимым видом. — Просто кровь там, она же это... эм...

— Пролилась слегка, — подсказал вкрадчиво Агнехран.

— В большом количестве! — не согласилась я с его интерпретацией событий.

— Волновалась, — уже с абсолютной убеждённостью констатировал маг.

— Не то чтобы о тебе, — почему-то сочла нужным заметить я.

— Но вообще-то обо мне, — мигом раскусил маг. И уже иначе, твёрдо и уверенно сказал: — Волноваться не стоило, не малец безусый.

Приподнялась, посмотрела на него, указала на объективную реальность:

— Вообще-то безусый.

— Отрастить? — поинтересовался маг.

А я вот только сейчас вдруг поняла — щетину не вижу. На локте приподнялась, вглядываясь в подбородок его гладкий, и тут охранябушка произнёс сипло:

— Весенька, может в другой-какой позе рассматривать будешь?

Ну я быстренько локоть-то с солнечного плетения мага и убрала, надо же было неловко так опереться. И чувствую, краснею я всем лицом, а уши так вообще горят.

А маг выдохнул-вздохнул, да и пояснил:

— Щетины нет, потому что маг я или как?

Или как... Легла я обратно на место самое на плече его удобное, лежу, думаю. Тихомир тоже маг, но щетина у него была, странно это, ну да потом о том подумаю.

— Но крови много было, — вернулась к теме обсуждаемой.

Помолчал Агнехран, а потом так сказал:

— Нежить вела себя странно и непредсказуемо.

Помолчал еще миг и добавил:

— Прямо как ты.

Ещё помолчал, и уже у меня спросил:

— Как так вышло, что чуть нежитью не обратилась?

А я и не ведаю, что ответить. Плечами пожала лишь, сказать мне было нечего.

Но Агнехран на том допрос не прекратил.

— Как вышло, что от поцелуя вновь прежней стала? Совсем прежней, даже чернота с волос сошла.

И он прядь мою подхватил, к лицу поднёс — золотились на свету волосы каштановые, и черноты в них больше точно не было. Прямо как у меня ответов!

Что ж, вопрос был по существу, вот по существу я и ответила:

— Понятия не имею.

— Хоррроший ответ, — задумчиво произнёс охранябушка.

— Знаешь, — я голову повернула, на мага, что на меня взирал неизменно, взглянула, и сообщила: — Жизнь это вообще такая вещь, в которой много вопросов, а ответов раз-два и обчелся.

Усмехнулся маг, руку мою сжал, пальцами погладил невесомо, и сказал:

— То жизнь, Веся, а это магия. Магия — точная наука, и если существует вопрос, значит на него имеется конкретный ответ.

— Это если магия ваша, у вас она да — наука, — согласилась я, от чего-то задерживая дыхание каждый раз, когда большим пальцем охранябушка по тыльной стороне моей ладони проводил. — А для нас, ведьм, магия это жизнь. В ней нет чётких правил, нет и ответов.

И тут снаружи постучали.

Прямо по одному из столбов, что полог тканевый удерживал, опосля раздалось «Гхм» и голос низкий мужской молвил:

— Ваша светлость, послание от императора.

И гладить ладонь мою Агнехран перестал. И от того вдруг холодно стало на душе, и зябко, и неуютно как-то, в общем пора было в свой лес возвращаться.

И я уж встать хотела, но удержал маг, силой удержал, а тому кто стучался, сообщил:

— Отвечу позже.

Но мага пришлого тот ответ не устроил и сказал он:

— Император ожидает на связи.

И вот словно солнце померкло. Села я, Агнехран более не удерживал, лишь на меня смотрел так, словно готов был многое отдать, чтобы не было этих слов, и необходимости уйти тоже не было. Но жизнь она такая, иногда у нас просто нет выбора.

— Я в лес, — сказала, поднявшись и платье оправив.

— А я? — спросил Агнехран.

«А тебе нельзя» — подумала, на него глядя, но сказать вслух не смогла, лишь головой отрицательно покачала.

— Все ещё не доверяешь? — с нескрываемой горечью спросил он.

И вот что сказать ему на это?

Сказала правду:

— Ты архимаг.

Странно усмехнулся охранябушка, да и молвил ожесточенно:

— Это даже не ответ, Веся, это приговор!

Вздыхнула я, да молчать не стала, честно призналась:

— Ты архимаг, охранябушка, ты мой лес Заповедный уничтожить одним ударом можешь, а в нём и чисть и нечисть, в нём дом для всех, кто потерял его. Так как тебя впустить, скажи мне?

И говорили мы тихо, а тот, кто за пологом стоял, громко молвил:

— Ваша светлость!

Но я из полога вышла первая.

На детину, что потревожил нас взглянула неприветливо, и поняла — не маг он, а так, служивый давний, да только служивый этот на меня так поглядел, что ясно стало — вообще не испугался. А я взяла и напугала. Носом длинным горбатым, мордой зеленою бородавчитою, космами нечёсанными, шляпой с поганкою. Не отошёл — отлетел служивый, а после застыл, челюсть отвесив.

Оно понять можно его было — следом за мной маг Агнехран вышел, за талию обнял меня, страхолюдину такую, да спиной к груди своей прижал, и попросил тихо:

— Не уходи, пожалуйста.

Я руку поверх его ладони положила, из груди стон рвался, но я удержалась, и ответила шелестом травы:

— Не могу.

Уходила не оборачиваясь.

Так и ушла. А едва в лес шагнула, сомкнула за спиной моей Леся кусты терновые, припрыгала ко мне клюка моя верная, встретил взглядом суровым леший, а я... вот хоть вой.

* * *

В Гиблом яру цвели цветы. Белые, красивые, ароматом пропитавшие весь воздух даже и над рекой, а ещё в яру цвела Ярина. Металась Чаша моя Заповедная от дерева к дереву, каждое силой своей питая, каждому помогая. У меня на то сил уже не было, устала я, совсем устала.

И сидела теперь на берегу, одной рукой воды касаясь, второй крепко клюку яра Гиблого сжимая — она всё рвалась помочь Ярине да русалкам, что ручьи серебряные подземные пением поднимали, но отпускать было нельзя — это из меня скверна вся ушла неведомо как, а

клюка ещё частично полна была силы нежити, так что нельзя. И держала я её, а она как щенок на привязи, всё рвалась и рвалась.

Водя появился неожиданно — из воды прямо под рукой моей вынырнул, улыбнулся широко-нахально, опосля приосанился, плечами могучими поигрывая, и спросил:

— Хороша ли работа моя, а, хозяйка лесная?

— А то, — согласилась я. — Уж постарался так постарался. Чуть меня с лешим не угробил, но постарался — этого не отнять.

И Водя сник. И тут же ясно стало — сам едва на плавнике держится, устал смертельно за ночь эту, а когда я потребовала остановиться, он же всех и остановил, и русалок своих и болотников моих. И чего ему то стоило, я и представить не могла. Только вот уже закат почти, а Водя только сейчас появился, и зная точно утверждать можно, что до мига этого он в беспамятстве был, иначе раньше бы пришёл.

Руку протянула, ладонь к щеке его прижала, он плечом придержал мою ладонь, отпускать не хотел. Да только разговор нам предстоял, и разговор сложный.

— Весь лес, Водя, зачем весь лес?

Водяной руку мою своей накрыл, к лицу своему прижал чуть сильнее, да и сказал всё честь по чести:

— Хотел, чтобы всё это закончилось. Одним ударом нежить добить хотел.

Но я руку отняла, посидела молча, на работу Ярины глядя, и сказала тихо:

— Это лес, Водя, это лес. Нельзя в лесу одним ударом ничего сделать, кроме как уничтожить его!

Рывком Водя из реки на берег выбрался, сел со мной рядом, а хвост в ноги трансформировать не смог, видать сил совсем не было, на меня посмотрел, кивнул обречённо.

— Знаю, Веся, знаю... Но я тебя в это дело втянул, я за собой вину ощущаю, пойми меня.

— Понимаю, — ответила безрадостно.

Потому что не было радости. Вообще не было.

Ни капельки радости здесь. Назад я хотела, в шатёр светлый, в заботу сердешную, да в объятия мага, того о котором всё время

забываю, что он маг. А ведь маг он, Веся, он маг... нельзя к нему, совсем нельзя.

— Ты грустишь, — сказал Водя задумчиво.

«Я тоскую» — подумала, с трудом слёзы сдерживая.

— Хорошо всё, — отмахнулась от дум печальных. — Справляемся. Не без ошибок, не без трудностей, но справляемся. У меня леший есть, ты есть, войско цельное, и аспид непобедимый. Сдюжим, в любом случае сдюжим.

Кивнул Водя задумчиво, хвостом по воде плеснул, да и сказал повинно:

— Прости, что вышло так, что на тебя удар пошёл, виноват я.

— Не ты, — я головой покачала. — Не ты, Водя. О том, что клюка заповедная в Гиблом яру гниёт обречённо, знать не могли ни ты, ни я.

Помолчал водяной, затем спросил напряжённо:

— А как такое быть может? Как случилось-то? Ведуньи-то мёртвые, нежитью обращённые, с клюками каждая!

Кивнула я, слова его подтверждая, да добавила тихо:

— Так то оно так, Водя, они все с клюками, да только не с теми и не те. Нет среди них ведуньи Гиблого яра, давно её нет. От того и чаща Заповедная меня послушалась, от того и власть над лесом по ночи перехватить я сумела. Нет в этом яру даже умертвия прежней его хозяйки. Её убили. Да не в лесу даже убили, в другом месте.

И тут вот призадумалась я вот об чём: убили хозяйку Гиблого яра не здесь, а погубили-то тут. Я это сама видела, когда в воспоминания Ярины при встрече первой заглянула. Я же всё видела! Ловушку подлую, знак Ходоков жуткий, то как вступила в ловушку старая да и видящая уж плохо ведунья, как вышла из неё, становясь умертвием! А опосля подожгла себя, сама подожгла, чтобы лес свой от скверны уберечь, чтобы спасти свой Светлый яр, да только он всё равно Гиблым обернулся, а я... я... вот я дура!

— Весь, ты побледнела чегось, — напрягся Водя.

— Ох, Водя, тут не бледнеть, тут краснеть впору, — высказала в сердцах, да поднялась резво.

Мне леший был нужен. Прямо сейчас. И именно леший! И... я на водяного посмотрела, и поняла, что водяной мне нужен тоже.

— К лешему надо, с тобой, — честно сказала Воде.

Вздыхнул он тяжело, да и... и кракена призвал. В другой раз сам бы перенёс запросто, а коли кракена призвал, значит совсем Воде плохо, совсем измотан.

* * *

Лешего я позвала, едва на берег ступила, Водя следом перенёсся, из сил последних облик себе придал человеческий, и сидел теперь на бревне поваленном в штанах чешуйчатых серебряных, да с торсом голым, но я слова не сказала — ему и так плохо, куда его ещё за рубашкой посылать.

Послала зов лешему, да ближе к водяному подошла. Он меня обнял, к себе прижал, лбом в живот уткнулся, плохо ему было, совсем плохо. Погладила по волосам золотым, да мягко силу свою ведьмовскую пустила — сильно помочь не смогу, но так, немного, сил придать да слабость не чувствовать, это я могла. А ощутив прибытие лешего, я глаза закрыла, и разом силу свою в водяного выплеснула, голову его к себе сильнее прижав.

— Как у вас тут... интимно, — прозвучал вдруг голос злой.

Аспид вернулся.

Не ответила я ему, к другу верному обратилась:

— Лешинька, родненький, клюку возьми.

Подошёл молча, забрал молча, постоял, глядя как я Водю уже двумя руками обняла, да дышу с трудом, и молвил издевательски:

— А смотрю, не бережёшь ты себя, рыбохвостый.

Водя, под руками моими расслабившийся, вмиг напрягся. Вздудились мышцы могучие, распрямились плечи широкие, и может ещё какая реакция была, Лешинька порой Водю до посинения довести мог, но глаза мне сейчас было открыть никак, а вот на место некоторых поставить — самое то было.

— Клюкой тресну, — пообещала я другу верному.

— Да тресни, — неожиданно согласился леший. — Не впервой, переживу. А вот ты переживешь ли? Сама едва оклемалась!

И Водя тут же отстраниться попытался. Тут дело такое — не понял он, что я делаю, а теперь, когда леший сказал, то уж очевидным

стало.

— Пусти! — потребовал водяной.

— Разбежалася, — ответила ему.

— А бег это в целом полезно, — вмешался аспид.

— Отпусти рыбину, кому сказал! — добавил леший.

— Веся, хватит, — не отставал от них Водя.

— Уже, ихватила, и отпустила и всё прочее, — бесят иногда сил моих нет как. — Ещё мгновение и закончу.

Тишина такая в лесу моём Заповедном воцарилась. Благословенная тишина. Вообще хорошо, когда эти трое молчат и морали мне не читают... особенно если учесть, что сейчас у них повод для чтения нотаций-то появится, да ещё какой.

И тут леший возьми, да и спроси:

— А ты, водяной, небось решил, что тебя от чувств нежных пообнимать решили?

Всё, у Лешиньки настроение поганое вусмерть, так что сейчас начнётся.

Водя в ответ зарычал глухо. Аспид хоть молчал, и то хлеб.

— А я от нежных чувств и держу, Лешинька, ты же меня знаешь, — ответила другу верному.

А затем лицо Води ладонями обняла, запрокинула, в глаза синезелёные, как заводи глубина, заглянула, к губам нагнулась, да и выдохнула часть своего дыхания. Водя вдохнул судорожно и силу вернул. Вмиг вернул.

— Весь, — глядя на меня позвал тихо. — Что это было?

— Ведьмовская магия, — пояснила ему, выпрямляясь, но всё ещё держа лицо его.

Просто взывание к скрытым резервам существа магического, такого как водяной, это несколько нестабильная штука, кто его знает, что случиться может.

Раз, два, три... десять... двадцать... тридцать. Готово. Улыбнулась я водяному, он на меня смотрел непонимающе, с удивлением, да с ощущением силы в нём растущей.

— Лучше? — спросила с улыбкою.

— Лучше, — кивнул Водя. — Намного лучше. Ты во мне магию пробудила какую-то?

— Не, — я плечами пожала. — Силу твою резервную, внутреннюю. Чтоб не пришлось тебе седмицу целую кракена призывать постоянно. А то я ж тебя знаю, ты гордый, а тут такой удар по репутации.

— И не говори, — усмехнулся он. — Русалки засмеют, кикиморы там, болотницы.

Но то шутка была, а затем сказал он уже серьёзно:

— Спасибо, Веся.

Кивнула я, благодарность принимая, отпустила водяного, отошла от него на шаг, мельком глянула на аспида, тот отчего-то такой злой был, что казалось воздух вокруг него потемнел и клубится тьмой, потом на Лешиньку посмотрела — тот не добрее выглядел, ну и, раз терять мне было уже нечего, я всем троим и призналась совершенно честно:

— Я — дура.

И выражения лиц у моих нелюдей такое стало... человеческое. Вполне себе человеческое. Только смотрели на меня так, словно я клюкой пришибленная, а то и бревном цельным. Да и что тут сказать-то, правда дура, набитая да полнейшая.

Протянула руку — клюка Гиблого яра ко мне тут же и припрыгала, да едва ладонью сжала, отозвалась теплом и холодом. Теплом — потому что теперь в ней была жизнь, а холодом — потому что в ней всё ещё оставалась смерть.

Ну и вот так вот, с клюкой в руке, притянула к себе ближайший пруттик из лесного падня, ногой песок речной притоптала, да и начала рисовать, а то так на словах как объяснить вообще не знала.

— Ведунья Гиблого яра попала в ловушку, — я круг нарисовала, к нему фигурку человечка вроде как направляющуюся — стрелочкой обозначила. Посмотрела, подумала, фигурке схематичной юбку пририсовала, а то как-то не солидно — почтенная ведунья и без юбки. Потом подумала, добавила клюку, волосиков... увлеклась...

— Веся, — недобро леший произнёс.

— А, ну да, — точно увлеклась.

Смутилась, волосы поправила... свои, а не у рисунка, потом объяснять начала:

— Это ловушка, — я на кружок криво нарисованный указала. — А в ней знак Ходоков скрыт был. Меня от такой ловушки

охранябушка спас... — и вот только сказала, так сразу тоскливо стало, хоть вой. Выть не стала, постояла, на схему глядя, да и продолжила: — А вот её не спас никто. Но ведунья была опытная, осознала опасность тут же, да и сожгла себя, чтобы скверна по лесу не распространилась. Да только разве остановишь такое? И все же частично она остановила, себя в жертву принеся.

И тут я умолкла. Просто два противоречия озвучила, и только сказав, осознала то — «разве такое остановишь» и «всё же частично остановила». И вроде противоречие, вот только имело оно место. Суть-то в чём: она себя сожгла, пытаясь скверну остановить и лес свой спасти, и частично ей это удалось. Удалось ведь — чаща Заповедная цела осталась. А как удалось? То мне толком не ведомо.

И ещё вот момент:

— Она получается погибла в лесу своём, близ ловушки. Но клюка не рядом оказалась, она на опушке Гиблого яра была, а это только об одном говорит — что гибель свою ведунья далеко от леса своего нашла. И после смерти ведуньи, клюка-то в Гиблый яр и вернулась. А теперь вот скажите мне, как так вышло?

И посмотрела я на лешего — тот ответил взглядом задумчивым, на аспида — и тот задумался, на Водю...

— Охррррранябушка, значит? — разъярённо спросил вдруг водяной.

— Что было, то было, — я руками развела, намекая что нечего вообще вопросы такие задавать. — А по делу у тебя какие-нибудь зарычания будут?

— Замечания? — переспросил Водя.

— Они, конечно, предпочтительнее, — заметила я. — А рычать если так хочешь, то по делу давай.

Нахмурился. Сидит злой, мышцы бугрятся, зубы стискивает, думает.

И тут аспид спросил:

— Почему себя ругаешь? За что? Я в твоих действиях глупости не увидал, хозяйка лесная. Порывистость, решительность, но не глупость.

Постояла я, глядя на него с тоской, да и пояснила:

— Хозяйка Гиблого яра стала нежитью. Остановила этот процесс неведомо как, себя вот сожгла почти, но нежитью частично всё равно

стала. И она, и клюка её — клюка-то в руке была, и как жизнь смертью в хозяйке сменилась, так и в клюке магической.

Помолчала я, перед собой растерянно глядя, и сказала:

— Мне нужно было понять, вспомнить, что случилось с хозяйкою яра Светлого, что Гиблым стал. Ведь показала мне Чаша, всё показала, а я позабыла. И про план твой Водя знала же, что по нежити удар нанесёте, но клюку подчиняя и не подумала. Я не подумала. Моя вина. Моя ошибка, — и с тоской поглядев на лешего, повинилась: — Прости меня.

Мрачным взглядом взгляд мой леший встретил и мрачно же сказал:

— Оба сгупили. Клюка себя повела странно, нетипично повела, из рук моих вырывалась, да к тебе стремилась. По уму понять бы я должен был сразу.

И тут аспид тихо так, проникновенно спросил:

— И что ж мы все понять должны были, объясните уже, наконец.

Леший заскрипел, затрещал корой, но промолчал. Водя тоже понял всё, и тоже молчал, говорить не желая. А вот мне сказать пришлось:

— Господин Аедан, вчера, когда мы с вами за клюку сражались успешненько... ну после вашего прихода успешно, если уж начистоту, я как хозяйка лесная силу клюки Гиблого яра получила. Всю силу. И светлую, что жизнью зовётся, и тёмную, над коей смерть власть имеет. Не подумала я о том, что наполовину прошлая ведунья лесная стала нежитью, не вспомнила. И клюку эту в свой лес принесла, своему лешему отдала — сгупила я страшно. От того, когда Водя с русалками да болотниками воду с ручьев серебряных поднимать начал, удар не на Гиблый яр пришёлся, а на нас, его хранителей, на меня да на лешего.

И вот стою я дура дурую, стыдно мне так, и горько, и страшно от того, что случиться-то могло, и...

— Так, главное спрошу, — молвил аспид. — А скажи мне, хозяйка лесная, знай ты всё это по ночи, как поступила бы?

Что сказать тут. Плечами пожала, да и ответила:

— Так же. Другого пути не было, Велимира начала Ярину призывать. Ведьма эта, не знаю как, но именно она, Велимира, убила прежнюю ведунью Гиблого яра, от того в ней сила ведуньи и была, от того не могла зову противится Чаша Заповедная. Так что не было у

меня выбора, тут всё верно было. В другом глупость заключается — я Водю не остановила. Я не подумала. Я...

— Спать идёшь! — вдруг прошипел аспид.

Да так прошипел, что я отшатнулась, чуть в воду не свалилась — хорошо водяной придержал.

Оторопела я, напрягся Водя, нахмурился леший.

А аспид по-хозяйски приказал:

— Леший, со мной идёшь, совет созывать будем, да тебя проверить надобно, мало ли... вдруг всё ещё нежитью частично шляешься. Водяной, изыди — а то дохлой рыбой уже на милю несёт.

— Я не дохлая рыба! — вскипел Водя.

— Нет, ты не дохлая рыба, ты же у нас не рыба, ты пиявка. Изыди, чтобы до захода солнца тебя не видел, — прошипел аспид.

А потом снова мне, и так словно взбесился начисто:

— Я. Сказал. Спать!

Стою, на аспиде смотрю шокированно, и вот с чего он шипит кто бы мне сказал? Я перед Водей виновата, в том вину свою признаю, перед лешим тоже виновата — тоже признаю, но...

— А тебе-то я что сделала? — спросила непонимающе.

И тут вспыхнул аспид кругом алхимическим. Вот только что сам стоял, а теперь под ногами у него круг алым светящийся, да символы красным светом сияющие, да...

И вдруг обхватила меня поперёк рука могучая, и в единый миг уволокла прямо в реку. И почти сразу на берегу гроыхнуло что-то, и рык раздался, да только — Водя если что и умеет делать вообще лучше всех, так это плавать. Уплыли мы в общем. Очень быстро уплыли. Очень-очень-очень быстро.

«Лесоведчество. Часть 1. Магическая составляющая»

Буквы внезапно становятся всё больше, больше, больше... и как-то исчезают.

— Весь, — лениво позвал водяной. — Веська, ты опять носом в книге заснула.

И я проснулась. Села, проморгалась, в текст вглядываясь и попыталась вникнуть в дальнейшее повествование.

«Лесовозобновление распределяется равномерно на биологическую, магическую и климатообразующую составляющую. Биологическая основа построена на законах экологии, почвоведения, геоботаники, физиологии растений, метеорологии, зоологии, фитопатологии».

И я поняла, что снова в сон проваливаюсь. Просто не реально всё это читать и оставаться в адекватном состоянии, особенно если ночь выдалась вообще бессонная.

— Весь, а что ты ищешь? Конкретно? — Водя потянулся телом могучим, шею размял.

Лежал он частично в ручье, ему на суше сейчас нелегко было, я сидела рядом, устроившись подле дерева, гора книг высилась на телеге в деревеньке позаимствованной.

— «Лесовозобновление распределяется равномерно на биологическую, магическую и климатообразующую составляющую», — монотонно зачитала я.

И тяжело вздохнув, посмотрела на Водю и объяснить попыталась:

— В Гиблом яру всё не так. Видишь ли в любом Заповедном лесу кроме биологической, экологической, климатообразующей, ботанической, зоологической и фитопатологической составляющей ещё и магическая составляющая имеется. Так поддерживается баланс, ведь в Заповедных лесах много нечисти, и без магии — не выживет такой лес, погибнет он, баланс то будет нарушен. И я чем больше думаю, тем больше подозреваю, что в Гиблом яру к магической составляющей, той, что нечисть поддерживает, ещё и иная имеется, та, что нежить хранит.

Призадумался водяной, волосы на спину перекинул, глаза закрывающие, и спросил:

— А стоит ли её хранить, нежить-то?

— А я не ведаю, в том-то и проблема главная, Воденька.

Перевернула ещё несколько страничек, и поняла что тону в терминах, словах мудрёных, да словоблудии излишнем. Конкретики бы, хоть капелюшечку.

— Как по мне — уничтожить бы разом, да и дело с концом, — уверенно водяной сказал.

Посмотрела на него внимательно, да и сказала:

— Тогда и я погибну. И Лешинька мой. А опосля — лес тоже погибнет. Потому что, Водя, есть в Гиблом яру ещё одна магическая составляющая, и как бы темна не была та магия, да только есть она — в земле, в воде, в деревьях, и во мне теперь тоже есть. Но посмотри на меня — ума не лишаюсь, на живое не бросаюсь. И я так скажу — нежить в Гиблом яру тоже не безмозглая, одних только ведуний вспомни.

— Помню, — кивнул Водя. — Но и шибко умными назвать-то их сложно.

— А кого из нас умными-то назвать можно? — вздохнула я.

Промолчал водяной, я же книгу отложила, да следующую взяла.

Трудно искать то, что не ведаешь, о чём не ведаешь, и даже не ведаешь, есть ли в книгах учебных то, что мне надобно. Словно песок сухой просеиваешь, в поисках воды. Просеиваешь, просеиваешь, а он сухой и горячий, и может даже и воды в нём не водилось никогда.

И тут вдруг взяли да и дали мне воду.

Я от неожиданности вздрогнула, на кубок серебряный поглядела, на руку чёрную матовую, что держала его, а опосля на аспида, что явился неведомо как обнаружив нас-то с водяным, и только после поняла — браслет. Браслет обручальный на нём да на мне, вот и нашёл.

— Благодарствую, — ответила робко, осторожно серебра касаясь.

И не обожгло оно меня, болью не отдалось, словно и нет во мне теперь ничего от нежити, словно вовсе не осталось. И всё же первый глоток осторожно я сделала, кубок в руках дрожал, но и от воды, что в серебре подана была, плохо не стало мне.

А аспид опустился рядом, тележку пододвинув плечом... а тележка-то немалая была, сел, локтями в колени упираясь, на меня посмотрел укоризненно, на водяного с явственным обещанием опосля чешую-то ему поистрепать, а затем у меня спросил:

— Нашла что?

— Н-н-нет, — ответила с заминочкой, просто страшно мне вдруг за Водю стало, прямо таки тревожно. — Но ищу, я ж упорная.

— Это мне ведомо, — хмыкнул аспид.

Помолчал, куда-то вперёд глядя, и спросил вдруг:

— Что делать сегодня будем?

— Вы — ничего, — молвила тихо и взялась воду допивать.

Повернул голову аспид, да на меня посмотрел внимательно, но окромя внимательности ещё и гнева в том взгляде было с избытком.

Вздохнула я, кивком на небо указала, и сообщила:

— Сегодня луна полная на небо взойдёт, так и нежить полна силы будет.

— И нежить и нечисть, — с нажимом аспид произнёс.

Так-то оно так, вот только:

— Теперь частью нежити я управлять смогу, видимо.

Помолчал аспид, да и уточнил:

— В том уверена?

Уверенности особой не было, да только:

— Если шанс есть такой, то смысл мне рисковать войском своим, вампирами да оборотнями?

— Сегодня луна полная, сегодня сильны будут и вампиры и оборотни, оборотни особенно, — с нажимом аспид произнёс.

И прав он был. В полнолуние оборотни силу получают особую, и равным им нет в ночь луны первую, да только — нежить тоже особую силу имеет.

— Рисковать оборотнями не буду, — сказала упрямо. — И вампирами не буду тоже.

— Неужто? — издевательски аспид произнёс. — А как тогда завоеванную территорию удержать планируешь? Или отдадим всё с трудом завоёванное?

Глянула на него с грустью, что на душе камнем тяжелым давила, очередную книгу захлопнула бережно, к уж просмотренным поставила, да и молвила тихо:

— Не будет боя сегодня. И отдавать завоеванное не будем, ничего делать не станем. Разве что вот мне с одним магом поговорить придётся.

— Это с кем? — напряжённо спросил аспид.

С кем, с кем... с тем, кто мне от чего-то совсем уж близким стал, с тем, кто:

— Кто тебе ведом преотлично, господин Аедан.

И от чего-то при этих словах дрогнул аспид, маревом тёмным окутался, словно темнотой своей приход сумерек ускорил, да только мне не важна была его реакция, я другое узнать хотела.

— Как закончит дела свои важные с императором архимаг Агнехран, дай знать мне, разговор к нему есть. Серьёзный.

Неодобрительно Водя на меня поглядел, на аспиде я сама не глядела, даже когда произнёс он:

— Сообщу.

— Благодарствую, — ответила, колени обняв, да голову поверх уместив.

Платье, опосля нашего с Водей побега высохло давно, а всё равно как-то зябко было. И неуютно. Словно сырость изнутри заполняла. Мёртвая сырость. А ведь мне придётся её впустить в себя по ночи. Придётся принять. Придётся научиться жить с нею. Придётся. Другого выбора нет.

— Побледнела ты, Весь, — вскинулся Водя.

— Пройдёт, — отозвалась, колени крепче обнимая.

Становилось зябко. Сумерки уж сгущались, предвещая ночь, днём я не отоспалась, ища ответ на вопрос, которого похоже и не существовало вовсе, муторно было, горько, но не страшно. Страшно мне уже не было. Самое страшное в моей жизни уже произошло, так что куда уж страшнее. Справлюсь. И не с таким справлялась.

«Лешинька, пусть русалки пир готовят», — попросила друга верного.

Леший шелестом ветвей ответил. Тут по воде звон прошёл — русалки водяного вызывали.

— Случилось что? — спросила встревоженно.

Водя головой отрицательно мотнул, прислушиваясь к сообщению, затем только ответил:

— Скверны в Заводи после воинства твоего собралось не мало, нужно изничтожить.

Кивнула, понимая, да и спросила только:

— Справишься?

Усмехнулся улыбкой шальной, да и ответил:

— Ты уже помогла, Веся, так что сил мне хватит. А как соберёшься своё дело вершить, я рядом буду.

— Спасибо тебе, Воденька, — поблагодарила я.

Водяной голову склонил и ушёл под воду.

И осталась я, книги остались, да аспид остался рядом со мной сидеть.

Сидим.

Вечереет.

Холодает.

Темнеет...

— Долго тут сидеть будешь? — молвил аспид.

— Нет, — ответила безрадостно. — Не долго. До восхода луны только.

— А опосля что будет? — напряжённо господин Аедан спросил.

Пожала плечами, да и сказала:

— Потом видно будет. Коли сможет уделить время мне архимаг Агнехран с ним разговор говорить стану, а коли нет — сразу спать пойду.

Молча выслушал аспид, да и вдруг спросил вкрадчиво:

— С водяным спать собираешься?

Кивнула устало и сказала:

— С ним. С кем же ещё.

— Со мной, к примеру! — зарычал аспид вдруг.

Голову повернув мрачно на него посмотрела, да и спросила прямо:

— А что же ты, господин Аедан, сделаешь, коли я во сне нежитью оборачиваться стану?!

И застыл аспид, словно каменным изваянием стал. Как есть застыл. И вот я на него смотрю, он на меня, а вокруг всё темнее становится.

— А водяной что сделать сможет? — голосом хриплым спросил аспид.

— Разбудить, — просто ответила я.

И отвернувшись от аспида, на ручей посмотрела устало — светлячки просыпались, сияли над водной гладью, в небе луна всходила... красота такая.

— И что, только водяной разбудить сможет? — гневался Аедан, уж с чего гневался мне не ведомо, но злость в нём ощущалась.

— Не только, — тихо ответила я. — Ещё леший. Но лешим я рисковать не стану, в этом лесу оставлю. И... тебя оставлю тоже.

Хотел было что-то сказать аспид, но лишь выдохнул яростно, и спросил явно иное:

— Почему меня?

Вновь на него поглядев, ответила:

— На тебе браслет мой обручальный. И коли дело совсем худо пойдёт, тогда ни Водя, ни леший меня не вытащат, а вот ты сможешь.

Скрипнув зубами, аспид произнёс:

— Так я и так смогу!

— Сможешь, — я спорить не стала, — только вот, проблемка одна имеется — меня из Гиблого яра вытаскивать придётся, а значит, ты должен будешь здесь находиться.

Зол был аспид, так зол, что и светлячки от ручья полетели подальше, и шорохи леса стихать начали, и...

— Послушай, ведунья, так дело не пойдёт, — прорычал Аедан. — И я на подобное не соглашался!

Пожав плечами, ответила равнодушно:

— Я и не заставляю. Снимай браслет, отдам Гыркуле, он меня подстрахует.

Но снимать браслет обручальный аспид не стал, лишь сидел и смотрел на меня. Да недобрым взгляд его был, ох и не добрым. Ну и пусть злится, его дело вообще мои команды выполнять, я над войском главная, так что напрасно гневается. И я поднялась, начала книги обратно в тележку складывать.

— Ты собираешься войну закончить? — спросил прямо.

— Если б я могла, — усмехнулась невесело. — Границы отвоеванные укрепить я собираюсь. Это поможет смертей ненужных избежать, да время выиграть. Об остальном завтра думать буду.

— Границы укреплять? — переспросил Аедан, поднимаясь. — Как именно?

И сдвинув меня в сторону, сам стал книги собирать, и аккуратно в тележку складывать. А я засмотрелась на его действия, на руки черные, на движения быстрые. Красиво двигался аспид, по-змеиному быстро, по-магически уверенно, по-мужски решительно. И хотела было вопрос задать, да не моё это дело, вот я и не стала спрашивать.

Но аспид заметил взгляд мой, и то как отвернулась быстро заметил тоже, цепкий у него взгляд был.

— Спросить что хотела? — поинтересовался с иронией.

— Хотела, — не стала я отрицать. — Но права такого не имею, от того и спрашивать не стану.

Господин Аедан споро книги все собрал, встал ровно, руки на груди сложил, да и сказал:

— Спрашивай, на любой вопрос отвечу.

А вот в этом я сильно сомневалась, что ответит на такой вопрос. Голову запрокинула, в глаза его змеиные поглядела, да и сказала:

— Не стану.

— Ну, мне уже и самому любопытно, что спросить хочешь, — с нажимом произнёс аспид.

Постояла я, на него посмотрела, опосля отвернулась, в сторону Гиблого яра глянула.

— Ну же, — мягко подтолкнул к разговору аспид.

Ну, коли интересно так, от чего же и не спросить.

— Главный алхимический закон — чтобы что-то получить, следует отдать равноценное. Что отдал ты?

Я знала, что ответа не услышу. И я его не услышала. Вспыхнул круг алхимический знаками да формулами, толкнул в него аспид тележку с книгами, и исчез круг. Остались только я, лес и аспид. И вопрос, что вдруг задал господин Аедан:

— А что отдала ты, ведунья лесная?

Видать думал, что не отвечу, но мне скрывать было нечего.

— Воспоминания, — я развернулась к аспиду, улыбнулась ему грустно, и пояснила. — Воспоминания об отце. То единственное, чего не было жалко.

Думала шуткой на моё признание ответит, но аспид вдруг тихо сказал:

— А я жену. То единственное, чего было не жалко.

И замерла я. Смотрю на него оторопев, в глаза змеиные синие чуть светящиеся, и слов нет! У меня слов нет, ни единого. Только мысли, что нельзя так. Так нельзя! Как это жену?!

— Что, не одобряешь? — спросил Аедан с вызовом.

— А как такое одобрить? — тихо ответила я.

Усмехнулся аспид, и почти приказал:

— Спроси ещё за что.

Не стала я спрашивать. Не понимаю я такого и не понимать не желаю. Он женою расплатился — разве можно такое понять? Каким бы не был проступок, не имел права он чужой жизнью за свою силу расплачиваться. Просто не имел.

— За сына, — тихо, сдавленно и с болью, которую не скрывал, произнёс аспид.

Я взгляд на него подняла непонимающий, потрясённый, неверящий. А чудище огненнокровное лишь усмехнулось горько, и ответило:

— Я аспид, Веся. Я тот, кто наделён силой от рождения, а потому и дети мои, рождаются с силой, рождаются исполненными магии. Мне не повезло — я женился на магичке. Мне казалось, она любит меня. Любит такого, какой есть. Я не любил, моя вина. Сердце следовало слушать, сердце всегда принимает верное решение, а вот разум нет. Но я поддался голосу рассудка, и в надежде обрести дом, семью, счастье, я женился на той, что любила так искренне. И счастье пришло в тот день, когда родился мой сын. Я не любил женщину, что произвела его на свет, но сын стал частью моего сердца, едва я взял его на руки.

И Аедан умолк. То было тяжёлое, тягостное молчание. Неловкое для меня, потому как ни спросить, что было дальше, ни утешить я не могла. Чем тут утетишь? Я уже поняла, что сына больше нет, существуют сказки с плохим концом, вот это и была такая сказка.

— На его могилке всегда цветут цветы, — произнёс аспид.

Помолчал и добавил:

— У той, что убила его — могилы нет.

Надо же, как мы похожи. Такое отчаянное сходство, от которого болит душа, от которого вскрываются незаживающие раны.

— Осуждаешь? — тихо спросил он.

Кто я такая, чтобы осуждать? Я никто. Я больше чем никто, ведь я поступила примерно так же.

— Когда всё это закончится, я бы хотела передать цветы... для его могилки, — тяжело такое говорить, и всё же я сказала.

Усмехнулся странно аспид и произнёс:

— Когда всё это закончится, я покажу тебе его могилку. Тебе и... нашему ребёнку.

Вот значит как. Впрочем, не о том ли велась речь с самого начала? О том самом. Аспид хотел сына, а в случае со мной точно знал, что я своего ребенка не убью никогда. В принципе никакая мать не убьёт, за ребёнка скорее свою жизнь отдашь, чем вред ему причинишь, и такового мнения почти все матери придерживаются. А аспиду просто не повезло. Обжегшись на молоке, дуешь и на воду. Вот он и выбрал не просто женщину, а ту, что никогда чужую жизнь не отнимет. Верный расчёт, и по уму, и по сердцу верный, только вот... лгать я не стану.

Я и не стала.

— Кров сроком почти на год, и крови втрое меньше чем во мне сейчас ты получишь, аспид, — сказала, решительно глядя в его змеиные глаза. — А ребёнка — нет. Всё понимаю, боль твою как свою чувствую, выбор твой понимаю тоже, да только и ты пойми — я своего ребёнка никогда никому не отдам. Никогда и никому. Прости, врать не хочу, вот и говорю всё как есть.

Прямо сказала и реакции ждала прямой, гнева ждала, ярости, негодования. Многого ждала, а получила... улыбку. Улыбнулся аспид, сверкнули зубы в темноте, сверкнул круг алхимический и исчез Аедан, оставляя меня одну.

Одну и в растерянности. Не такого ждала я, не такой реакции, не таковых действий. И легче мне стало с одной стороны, на душе легче, а с другой — что будет-то теперь?! Чего ждать от аспиды? Упорства али удара в спину? Ох, и сглупила же я!

И тут появилась Леся.

Заповедная моя зловредина, упорно баюкала девицу детородного возраста, ловко спеленав её простыней, и где только взяла, и засунув в рот пустышку из дерева вытесанную да цветочком украшенную. Девица уже подвывала, видать сил у неё не осталось, да и трепыхаться перестала почти. Ну, значит урок усвоен, скоро отпустим.

Я быстро иллюзию на себя набросила, да на чашу посмотрела вопросительно. Леся, снова в виде девы голозадой отполированной,

пустышку изо рта девицы вынула, на ноги несчастную лже-мать поставила, и та как заголосит:

— Госпожа лесу хозяйка, на всё согласная, всё сделаю, дитёнков буду хоть каждый год рожать, только не от аспиды!

Удивительное дело — единомышленники мои прямо на глазах множатся.

«Леся, — позвала мысленно: — Случилось что?»

Чаша головой кивнула, росток ко мне отправила, ладони моей кивнула, и увидела я пир перед избушкой своей, русалок меж столами снующих, кикимор салаты стругающих, да аспиды, что вышел из круга алхимического довольный такой, счастливый весь, чуть ли не сияющий. Кикиморам пожелал ножей вострых, русалкам воды чистой, а девице, что спеленутая и показно-демонстративно Лесей укачиваемая была, сказал: «Пустышка тебе к лицу». И всё бы ничего, девица то уже слегка попривыкла и к кикиморам, и к вампирам, и даже к волкодлакам, но одна из кикимор, будь она неладна, тут же зашептала другим: «Всё, аспид размножаться решил! Вот зачем ведунье-то девица эта — её отдаст чудищу!».

— Не отдавайтаяаяя, — заголосила похитительница чужих детей.

«А может и правда аспиду отдать?» — мелькнула шальная мысль. И главное не у одной меня мелькнула — Леся тоже смотрела просительно. Оно и понятно, чаша моя уже тоже на всё согласная была, и даже леший возражать не будет, только вот... ведьма я, будь оно все неладно. И у меня есть совесть, чтоб её.

— Отпусти, — приказала я Лесе.

Леся помрачнела. Нахохлилась. А потом взяла и исчезла, с девицей вместе. За девицу можно было не переживать, раз я приказала Чаша её точно отпустит, и отпустит невредимой. Вопрос лишь в одном — где она её отпустит?!

Надо бы проследить.

И топнула я ногой, тропу Заповедную открывая и перед избушкой своей вышла. Пир там был в разгаре — о том, что боевых действий сегодня не будет, воинам было уже поведено, а потому вино лилось рекой, слышался смех, надменные вампиры запросто байки травили, волкодлаки хохотали оглушительно, русалки строили глазки и вампирам, кикиморы всем остальным, домовой и Кот Учёный

заносили книги с тележки в дом. И всё бы ничего, только вот над банькой моей, что мне охранябушка выстроил, вился дымок. А опосля оттуда же послышался и крик истошный девичий!

Ну, Леся!

Я опрометью на вопль метнулась, за мной леший верный, домовый скрытный, Кот Учёный, Ярина возникшая из земли и даже Ворон Мудрый. Ворвались мы все в баньку мою недавно же построенную совсем новую, так торопились, что двери снесли, а как ворвались, так и застыли.

Аспид сидел в воде в чём мать родила, штаны рядом висели на крючке, но что там у аспиды кроме широкого разворота плеч мне увидеть не дали — мгновенно прикрылся Аедан веником дубовым. А вот девице прикрываться было нечем. Леся у неё всё последовательно отбирала — одежду, веточки сушёные, даже пустышку, которая оказалась тоже вполне себе прикрытием, и то отобрала. И всё это в процессе... лекции размножительной. Подробной очень и размножительной. С тычинками и пестиками. С описанием устройства органов размножительных у аспидов и людей и доказательством абсолютной совместимости в деле то размножительном. Демонстративном доказательстве. Я покраснела, а девица то уже и вовсе подвывала на одной ноте, и только аспид смотрел на это дело с ленивой безмятежностью, а мне спокойно сказал:

— Хорошая лекция. Доказательная база собрана определённо со всем тщанием. Материал преподнесён интересно и познавательно. Оставайся, досмотрим вместе. А там, глядишь, и перейдём от теории к практике.

И тут девица выть перестала. На меня воззрилась с недоумением, на аспиды с ещё большим недоумением. И вдруг как скажет:

— Да она ж страшная!

Глянул на неё аспид скептически, и заметил:

— Сказал же — пустышка тебе к лицу.

И уже не мне, не девице, а прямо Лесе:

— Хочешь результата — убери девицу и прочих и оставь мне ведунью, дальше как-нибудь сам справлюсь, без лекций и свидетелей.

Из баньки я вылетела первая.

Остановилась за избой, не желая сейчас никого в принципе видеть, дождалась покуда остальные подтянутся, да на Лесю поглядела

так, что та мигом вину свою осознала, девицу обратно одела, и спросила: «Уже идти отпустить её, да?». Я даже отвечать не стала, как и Леся ответа ждать — Чаща мигом испарилась вместе с девицей, одна пустышка деревянная на земле осталась.

— Может мы кровь твою разбавим? — мрачно предложил леший.

Ярина, хоть и Чаща, своё предложение внесла:

«В яру есть места, где время быстрее идёт, год пролетит — не заметишь».

Хм, какая интересная особенность яра Гиблого.

— Нет, — я головой отрицательно мотнула. — Коли такие места есть, там высадки саженцев делать надобно, а с аспидом... сама разберусь. Наверное. Как-нибудь.

И тут из баньки донеслось:

— Кровь и так будет разбавлена... моей.

Ах ты ж!

В следующий миг вода в баньке ледяной коркой покрылась! Ну не сдержалась я.

— Поздно, — донеслось насмешливое: — Я уже оделся... почти. Но лёд хороший, одобряю.

Ледяной порыв ветра, и снежный сугроб замело прямо в избу. Оттуда опять что-то почти донеслось, да снег приглушил аспида голос.

— Правильно, — похвалил Мудрый Ворон.

— А то нашёл с кем шутки шутить, — поддержал Кот Учёный.

Леший молча суставы размял.

А я в избу ушла. Злая. Вся злая, потому что помыться бы, но в баньку после аспида ну вообще не хочется! А в озеро, что для меня водяной сделал тоже не пойдёшь — вампиры рядом, бадзулы, моровики, ауки, оборотни, неудобно как-то. Так что мыться буду в ледяной воде, да делать нечего.

Платье скинула, плащ на плечи накинула, полотенце захватила, а как во двор спустилась, увидела аспида, из баньки идущего, да несмотря на снежинки в волосах, широко усмехающегося. При виде меня усмехнулся шире, а вот едва полотенце в руках моих увидал, улыбка то его и покинула.

А следом и я.

Конец второй книги